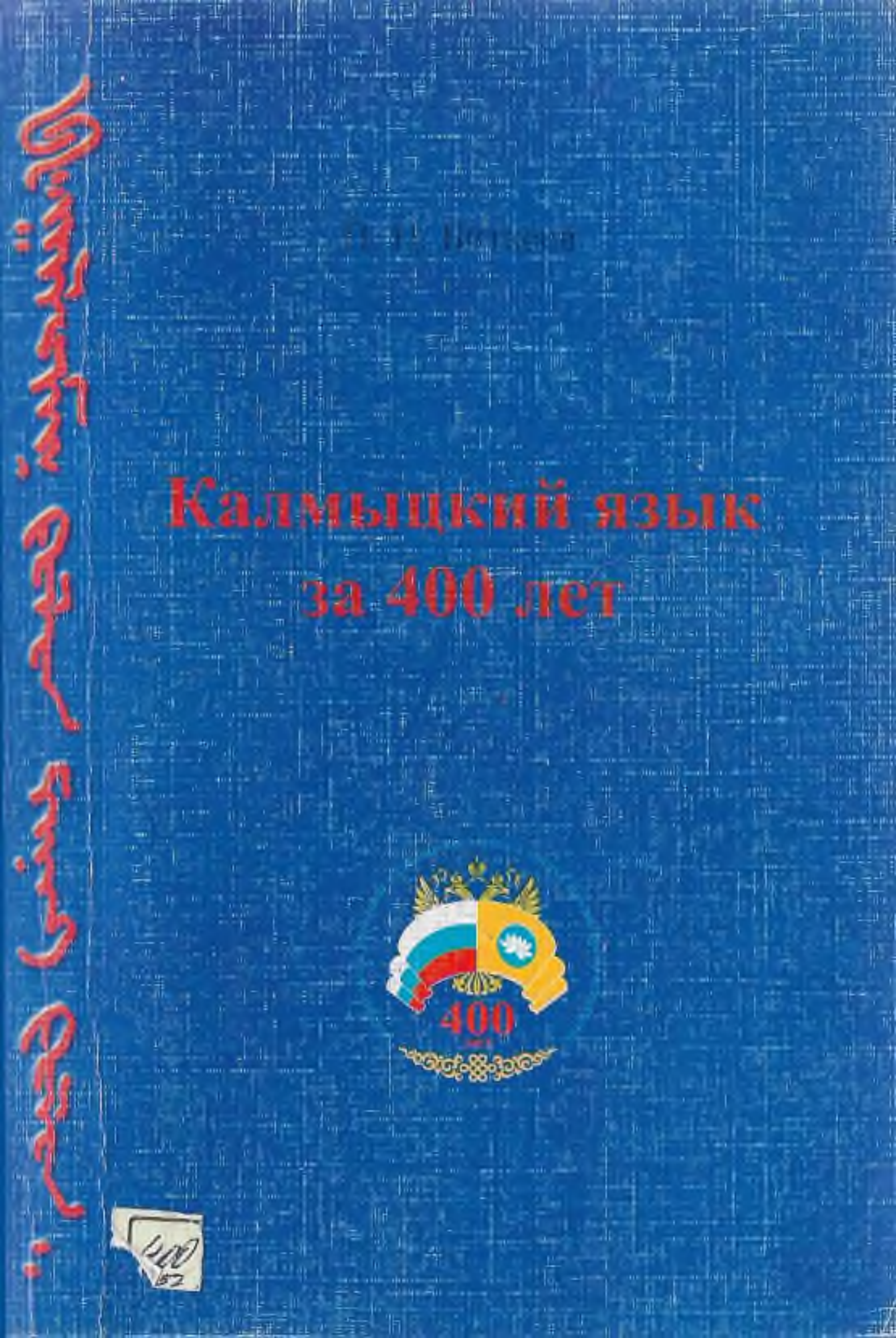

Калмыцкий язык
за 400 лет
400

Федеральное агентство по образованию
Государственное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
Калмыцкий государственный университет

П. Ц. Биткеев

Калмыцкий язык за 400 лет

Элиста 2009

ББК 74
Б 661

Биткеев П.Ц.

Б 661 Калмыцкий язык за 400 лет. – Элиста: ЗАОр «НПП «Джангар», 2009. – 192 с.

В книге рассматриваются важнейшие проблемы теории и практики калмыцкого языка в синхронии и диахронии. В ней прослеживаются основные закономерности исторического развития калмыцкого языка за время с XVII в. до наших дней.

Выводы и положения, изложенные в книге, имеют прямое отношение к актуальным сегодня научным и практическим вопросам калмыковедения.

Результаты исследований затрагивают и многие аспекты спорных проблем отечественной и зарубежной монголистики и алтаистики.

Книга предназначена студентам, аспирантам, специализирующимся в области монголистики, калмыковедения и алтаистики, преподавателям вузов, учителям школ, а также для широкого круга читателей, интересующихся вопросами исторического развития и сегодняшнего состояния калмыцкого языка.

Ответственный редактор:
д.ф.н., профессор С.Л.Чареков

Рецензент: д.ф.н., профессор М.У.Монраев

Работа выполнена по гранту Аналитической ведомственной целевой программы Рособрнауки РФ «Развитие научного потенциала Высшей школы (2009-2010)» Проект № 5775

Научное издание

П. Ц. Биткеев

КАЛМЫЦКИЙ ЯЗЫК ЗА 400 ЛЕТ

Подписано в печать 10.12.2009.
Формат 60x84/16. Усл.печ.л. 11,16.
Бумага офсетная. Тираж 500 экз. Заказ 2895-09.

Отпечатано в ЗАОр «НПП «Джангар»,
358000, РК, г. Элиста, ул. Ленина, 245

Введение

Работа посвящена важнейшим аспектам исторического развития калмыцкого языка и письменности, которые имеют прямое отношение к проблемам монголистики, алтаистики и к решению актуальных вопросов функционирования современного калмыцкого языка. За время своего развития с XVII в. калмыцкий язык претерпел большие изменения, которые охватили практически все уровни его системы – фонологический, морфологический, лексикологический, синтаксический. Одной из причинных основ, вызвавших эти изменения, был процесс редукции, воздействию которого подверглись морфологические единицы, особенно аффиксальные морфемы, лексические единицы, в первую очередь служебные слова, различные частицы. Значительной модификации подверглась слоговая структура слова, в результате чего сократилось количество слогов во многих словах. Редукция охватила и фонетический строй языка, что привело к появлению новых фонем, например, неясных гласных фонем в непервых слогах слова, редуцированных гласных полного образования в некоторых позициях слова, что явилось во многом причиной их качественного изменения. К числу произошедших в калмыцком языке изменений также относятся: сингармоническая трансформации слов из твердого ряда в мягкий ряд, монофтонгизация дифтонгов, образование новых лексических единиц, в частности, путем сращений. Естественно, появились и новые понятия, новые термины, заимствования из других языков, больше всего из тюркских, тибетского, русского языков.

Проблема долготности в монгольских языках, в калмыцком языке, в частности, обрела во второй половине XX в. чрезвычайную актуальность в связи с тем, что признак фонологического противопоставления гласных по степени протяженности во времени при их произношении является одним из важнейших критериев в алтаистической науке. Не случайно, поэтому в полемических спорах о древнем происхождении долгих гласных монгольских языков выступили известные российские, а

больше всего зарубежные ученые. Правда, дискуссии по этой проблеме на страницах зарубежных, а отчасти и отечественных периодических изданиях не дали однозначного ответа на вопрос о том, являются ли нетрадиционные долгие гласные, встречающиеся в монгорском, могольском, дагурском и других монгольских языках, сохранившимися представителями долгих гласных древнейшего монгольского языка. Следовательно, остался открытым вопрос, было ли свойственно протомонгольскому языку противопоставление гласных по признакам краткости и долготы. Мнения ученых разделились: одни считают, что долгие гласные были свойственны протомонгольскому языку, другие категорически отвергают.

Уместно отметить, что исходным толчком для дискуссий послужила идея Ш.Хаттори о древнем происхождении некоторых долгот в системах гласных в современных монгольских языках. И споры эти нашли продолжение частично и применительно к трактовке знака «удан» в «Ясном письме» XVII в. По существу речь шла об отсутствии долгих гласных в калмыцком и других ойратских языках времени создания «Ясного письма», кроме долгих *ā*, *ē*, а по другой версии, ударенных гласных *á*, *é*. Это были неудачные, научно не подкрепленные попытки доказать, что процесс образования долгих гласных в калмыцком языке того времени был еще не завершен и продолжался до конца XVII в. и далее.

Поэтому исследование тенденции и характера развития долгих гласных в современном калмыцком языке за последние 400 лет имеет принципиальное значение для решения проблем долготности и редукции в монгольских языках.

Надо сказать, что процесс развития подсистемы гласных фонем калмыцкого языка был совсем не простым. Дифтонги, которые были сложными образованиями в составе долгих гласных, подверглись монофтонгизации, следовательно, в фонологической подсистеме гласных также произошли изменения по признакам простой – сложный. При этом результаты их модификаций были разными по качеству гласных в зависимости от того, в каком слоге слова находился дифтонг – в первом или непервых слогах.

Следующая стадия развития исторически долгих гласных и дифтонгов состояла в том, что гласные полного образования подверглись в некоторых позициях слова последующей редукции. Это послужило основой их фонологической дифференциации, что обусловило и соответствующие изменения звуковых обликов многих слов и морфем.

Актуальность проблемы применительно к калмыцкому языку усиливается еще и тем, что в калмыцком языкознании и монголистике возникли различные интерпретации в отношении фонологического качества редуцированных гласных полного образования. Это обусловлено традиционно не адекватным представлением о фонологическом качестве неясных гласных и методах его определения, а частично и недостаточным учетом имеющихся результатов современных исследований. Редуцированные гласные полного образования калмыцкого языка, которые употребляются в односложных словах, в конце многосложного слова, а также спорадически и в середине многосложного слова, впервые классифицированы как разновидность соответствующих долгих гласных фонем Г.Д. Санжеевым и изложены в его книге «Грамматика калмыцкого языка», вышедшей в первой половине прошлого столетия. При этом они терминологически закреплены как «долгие», наряду с употреблением термина «сверхдолгие» в отношении долгих гласных, которые не подверглись редукции. Основным методом определения фонологической принадлежности редуцированных гласных полного образования был этимологический подход, исключающий в данном случае закономерности чередования фонем. И эта точка зрения надолго закрепилась, видимо, как удобный и простой способ описания звуков калмыцкого языка, использовалась она в калмыцком языкознании путем перекодировки терминов, например, «долгие» и «сверхдолгие» стали называться соответственно «полудолгими» и «долгими». Естественно, такие «новшества» были всего лишь несколько измененным повторением того же не соответствующего фонологическим критериям подхода при определении фонем. К сожалению, эта научно устаревшая точка зрения иногда и сегодня встречается в публикациях по калмыцкому языку.

Естественно, разнобой в квалификации оценки редуцированных гласных полного образования негативно сказывается на практике, например, при обучении калмыцкому языку в учебных заведениях, составлении учебников и учебных пособий, а также в практике научно-исследовательской работы.

Другой аспект модификационных изменений, произошедших в калмыцком языке за прошедшие четыре столетия, связан с редукцией кратких гласных непервых слогов и образованием так называемых неясных гласных фонем. Редукция исторически кратких гласных непервых слогов произошла, как известно, во многих монгольских языках, но больше всего проблем возникло в калмыцком языкознании, особенно в связи с отсутствием их графического обозначения на письме. В результате того, что физическая природа, фонологическое качество этих гласных не были изучены, они не получили буквенного обозначения в калмыцких письменностях 20-30-х годов прошлого столетия, из-за чего письменность обрела консонантный облик. Поэтому можно встретить на письме слова, содержащие только один гласный в первом слоге, за которым следует множество сочетающихся согласных, достигающих 10-11 согласных букв. Правда, нетрудно понять и авторов графических и орфографических норм новых письменностей того времени, если учесть, что неясные гласные, восходящие исторически к кратким гласным, были тогда еще мало изучены и ошибочно характеризовались в монголистике как неполноценные звуки, не обладающие сколько-нибудь значимыми для языка свойствами. Об этом красноречиво свидетельствуют и обозначающие их термины: «неясные гласные», «тусклые гласные», «редуцированные гласные», «гласные неполного образования», «шва», «кластер», «некий вокалический придаток согласного» и др.

В монголистике теорию редукции не связывают с теорией долготности, поскольку они носят на первый взгляд противоположно направленный характер развития – в одном случае – краткие гласные редуцировались, а в другом – гласные удлинились и образовали долгие гласные фонемы. Поэтому традиционно считается, что они обусловлены разными причинами, относя-

щимися к разным временам истории развития языка. Однако результаты моих исследований показали, что и удлинение, и сокращение различных единиц, в том числе и звуковых единиц, в монгольских языках произошли одновременно по одной и той же причине. Поэтому и теория редукции, и теория долготности представляют собой разные компоненты одной теоретической концепции, которая названа мною как «Закон корреляционной модификации».

Поиски причин возникновения и развития долгих и неясных гласных обычно ограничены в монголистике представлением о замкнутом круге чисто фонетических изменений, где доминируют традиционные точки зрения об эволюциях звуков, в частности, об исчезновении интервокального согласного, влиянии второстепенного словесного ударения, о древнейшем происхождении долгих гласных, о безударном положении неясных гласных. При этом фонологический аспект упоминается лишь попутно, как следствие образования долгих гласных, совсем редко и неясных гласных. Как известно, возникновение новых фонем не происходит без участия в этом процессе фонологической системы, нередко и других уровней языка.

Сферу распространения процесса редукции ограничивают в монголистике обычно только редуцированными (неясными) гласными. Однако процесс редукции охватывает не только гласные и согласные фонемы, но и слоговую, морфемную структуры лексических единиц. Многие слова сократились в результате редукции гласных и согласных на один, два, а иногда и более слогов. При этом нередко аффиксальные морфемы, в меньшей степени корневые морфемы, подверглись довольно сильной модификации. В результате чего сильно увеличилось число вариантов аффиксальных морфем. Психологическое восприятие их как единообразных морфологических единиц поддерживается консонантной орфографией, которая скрывает их многочисленные варианты произношения, например, широко используемый в языке аффикс причастия прошедшего времени имел в ранней письменности в соответствии с закономерностью палатального сингармонизма формы *–san* ~ *-sen*. Эти формы и общая модель

их сохранилась в современном калмыцком языке, поэтому в орфографии утвердилась форма - *сн*, например, *йовсн* «ушедший», *авсн* «взявший», *өлссн* «проголодавшийся, голодный». При этом аффикс –сн может в одних случаях произноситься с неясным гласным – *сън* или *–сен*, в других случаях – без этих гласных, а в отдельных случаях аффикс сильно модифицировался, например, в үссн «вдевший», хатсн «засохший, затвердевший» произносятся как *-цен*, *-цън*, ср. в транскрипции. үscən, xatcʌ̀n.

Многие служебные слова, особенно частицы, подверглись в определенных сочетаниях со знаменательными словами сильной деформации, что истинную их суть можно выявить только путем лингвистического анализа. К ним относится, например, отрицательная частица *биш* «нет, не», которая известна всем носителям языка и употребляется очень часто самостоятельно: *дектр биш*, тетрадь «не книга, а тетрадь», *темән биш мөрн* «не верблюд, а лошадь», *авхмн биш* «не надо брать» и др. Однако во многих случаях частица биш подверглась редукции и превратилась в соответствующие аффиксы *-ш*, *-уш* ~ *-үш*, например, *ирхш* «не приходит», *келхш* «не говорит», *медхш* «не знает», *ирхүш босад уга* «не только не пришел сюда, но даже еще не встал», *келхүш медәд уга* «не только не сказал, но еще не знает». Здесь налицо факт, когда отрицательная частица *биш* подверглась сильной редукции и превратилась в аффиксы с тем же отрицательным значением.

Аналогичным образом произошло образование форм аффикса порядкового числительного *-дгч*, например, *негдгч* «первый», *хойрдгч* «второй», *тавдгч* «пятый». Прежде в калмыцком языке такого аффикса не было, он образовался из служебного слова *дәкҗ* «еще, еще раз», которое восходит исторически к форме *dakiji* с тем же значением. Слово это одновременно свободно употребляется самостоятельно. То же самое произошло с отрицательной частицей *уга* «не, нет», например *келәд уга* «еще не сказал», *бичәд уга* «еще не написал», но в ряде случаев она послужила основой для образования отрицательных аффиксов, многие из которых являются словообразовательными, что нетрудно убедиться на следующих примерах: *кергго* «не нужно»,

керго «не хочу», эҗго «пустынный, безлюдный»,например, *эҗго эрм цаһан көдә* «совершенно безлюдная, нетронутая белая пустыня», *кишго* «вредный», его варианты *кишкә ~ кишго ~ кишко ~ ~ кишва ~ кишв,* например, *.кишвә ноха* «вредная, плохая собака».

К числу других новообразований относятся слияние многих частиц и вспомогательных глаголов с глагольными основами, например, образование от личных местоимений лично-предикативных аффиксов, которых не было прежде в калмыцком языке, например, *ирвч* « ты пришел», *ирвт* «вы пришли», *ирләв* «я приходил», *ирләч* «ты приходил», *ирҗәв* «я оказался пришедшим», *ирҗәч* «ты», оказывается, приходил» и др.

Таким образом, в калмыцком языке произошли заметные изменения в произношении. Естественно, они получили соответствующее отражение во всех уровнях системы языка, прежде всего в звуковом строе, морфологической структуре, лексической системе, конечно, и в синтаксисе.

В работе представлены результаты исследования такого специфического для многих, в основном агглютинативных языков, куда относятся калмыцкий и другие алтайские языки, явления как сингармонизм. Надо сказать, что он практически никогда не вызывал острых дискуссионных споров. Это, возможно, связано с тем, что сингармонизм свойственен далеко не всем языкам, а там, где он функционирует, больше интересовались его практическим аспектом, прежде всего применительно к учебному процессу, исследование ограничивалось, как правило, механизмом его проявления, который, по утвердившемуся мнению, регулируется качеством гласного первого слога слова. Между тем сингармонизм может быть использован как один из важнейших критериев при исследовании заимствований из других языков, особенно из тех, которые не относятся к агглютинативному типу. Поэтому он важен в исследованиях монгольских языков в диахроническом плане, о чем могут свидетельствовать существовавшие некоторое время назад в монголистике споры о лабиальном сингармонизме в калмыцком языке семнадцатого века.

Основанием для возникновения такого вопроса послужил лабиальный сингармонизм «Ясного письма» и бытовавшая в монголистике точка зрения, что эта письменность была создана только для ойратов – предков калмыков. И в этой связи возникали различные вопросы по историческому развитию калмыцкого языка. Гораздо позже мои и монгольских ученых исследования позволили установить, что лабиальный или губной сингармонизм «Ясного письма» был обусловлен другими причинами, в частности, предназначенностью «Ясного письма» для всех монгольских народов, в том числе для восточных монголов, языку которых свойственен лабиальный сингармонизм. В калмыцком языке, как известно, отсутствует лабиальный сингармонизм, не было его и в историческом прошлом.

Характерным для калмыцкого языка является, как известно, палатальный сингармонизм, который по механизму своего проявления представляется довольно простым явлением. В процессе своего развития он подвергся значительным изменениям, но их трактовка была сильно осложнена введением положений о том, что на калмыцкий сингармонизм оказала влияние закономерность, которая называется «переломом гласного i ». При этом в монголистике не учитываются некоторые важные компоненты, участвующие в формировании сингармонической рядности слова. Нередко и в литературе по общей лингвистике механизмы образования и причинная обусловленность формирования палатального сингармонизма бывает сведены воедино, что противоречит реальности.

И, наконец, в настоящей работе установлены основы функционирования двух сингармонических рядов слов. Они состоят в том, что сингармонизм базируется на тембровых характеристиках слов: слова мягкого ряда произносятся при высоких (диезных) составляющих тембра, а слова твердого ряда – при низких составляющих тембра. Механизм образования сингармонизма состоит в том, что артикуляция, обеспечивающая тембровый уровень слов двух сингармонических рядов, формируется до начала произношения слова и сохраняется на протяжении произношения всего слова.

Результаты исследований позволили также установить, что в рамках палатального сингармонизма калмыцкого языка функционирует компактностный сингармонизм, который проявляется в том, что в непервых слогах слова употребляются только широкие и узкие гласные, исключена употребительность в этой позиции гласных среднего подъема артикуляции.

Вполне логично, что в работе, где рассматриваются изменения, произошедшие в калмыцком языке за время его исторического развития на протяжении четырехсот лет, нашли свои отражения и традиции письменной культуры калмыцкого народа. Во-первых, письменность является, как известно, второй формой существования языка. Во-вторых, письменных систем на протяжении почти двух тысячелетий, вполне вероятно, и больше, было у калмыков много. В-третьих, нуждается в соответствующих поправках распространенное представление, что калмыцкая письменность берет свое начало будто бы только с середины семнадцатого века, со времени создания «Ясного письма».

Калмыкам нашего времени очень мало известно о письменности, которая называется монгольской и даже уйгуро-монгольской письменностью. В прежние годы распространенным было мнение, что она имеет отношение только к монгольскому языку. На самом деле она является и калмыцкой письменностью. Ею пользовались калмыки с непамятных времен, скорее всего, со времени ее появления. Калмыки пользовались этой письменностью, и после создания Зая-Пандитой в 1648 году «Ясного письма», вплоть до 1924 года. Этой письменностью монгольские народы, в том числе и калмыки, их далекие предки, пользовались, как доказал монгольский ученый Ц.Шагдарсурэн, еще в V в. При этом дата указывает на момент, когда на этой письменности распространялось буддийское учение, а не на время, когда она возникла. Появление этой письменности, надо полагать, относится к еще более ранним временам.

В лингвистической науке, естественно, и в монголистике принято считать, что эта письменность появилась у монголов в

начале XIII в., в период возникновения империи Чингис-хана. Однако Ц.Шагдарсурэн доказал несостоятельность этой точки зрения и привел аргументы в пользу причины, почему монголы не могли принять письменность от уйгур. Точка зрения монгольского ученого убедительна, особенно, если учесть, что утвердившейся положение, что монгольская письменность относится к XIII в., построено на легендах и преданиях с очень слабой опорой на отрывочных, не связанных между собой данных исторических событий.

Следовательно, калмыки, как монголоязычный народ, пользовались этой письменностью с самого начала ее возникновения, соответственно чему традиции их письменной культуры имеют более чем полутора тысячелетнюю историю. Есть основание полагать, что возникновение письменной культуры калмыков и других монгольских народов восходит к более ранним временам. Во всяком случае, в китайских исторических хрониках имеются указания на то, что монгольское племя тоба пользовалось письменностью еще раньше, в третьем веке нашей эры.

Как известно, монгольские народы пользовались и многими другими письменными системами. К одним из них калмыки имели непосредственное отношение, к другим – косвенное, а к третьим – никакого отношения не имели. Так, к монголоязычным относятся такие письменности, как «Соембо», «Алигали», «Письменность Вагиндры», к которым калмыки и их предки не имели практически никакого отношения. Вероятно, не имели прямого отношения и к квадратной письменности, которая была создана, как известно, по указанию Хубилай-хана ученым Пагба-ламой в 1269 году. Она была предназначена для Юаньской империи. Тем не менее, квадратная письменность является интеллектуальной ценностью монгольских народов, в том числе и калмыков.

Есть основание считать, что калмыки имели прямое отношение к киданьским письменным системам, которые были составлены на иероглифической основе по слоговому принципу. «Большое письмо» было создано в 920 году, а «Малое пись-

мо» – в 925 году для нормального функционирования Империи Ляо, которая простиралась от Семиречья на западе до Тихого океана на востоке. Исторические данные свидетельствуют о том, что это было государством высокой культуры, куда приезжали учиться из других стран, издавались сто лучших стихов ста предыдущих лет. Известно, что после победы чжурчженей в 1125 году значительная часть киданей не подчинилась чжурчженям, отправилась в Семиречие, где основали сильное государство кара киданей. По мнению исследователей, которые занимались дешифровкой киданьских письменных памятников и их грамматической системой, кара кидане и составили основную этническую группу калмыков.

Глава I
Фонетические и фонологические изменения, произошедшие в калмыцком языке

Общие сведения

Для того, чтобы установить закономерности развития языка, в данном случае калмыцкого языка с семнадцатого века до наших дней, необходимо определить в первую очередь исходное и конечное (ко времени проведения исследования) его состояния. При этом самым сложным является, естественно, исходное состояние, поскольку языковые данные не представлены непосредственно. О них приходится судить по косвенным данным, руководствуясь лингвистическими принципами диахронических исследований.

Важнейшими при исследовании истории калмыцкого языка являются данные современных монгольских языков, о чем Г.И. Рамстедт писал: «Самым прочным основанием для исторического изучения всех языков является исследование живых наречий и говоров, то же самое можно сказать о монгольском языке» [Рамстедт, 1908, с 11]. Другим очень ценным источником для исследования истории языка являются письменные данные, сохранившиеся старописьменные тексты, особенно грамматические сочинения, учебники, пособия, а также записи, сделанные в разное время представителями других народов. И это особенно важно в отношении монгольских языков, имеющих богатую письменную традицию, в частности, классическая монгольская письменность, квадратная письменность, киданьская письменность на иероглифической основе, «Ясное письмо» и их памятники.

Надо сказать, в исторической монголистике ведущим был сравнительно-исторический метод исследования, благодаря которому проводился анализ старописьменных орфограмм в сравнении с фонетическим обликом слов, хотя анализ орфограмм морфем, различие между графикой и орфографией проводился лишь спорадически. Исследования в этом плане проводились большей частью в плане «соответствия»: «наличия» // «отсутствия», «ис-

чезновения»// «сохранения». И все же благодаря этому методу в монголистике установлены многие закономерности развития языков, в связи с чем, создана база диахронического исследования монгольских языков, сформулированы теоретические положения, к числу которых можно отнести, в частности, теорию перелома гласного ï ~i, теорию долготности, теорию редукции, другие выводы и обобщения. Некоторые аспекты прошлого состояния системы языка определяются относительно просто, например, наличие в калмыцком вокализме того времени кратких гласных фонем, но и в них нередко содержатся трудно поддающиеся выявлению данные. К числу более сложных относятся вопросы, связанные с установлением фонологического качества гласных, которые в «Ясном письме» передавались сочетанием огубленных гласных букв *ои, öи*. Исследования показали, что это способ сохранения письменной традиции, которая в монгольской письменности имели формы *аи, еи.* Анализ «Ясного письма», других письменных систем и их памятников с использованием общих теоретических положений монголистики, алтаистики и общего языкознания позволяют проводить реконструкцию фонологической системы калмыцкого языка XVII в.

Результаты исследования позволили сделать, в частности, выводы, что четыре века назад в калмыцком языке гласные делились, как и сегодня, на краткие и долгие гласные фонемы, правда, их соотношение было иное, чем сегодня. Рассмотрим эти изменения по данным следующих таблиц.

Подсистема гласных фонем современного калмыцкого языка

Гласные мягкого ряда напряженные // ненапряж.	Гласные твердого ряда напряженные// ненапряж	Гласные нейтрального ряда напряженные // ненапряж.
ү ү:	u u: ы ы:	i i: ì
ε ε: œ œ:	ɔ ɔ:	
æ æ: ə̀	ʌ̀	
	a a:	

Подсистема гласных фонем калмыцкого языка XVII в.

Гласные мягкого ряда	Гласные твердого ряда	Гласные нейтрального ряда
ü ü: ǖi	u ū ūi ï	i ī īj
e ē ö ȫ ēi ȫi	o ō ōi	
	a ā āi	

Вокализм калмыцкого языка семнадцатого века по их количественному признаку можно представить следующим образом: все гласные делились на краткие и долгие гласные, а долгие делились в свою очередь на монофтонги и дифтонги.

Сравнительный анализ подсистем гласных фонем калмыцкого языка в разные периоды истории его развития, за четыреста лет, показывает, что кратких гласных было тогда 8, включая и краткий гласный [ï] заднерядной артикуляции. Однако не было соответствующего ему долгого коррелята, Но были дифтонги на *-i*, которые относились по количественному признаку к долгим гласным, то есть фонологическая система не претерпела существенных изменений по признакам противопоставления краткость//долгота. Изменения произошли в содержательной части, а именно, дифтонги изменились, стали монофтонгами, но сохранились в той же структуре долгих гласных, но в новом качестве, как простые долгие гласные фонемы. Во многих случаях при монофтонгизации дифтонги слились с существовавшими в языке долгими гласными по качеству одного из своих элементов. Следовательно, долгие гласные, которые делились внутри еще по признакам монофтонгоидгость//дифтонгоидность, с исчезновением дифтонгов увеличились в количестве, но обрели только монофтонгоидный характер артикуляции, т.е. долгие гласные стали уже только монофтонгами. Исследования показывают, что тогда уже не было в фонологической системе долгого гласного *ï* (заднего ряда), также как и дифтонга с этим гласным, хотя долгий гласный ī был свойственен калмыцкому вокализму. Не было прежде краткого и долгого гласных [æ, æ:],

которые появились в языке значительно позже, в связи с сингармонической трансформацией слов из твердого ряда в словах мягкого ряда, что в свою очередь обусловлено и процессом монофтонгизации дифтонгов. В фонологическом отношении в калмыцком языке произошли и другие изменения, в частности, отпочкование в самостоятельную группу неясных гласных, которые прежде представляли собой редуцированные аллофоны соответствующих кратких гласных в позиции непервого слога слова. Естественно, все эти изменения отразились на фонологической структуре слов и морфем, что в свою очередь повлияло на произносительные нормы языка.

На основе исследования закономерностей развития гласных калмыцкого языка можно установить следующие изменения:

1. В калмыцком вокализме утрачено фонологическое противопоставление гласных по признакам монофтонг // дифтонг в результате монофтонгизации дифтонгов, которые прежде представляли особую группу долгих гласных фонем. Дифтонги при монофтонгизации перешли в долгие гласные фонемы, точнее, стали их аллофонами. При этом результаты монофтонгизации были разными по качеству образовавшегося долгого монофтонга, в зависимости от позиции употребления дифтонга в слове. В позиции первого слога слова твердого ряда дифтонг модифицировался, за исключением некоторых случаев, в долгий монофтонг мягкого ряда, а в позиции непервого слога слова дифтонг при модификации, как правило, сохранил артикуляционные качества гласного твердого ряда.

2. В калмыцком языке возникли новые гласные – краткая и долгая гласные фонемы [æ, æ:] переднерядной артикуляции, которых прежде в калмыком языке не было. Следовательно, в фонологическом ряду гласных передней артикуляции появилось противопоставление гласных [æ, æ:] – пятой ступени подъема языка другим гласным, например, [ε, ε:] – четвертой ступени подъема.

3. Краткая гласная фонема [*ï*] заднерядной артикуляции была прежде свойственна калмыцкому вокализму и противопоставлена гласным [*o, u*] как неогубленный гласный, фонеме [*a*]

– по ступени подъема, гласному [*i*] – по артикуляционному признаку, как гласный заднего ряда гласному переднего ряда, а также по сингармонической рядности, как гласный, который может употребляться в словах твердого ряда, гласному [*i*], который участвовал в словах мягкого ряда. Гласный [*ï*] отсутствует в современном калмыцком языке. В соответствии с исчезновением [*ï*] заднего ряда утрачено в калмыцком вокализме фонологическое противопоставление по признакам огубленности – неогубленности гласных заднерядной артикуляции..

4. В современном калмыцком языке имеются краткая и долгая гласные фонемы [ы] и [ы:]. Они имеют смешаннорядный характер артикуляции высокого (1-2-ой ступени подъема). Фонологический их статус выражен слабо из-за того, что имеют ограниченное употребление. Они выступают только в некоторых аффиксальных морфемах слов твердого ряда, являются, по-видимому, измененными рефлексами существовавшего прежде гласного [ï].

5.Существенные изменения произошли в развитии кратких гласных непервых слогов слова, где они подверглись количественной и качественной редукции: утрачено противопоставление по количественному признаку. Возникло новое противопоставление по степени напряженности артикуляции. В результате чего все краткие гласные в позиции непервого слога стали артикулироваться при очень слабой напряженности артикуляции, изменилось их качество, они отпочковались от кратких гласных в позиции первого слога. В современном калмыцком языке они представляют три неясные гласные фонемы соответственно трем сингармоническим группам гласных.

6. Важным признаком фонологической дифференциации гласных калмыцкого языка всегда был и остается палатальный сингармонизм. Произошла внутренняя реорганизация в сингармонической структуре слова, что вызвало сингармоническую трансформацию слов из твердого ряда в мягкий ряд, изменение закономерности употребительности в словах двух сингармонических рядов некоторых согласных. Палатальный сингармонизм претерпел некоторые изменения, кроме того, внутри него

сформировался компактностный сингармонизм, но палатальный сингармонизм сохранился как важнейшее звено в формировании звуковой оболочки слов двух сингармонических рядов, соответственно и как способ словообразования в калмыцком языке,

Консонантизм калмыцкого языка гораздо в большей степени, чем вокализм, сохранил состав фонем и фонологические отношения. Сохранились фонологические деления согласных по следующим признакам:

1. Активному органу артикуляции – деление согласных на губные, переднеязычные, среднеязычные, заднеязычные, увулярные.

2. Фонологическим признакам назальности // ртовости

3. Способам образования согласных: смычные, щелевые, смычно-щелевые и дрожащие. Некоторые из них сохранили еще дополнительно частные различия по признаку способов образования.

4. Степени напряженности артикулирующих органов при образовании согласных – сильные, слабые, сверхслабые фонемы.

5. Противопоставление согласных по твердости и мягкости их артикуляции.

6. Сохранились многие важнейшие для системы языка фонотактические свойства согласных. Это свойственная всем алтайским языкам закономерность – неупотребительность сочетания согласных в начале слова. Поэтому когда в начале заимствуемого слова имеются сочетающиеся согласные, например, крутой, школа будут иметь формы произношения kurtɔj, uškɔl.

7. В начале слова не употребительны согласные [r, ŋ]– закономерность, свойственная всем алтайским языкам. Редко употребляется согласный[l] в начале слова, а также не употребляются в начале слова новые согласные фонемы [v, ʤ].

8. Изменений, произошедших в калмыцком консонантизме, значительно меньше, чем в вокализме. И все же они имели место в калмыцком языке. Это ослабление некоторых согласных в позиции непервого слога слова и образование новых согласных

фонем путем отпочкования, например, появились новые фонемы [v, ɑ], которых прежде в калмыцком языке не было. Они явились результатом ослабления и «спирантизации» согласных [b, ɢ] в непервых слогах. Образовавшиеся в этой позиции их щелевые аллофоны отпочковались и стали самостоятельными фонемами, которые противопоставляются их исходным фонемам по признакам щелинности-смычности, сверхслабости-слабости артикуляции. Однако эти изменения не повлекли за собой преобразований в подсистеме согласных фонем, поскольку различия фонем по перечисленным признакам в ней были и до этого. Изменение состояло только в том, что увеличилось число фонем. Естественно, изменились фонотактические особенности употребительности согласных фонем, что в свою очередь отразилось на звуковых обликах слов и морфем.

9. Ряд изменений относится к фонотактическим особенностям употребления согласных в структуре калмыцкого слова. Так, изменилась употребительность увулярных согласных [χ, ɢ], которые прежде выступали только в словах твердого ряда, теперь же [χ] употребляется в равной мере в словах и твердого, и мягкого рядов, а [ɢ] – преимущественно в словах твердого ряда, но и в словах мягкого ряда, правда, именно в тех, которые перешли из твердого ряда в мягкий.

10. В современном калмыцком языке иногда наблюдаются случаи, когда согласные, которые в абсолютном конце слова прежде не употреблялись, теперь же могут в определенных фонетических условиях иногда встречаться и в конце слова. Так, согласные типа [t, c,.č], которые прежде в конце слова не употреблялись, а также и сегодня обычно в конце слова не употребляются, но в случаях, когда им предшествует краткий гласный полного образования, эти согласные выступают и в абсолютном конце слова. например, irit irič, tœrүc (орф.ирит «придите», ирич «приди», төрүц «совсем, совершенно»).

В принципе основные критерии фонологического деления согласных калмыцкого языка XVII в. не подверглись сильным изменениям. Тем не менее, некоторые из них налицо. Кроме того, отдельные принципы классификации, соответственно

и фонологические признаки согласных, использовавшиеся в калмыцком языкознании, были результатом искусственного привнесения классификационных признаков, взятых из систем классификации согласных других языков. В частности, это трактовка сильных, слабых, сверхслабых согласных как глухих, звонких, сонорных согласных была использована применительно к калмыцкому языку в начальный период введения новой письменности в 20-30-х годах прошлого века, когда из-за отсутствия собственных учебников переводили учебники русского языка и многое, что было свойственно ему, приписали и системе калмыцкого языка.

Очевидно, что прежде калмыцкому консонантизму было свойственно деление согласных по признакам твердости и мягкости. Однако суть вопроса заключается в том, в какой мере согласные были охвачены противопоставлением между собой по этим признакам, все согласные или только часть согласных, как в современном калмыцком языке.

Наиболее актуальные для теории монголистики и практики функционирования калмыцкого языка изменения, которые произошли за время его исторического развития с семнадцатого века до наших дней, целесообразно рассмотреть ниже в специальных разделах.

Раздел 1. Закономерности развития гласных полного образования в калмыцком языке

Основные положения о характере редукции гласных полного образования и фонологическом качестве их в современном калмыцком языке получили отражение в публикациях автора настоящей работы. Однако необходимость более обстоятельного изложения требует данная проблема по следующим причинам. Во-первых, все еще актуальной остается она в научном и практическом отношениях и в настоящее время. Во-вторых, при изложении вопросов исторического развития калмыцкого языка, в частности, его фонологической и фонетической си-

стем, невозможно обойти проблемы редукции, в том числе и редукции гласных, которые оказали сильное влияние на характер произошедших в языке изменений. В-третьих, проблемы долготности и редукции, отражающие основные тенденции развития не только гласных и согласных, но и звуковых форм всех единиц системы языка, не ограничиваются рамками калмыцкого языкознания, имеют прямое отношение к актуальным проблемам монголистики и алтаистики.

Исследование проблем долготности и редукции в значительной степени облегчается, несмотря на не решенные и спорные их аспекты, следующими обстоятельствами:

Во-первых, долгие гласные, как известно, получили графическое отражение в «Ясном письме» в середине XVII в. Еще раньше, в первой половине XIII в., долгие гласные в монгольских языках зафиксированы представителями других народов, а чуть позже в 1269 году – в квадратной письменности монголов. Сохранилось немало памятников письменных систем, в которых нашли отражение долгие гласные. Однако в монголистике продолжают бытовать точки зрения, утверждающие незавершенность процесса образования долгих гласных или их отсутствие в калмыцком языке времени возникновения письменности Зая-Пандиты и позже. Если согласиться с такой точкой зрения, то это значит утверждать, что на калмыцком языке в XVII веке говорили: ƀoγaxu, ulaγan, ƀögere // сравн. совр. ƀɔ:χλ̀ (орфогр. боох) «завязать, привязать», ulan (орфогр. улан) «красный», ƀœ:rə̀ (орфогр. бөөр) «почка, почки».

Во-вторых, долгие гласные в калмыцком языке подверглись дальнейшей модификации, в частности, подверглись в ряде случаев количественной и качественной редукции, в результате чего в некоторых позициях слова они стали краткими гласными фонемами. Это положение обосновано на материалах экспериментально-фонетических исследований и фонологического анализа подсистемы гласных калмыцкого языка. Однако нередко и сегодня еще в калмыцком языкознании встречаются устаревшие точки зрения времен прошлого столетия, согласно которым исторически долгие гласные полного образования во всех позициях слова

будто бы остались неизменно долгими гласными фонемами. При этом руководствуются традиционными приемами и методами, суть которых сводится к следующему представлению о фонологическом качестве гласного полного образования в калмыцком языке. Если, например, в односложном слове гласный полного образования редуцировался, но при увеличении числа слогов появляется в первом слоге слова уже долгий гласный, то значит, по все еще бытующему в калмыковедении мнению, редуцированный гласный полного образования также является долгим. Этот этимологический способ определения фонем, не учитывающий принципы чередования, сегодня уже, естественно, не пригоден. Поэтому важнейшие аспекты теории долготности в монголистике нуждается в дополнительном уточнении, поскольку имеет важное научное и практическое значение.

В-третьих, без исследования процесса модификаций гласных полного образования, также как и редукции кратких гласных, определить характер и тенденции развития фонологической системы калмыцкого языка в диахроническом плане за время с XVII в. до наших дней практически невозможно.

Долгие гласные калмыцкого языка XVII в.

Согласно традиционному для монголистики положению, развитие долгих гласных в монгольских языках завершилось в XV – XVI вв.

Однако в 60-70-х годах прошлого столетия появились новые точки зрения, утверждающие, что в ойратском [калмыцком – П.Б] языке XVII в. процесс развития долгих гласных находился в начальном или, во всяком случае, в незавершенном состоянии. Исходной основой такой точки зрения явилась своеобразная трактовка монгольского ученого Г. Жамьяна диакритического знака долготы «удан» «Ясного письма». По установившемуся в монголистике традиционному положению, диакритический знак «удан», черточка вправо от вертикальной строки, обозначал долготу гласной буквы, под которой он вписывался.

Согласно трактовке Г.Жамьяна, диакритический знак «удан» представлял в графике «Ясного письма» самостоятельные долгие гласные буквы ā, ē, соответственно чему гласные буквы с дикритическим знаком «удан» должны были обозначаться в транслитерации текстов «Ясного письма» как аā, еē. Кроме того, в той же статье было выдвинуто положение, что в ойратском языке не было долгих гласных ō, ȫ. Положения эти не были подкреплены сколько-нибудь серьезными обоснованиями ни теоретического, ни практического характера. Первый пункт положения, по которому гласная буква с диакритическим знаком долготы будто бы обозначала звуки аā, еē, совершенно не совместим с законами монгольских языков, по которым сочетание двух гласных не допустимо в произношении монголов и калмыков, о чем писал еще А. А.Бобровников. «Монгольский язык вообще не терпит, – писал он, – в произношении двух гласных, не разделенных согласною буквою» [Бобровников, 1849, с. 18, ссылка]. Поэтому сочетающиеся на письме гласные буквы должны рассматриваться как отражение дифтонгов, или, если это повтор одной и той же гласной буквы, как особый способ передачи на письме долгих гласных и долгот эмоционального характера.

Идея Г. Жамьяна была поддержана Г.Д.Санжеевым. В своем комментарии к переводу статьи он попытался связать новую трактовку диакритического знака «удан» как сочетание краткого и долгого гласных ойратского языка с каким-то ударением. Правда, существование в монгольских языках такого ударения, которое якобы дало впоследствии долготу гласного, никем еще не доказано. Тем не менее, сама идея о незавершенном характере образования долгих гласных в ойратском языке XVII в. послужила для него основой для изменения хронологических рамок развития ойратского [калмыцкого – П.Б.] языка на поздний период. «Долготные комплексы ОЯП позволяют теперь, – писал он, – с большей уверенностью заключить, что хронологические рамки средневековой стадии развития наших языков (гласный + гласный) следует раздвинуть примерно до (половины? или конца?) XVII в., а не до XV – XVI вв., как это было принято считать до сих пор» [Санжеев, 1970, с. 153].

Эта точка зрения нашла свое отражение и при интерпретации ойратского материала в книге «Лингвистическое введение в изучение истории письменности монгольских народов» [Санжеев,1977, с. 130-131]. Вариант трактовки диакритического знака долготы в «Ясном письме» как обозначение ударенности гласного нашел в ряде случаев применение в практике транслитерации текстов произведений, выполненных на ойратском языке. В них диакритический знак «удан» передается уже не знаком «тире» над гласной буквой, а знаком «апостроф» справа вверху гласной буквы.

В этой связи возникла необходимость исследования фонологической подсистемы гласных калмыцкого языка XVII в., в частности, оппозиции гласных по признаку краткость-долгота. В целях решения этой проблемы был проведен фонологический анализ различных текстов на «Ясном письме» в сравнительном плане с данными подсистем гласных фонем калмыцкого и других монгольских языков, с учетом данных записей, выполненных представителями других народов в XIV и XVII веках, монголоязычных письменных систем, в частности, квадратной письменности (XIII в.). При этом были учтены и правила прочтения слогов, изложенные Зая-Пандитой в грамматических сочинениях, посвященных «Ясному письму».

Всесторонний комплексный анализ ойратского языка и его письменной системы позволил придти к выводу, что калмыцкому языку XVII в. были свойственны семь долгих гласных фонем [ā, ō, ū, ē, ȫ, ǖ, ī], противопоставленных соответствующим кратким гласным фонемам. Долгие гласные в «Ясном письме» обозначались путем использования диакритического знака долготы «удан», который вписывался перпендикулярно к вертикальной строке справа, чуть ниже гласной буквы. Кроме того, огубленные долгие гласные передавались удвоенным написанием типа uu, üü, а также сочетанием букв близких по характеру образования гласных типа , ou, öü. Такое написание в «Ясном письме» было отражением графического способа передачи специфических написаний общемонгольской письменности, которая явилась исходной основой для создания «Ясного

письма». Что же касается долгого гласного ī, то он передавался по-разному: гласной буквой с диакритическим знаком долготы «удан» или гласным ı в сочетании с j (в транслитерации согласная буква y).

Способ передачи долготы гласного путем повтора одной и той же буквы, который использовался в общемонгольской письменности, в абсолютном конце слова, в «Ясном письме» не допускался.

Кроме того, к долгим гласным калмыцкого языка XVII в. относились и дифтонги. Это были в основном дифтонги на -ı, которые по количественному признаку относились к группе долгих гласных фонем, а по сложности артикуляции были противопоставлены как сложные долгие гласные фонемы простым – долгим монофтонгам. Анализ фонологических систем современных монгольских языков и говоров в сравнительном плане с данными «Ясного письма» показывает, что дифтонги в калмыцком языке были восходящими и нисходящими, в зависимости от их позиции в слове. На письме они передавались различными дифтонгоидными сочетаниями типа *ai (ayi), oi (oyi), ui (uyi), ei (eyi), öi (öyi), üi (üyi), iy (iyi),* где вторым элементом был обязательно или i , или сочетание гласного элемента *i с y*, обычно постпозиционное. Впоследствии, в результате дальнейшего развития дифтонги монофтонгизировались, стали долгими гласными фонемами. При этом в большинстве случаев сохранился основной восходящий элемент дифтонга. Он обретал компенсационную длительность, становился долгим гласным. Но качество образовавшегося долгого гласного зависело от позиционной употребительности дифтонга. Когда дифтонг находился в абсолютном конце слова, то основной элемент его удлинялся, как правило, сохраняя при этом свое качество. Когда же дифтонг находился в первом слоге слова, то основной элемент его также удлинялся, но при этом обычно подвергался качественному изменению под влиянием элемента -ı.

При этом необходимо иметь в виду, что дифтонгов в древнем калмыцком языке не было. Они образовались из сочетаний гласных с согласным среднеязычной артикуляции y (транскрип-

ционно это согласный [j]. Это сочетание представляло собой фактически долготный комплекс, восходящий, как установил еще Б.Я.Владимирцов, к дифтонгам типа V+ y +i, V+y (i).

Следовательно, если заглянуть глубже при анализе процесса развития гласных полного образования из дифтонгов, то выясняется, что им предшествовала также цепочка изменений, на начальном этапе которых дифтонгов не было.

Таким образом, установлено, что в калмыцком языке XVII в. гласные фонемы были противопоставлены по признаку длительности на краткие и долгие гласные фонемы. При этом долгие гласные фонемы в свою очередь делились на две группы по признакам монофтонгоидности и дифтонгоидности: на долгие монофтонги и долгие дифтонги. Поэтому в настоящей работе речь идет о редуцированных гласных полного образования, которые исторически восходят к долгим гласным и дифтонгам, которые также относились к группе долгих гласных фонем.

Все еще бытующая в монголистике трактовка фонологического качества редуцированных гласных полного образования как разновидности соответствующих долгих гласных, восходит к периоду развития монголистики, когда только начали употреблять термин «фонема», но теория фонемы еще не проникла. Так, термин «фонема» встречается в классическом труде акад. Б.Я. Владимирцова «Сравнительной грамматике...», которая была опубликована в 1929 году, несколько позже в работе Н.Н. Поппе, посвященной монгольскому языку и, наконец, в работе Г.Д.Санжеева, посвященной калмыцкому языку. Однако об использовании теории фонемы не было и речи. Не выделены были дифференциальные признаки, по которым фонемы отличаются одна от другой, составляют фонологические группы, следовательно, не получали соответствующей характеристики ни фонемы, ни их аллофоны. Не было в них речи и о принципах определения фонем. Следовательно, лингвистические методы выявления фонем не использовались и термин «фонема» употреблялся в них, как правило, формально. Поэтому фонологического характера оценки в монголоведных трудах того времени, когда идея фонологического учения только-только ста-

ла проникать в монголистику, основаны больше на интуиции. Разумеется, это были научные интуиции больших ученых.

Исходная основа фонологической характеристики редуцированных гласных полного образования калмыцкого языка была положена в работе Г.Д.Санжеева «Грамматика калмыцкого языка» 1940 года. По чисто количественному признаку автор грамматического сочинения подразделил гласные полного образования калмыцкого языка на три группы: краткие, долгие и сверхдолгие гласные. При этом гласные, названные им «долгими» и «сверхдолгими» объединены в одну фонологическую группу, правда, без каких-либо лингвистических обоснований. «Долгие и сверхдолгие гласные не являются, – писал, он, – самостоятельными фонемами, отличными друг от друга. В калмыцком языке являются фонемами краткие гласные, с одной стороны, и долгие и сверхдолгие гласные, с другой» [Санжеев, 1940, с.13]. Он резко критиковал мнение калмыцкой интеллигенции, которая воспринимала гласные, названные им как долгие, тождественными с краткими гласными фонемами. «Существует мнение,- писал он, – которое является преобладающим среди калмыцких учителей и по которому в калмыцком языке то, что мы определяем как долгий гласный, считается кратким, а то же, что мы называем сверхдолгим гласным, считается долгим» [Санжеев, 1940, с.13]. При этом он рассуждал, что с точки зрения чисто количественной долгие гласные несколько ближе к кратким гласным, чем к сверхдолгим гласным и привел цифровые показатели длительности рассматриваемых гласных: длительность кратких гласных равна 10 единицам, долгих гласных –13, а сверхдолгих гласных –18. Цифры эти условные по своим исходным основам, поскольку не имеют опоры на конкретные данные реального измерения длительности звуков в живом произношении. Несмотря на то, что эти цифры далеки от реальности, где краткие и так называемые долгие гласные могут в некоторых случаях и совпадать в длительности, они все же более или менее приближенно и условно передают соотношение длительности этих гласных. Любопытно как он комментировал соотношение длительности этих трех групп гласных: «Это – то и привело к

тому, что многие не видят разницы между долгим и кратким гласными» [Санжеев, 1940, с.14]. Автор «Грамматики...» считал отождествление носителями языка кратких и «долгих» гласных результатом их субъективного подхода. «Иначе говоря,- писал он,- разница между краткими и долгими гласными «утрачена» в результате субъективно-акустического подхода. Само собой разумеется, что этот субъективный метод в определении фонетических явлений порочен в своей основе». [Санжеев, 1940,с.14]. В качестве объективного, с его точки зрения, метода определения фонологического качества так называемых долгих гласных он назвал «способность» долгих гласных становится сверхдолгими. «Долгие гласные обладают, – писал он, – возможностью стать сверхдолгими тогда, когда односложное слово, в котором имеется долгий гласный, становится многосложным», «краткие гласные ни при каких условиях не становятся сверхдолгими» [Санжеев, 1940, с.14]. При этом он был убежден, что «калмыцкий язык объективно делает различие между долгими и краткими гласными независимо от того, делают или не делают это различие отдельные носители или исследователи языка» [Санжеев, 1940, с. 14]. Сегодня совершенно очевидно, что такой этимологический метод выявления фонологического качества фонем или группы фонем не соответствует требованиям теории фонологии.

Это наиболее четко выраженная трактовка фонологической дифференциации редуцированных гласных полного образования в калмыцком языке.

На письме же эти гласные получили отражение путем передачи их соответствующими краткими гласными буквами, без дифференциации по признакам краткости и долготности в открытых и закрытых односложных словах и в непервых слогах многосложного слова. Возможно, что на формирование точки зрения автора названной выше грамматики сказались и мнения таких корифеев монголистики и калмыковедения, как Г.И.Рамстедт и В.Л.Котвич, которые были склонны относить редуцированные гласные полного образования к группе долгих гласных. Рамстедт писал: «Гласные непервых слогов, обозна-

ченные здесь как долгие, могут быть вследствие выражения или небрежности долгими, полудолгими и даже краткими. Долгота означает только то, что гласные в этом положении могут стать долгими» [Рамстедт, 1935, с. XII]. Правда, необходимо к этому добавить, что в трудах В.Л.Котвича и Г.И.Рамстедта звуки в фонологическом плане не рассматривались, даже термин «фонема» в них не употреблялся.

Исторически эти гласные были долгими, например, в калмыцком языке XVII века были долгие гласные, которые, как уже отмечалось выше, делились на две группы – на долгие монофтонги и на долгие дифтонги. Еще более раннюю эпоху эти долгие монофтонги представляли собой большей частью сочетания гласных и согласных, которые в монголистике получили названия «комплексы», а позже «долготные комплексы».

На калмыковедов первой волны советского периода оказало сильное влияние, естественно, изложенное выше положение Г.Д.Санжеева. Поэтому такая же дифференциация редуцированных гласных полного образования встречается в работах ряда исследователей (Ц.-Д. Номинханов, А.Ш. Кичиков и др.). Поэтому в калмыцком языкознании очень долго бытовала лингвистически не обоснованное представление, что калмыцкие гласные полного образования в позиции непервого слога слова и в односложных словах являются долгими.

Точка зрения, что рассматриваемые гласные относятся к долгим гласным лишь потому, что при увеличении количества слогов в слове вместо них появляются соответствующие им по артикуляторному качеству долгие гласные, нашла свое продолжение при попытке реформы калмыцкой письменности в конце 90-х годов. Некоторые калмыковеды настояли на обозначение буквами долгих гласных (удвоенными гласными буквами) и редуцированные гласные полного образования. В результате чего, было введено в правописание обозначение этих гласных путем удвоенного написания гласных букв, что выглядело следующим образом: *хаан* вм. *хан «хан»*, *уур* вм. *ур «пар»*, *зуун* вм. *зун «сто»*, *тоо* вм. *то «число»*, *кее* вм. *ке «красивый»*, *заа* вм. *за «покажи»*.

И это правило было построено на основе устаревшего представления о фонологическом качестве редуцированных гласных полного образования. К тому же оно было непоследовательным, поскольку предлагалось обозначать эти гласные удвоенными буквами только в первом слоге слова, а такие же по качеству гласные в непервых слогах слова – одинарными гласными буквами.

Общеизвестно, что система фонем языка, как и другие его уровни, не остаются неизменными, они меняются. В некоторых случаях, видимо, вводит в заблуждение и тот факт, что при удлинении количества слогов в слове появляется долгий гласный вместо редуцированного краткого гласного, происходит чередование краткой и долгой гласных фонем, например, *хан «хан»* –*ха:ндъ «хану* (д.м. п.)», *зун «сто»* – *зу:на «сотня»*, то *«число»* – *то:дъ «числу* (д.-м. п.)». И это создает впечатление, что это одна и та же долгая гласная фонема, которая то редуцируются в отдельных позициях слова количественно и до неопределенного качества, то обретает в какой-то степени свою природную долготу. Иными словами, создается впечатление, что редуцированные гласные полного образования являются аллофонами одной и той же долгой гласной фонемы.

Таким образом, точка зрения о долготном характере редуцированных гласных полного образования в калмыцком языке, выраженная в первой половине прошлого столетия в «Грамматике калмыцкого языка», неоднократно повторялась и в других работах, но в несколько измененной форме, точнее, путем терминологической манипуляции. То, что в «Грамматике...» названы «долгими» и «сверхдолгими» соответственно стали называться «полудолгими» и «долгими» и они так же, как в «Грамматике...», объединены в одну группу долгих гласных фонем. Гласные, которые названы полудолгими, «не имеют фонематического значения, поскольку они являются оттенками долгих гласных по своей длительности» [Павлов, 1968, с.38]. Следовательно, существующая в калмыковедении точка зрения в отношении фонологического качества гласных полного образования в позиции непервого слога слова и в односложных словах как долгих гласных, повторялась неоднократ-

но без каких-либо серьезных обоснований и изменений ее сути. Менялись лишь терминологические обозначения. Естественно, чисто терминологическое перекодирование ничего не могло внести в фонологическую трактовку этих гласных.

Устойчивость этой точки зрения в калмыцком языкознании объясняется, по-видимому, еще и психологическим восприятием состояния аналогичных явлений в других монгольских языках, где проблема редукции гласных также остается нерешенной, хотя там они не являются столь актуальными. Так, в современном монгольском языке фонологическое качество гласных полного образования в односложных словах и в позиции непервого слога слова по признаку их длительности все еще не получило своего разрешения. Практически во всех работах, посвященных монгольским языкам и говорам, редуцированные гласные полного образования квалифицируются как разновидность долгих гласных, хотя степень редукции этих гласных не везде одинакова. Редукция этих гласных менее заметна в односложных словах, более заметна она в непервых слогах слова «В количественном отношений все долгие гласные в непоследнем слоге слова являются, – писал Г.Д.Санжеев, – сверхдолгими, а в последнем слоге или односложном слове – нормальнодолгими». [Санжеев, 1959, с. 13]. «В монгольских языках гласные по своей длительности делятся на: сверхдолгие, 2) долгие, 3) краткие и 4) редуцированные или «неясные». Первые и вторые – аллофоны долгих гласных фонем, а третьи и четвертые – аллофоны кратких гласных фонем» [Санжеев, 1959, с. 13].

Объединение, так называемых долгих и сверхдолгих в одну фонологическую группу в бурятском языкознании находит объяснение в том, что эти гласные подвержены слабой редукции и акустически более отчетливы. Точка зрения, согласно которой редуцированные гласные полного образования рассматриваются как разновидность долгих гласных, находит и психологическую поддержку в том, что графических системах монгольской и бурятской письменностей установились традиции обозначать гласные полного образования в указанных позициях слова удвоенными гласными буквами.

Вместе с тем на редукцию долгих гласных в халхаском наречии в позиции непервого слога слова до уровня чрезвычайно кратких гласных указывали еще Г.И. Рамстедт и Б.Я. Владимирцов. «Халхаские долгие гласные неударенных слогов, – писал Б.Я. Владимирцов, – имеют тенденцию сокращаться. В быстрой речи долгие гласные неударенных слогов по количеству почти не отличаются от нормальных ударенных гласных халхаского наречия. В некоторых случаях можно наблюдать чередование долгих и кратких гласных в одних и тех же словах». [Владимирцов, 1929, с. 265].

Таким образом, исторически долгие гласные и дифтонги в монгольских языках подверглись разной степени редукции в позиции непервого слога слова и в односложных словах. Количественная характеристика и фонологическое качество их остаются в монголистике до конца еще не изученными, особенно с применением современных экспериментальных методов исследования.

Сама по себе количественная редукция гласных полного образования в указанных позициях слова не вносит изменений в общую численность гласных фонем и фонологических оппозиций в подсистеме гласных языка, поскольку в ней сохраняется противопоставление гласных по признакам краткости и долготы. В этом отношении монгольские языки, например, монгольский, калмыцкий, бурятский, совершенно идентичны. Сходны они и по характеру редукции гласных. Различие состоит только в степени количественной редукции гласных полного образования в различных позициях слова. Поэтому исследование длительности гласных полного и неполного образования и определение их фонологической принадлежности по отношению к кратким и долгим гласным фонемам позволит установить и причины редукции гласных, характер и тенденции исторического развития калмыцкого и других монгольских языков.

Особенно актуальным является проблема редуцированных исторически долгих и дифтонгов в калмыцком языке применительно к вопросам адекватного отражения их на письме. Автором настоящей работы было проведено исследование эксперимен-

тальными методами длительности редуцированных гласных в сравнении с краткими и долгими гласными. Некоторые результаты экспериментального исследования были изложены в книге «Проблемы фонетики калмыцкого языка» [Биткеев, 1975].

Однако потребовались дополнительные исследования для определения не только количественных данных, но и их акустических параметров и фонологического качества.

Уже предварительные экспериментальные данные показали неустойчивый характер длительности гласных, которая в калмыцком языке зависит, естественно, от фонетического окружения, особенно при комбинаторных сочетаниях с различными согласными, от положения в слове, качества гласного соседних слогов, качества самого гласного и индивидуальных произносительных особенностей диктора. Поэтому уместно вспомнить высказывание Г.И. Рамстедта о необходимости проведения исследования длительности звуков экспериментальными методами. «Едва ли надо отмечать, – писал он, – что все эти определения количества очень относительны и нуждаются в поправках. Долгота того или иного звука на одной и той же ступени бывает, в зависимости от характера и быстроты речи, весьма различна. Чтобы достигнуть в этом отношении полной ясности и точности следовало бы провести опыты при помощи специальных измерительных приборов» [Рамстедт, 1908, с. 61]. Примечательно, что первым был в этом отношении сам Г.И. Рамстедт. Он впервые в монголистике провел экспериментальную запись калмыцких слов и словосочетаний в лаборатории профессора Пойрота в Хельсинке в 1915 году в произношении известного калмыцкого ученого и общественного деятеля Номто Очирова. Правда, эти записи практически не были использованы Г.И. Рамстедтом. Таблицу длительности калмыцких звуков поместил он позже в предисловии Калмыцко-немецкого словаря. [Ramstedt, 1935, s. XXII – XXVI].

Поскольку длительность гласных калмыцкого языка весьма не устойчива, то определение количественной характеристики, в частности, выявление протяженности редуцированных гласных полного образования гласных в односложных словах и в

непервых слогах многосложных слов проводилось в следующей последовательности.

Сначала была выявлена длительность кратких и соответствующих долгих гласных, а это можно только в первом слоге многосложного слова, где наиболее полно и четко виден контраст их длительности. Естественно, при этом соблюдались приблизительно одинаковые или сходные фонетические условия их употребления. Определение параметров колебаний длительности аллофонов кратких и долгих гласных фонем в первом слоге многосложного слова, также как и гласных в других позициях слова, проводилось по осциллографическим записям в произношении разных дикторов – носителей калмыцкого языка. Для определения соотношения длительности редуцированных и протяженных аллофонов кратких и долгих гласных фонем (длительности редуцированных аллофонов принимались условно за единицу, а при сравнении кратких и долгих гласных фонем длительность кратких гласных также условно принималась за единицу).

Длительность редуцированных гласных полного образования в закрытых и открытых односложных словах и в позиции непервого слога устанавливалась путем сравнения с длительностью соответствующих кратких и долгих гласных фонем.

Количественные показатели длительности анализируемых гласных были соотнесены с акустическими параметрами гласных и результатами идентификации их носителями языка с краткими и долгими гласными фонемами, выступающими в позиции первого слога слова. На основании многостороннего анализа определялась фонологическая принадлежность редуцированных гласных.

Поскольку редуцированные гласные полного образования выступают в различных фонетических условиях, в разных позициях слова, то используемые методы применялись с учетом этих условий. Если редуцированный гласный полного образования выступает в абсолютном конце слова, то он закрывает собою слово и последний слог слова, если же в последнем слоге слова после него следует согласный, то он выступает в по-

следнем закрытом слоге слова. Если же исследуемый гласный выступает в середине многосложного слова, количество слогов в котором должно быть не менее трех. В калмыцком языке в непервых слогах слова могут выступать только гласные типа [а, u, ы, i, γ, æ]. Они были проанализированы в контексте протяженности соответствующих кратких и долгих гласных фонем. В первом же слоге слова выступают все гласные полного образования, кроме гласных [*ы*] и [*ы:*], которые, как и неясные гласные фонемы, выступают только в непервых слогах слова.

Исследование длительности редуцированных гласных полного образования, которые исторически восходят к долгим и дифтонгам, показало, что они имеют чуть большую протяженность, чем исторически краткие гласные в многосложных словах и соответственно чуть меньшую контрастность по длительности с соответствующими долгими гласными первого слога многосложного слова. Однако такая длительность объяснима с чисто фонетической точки зрения. Несколько большая длительность обусловлена незначительным количеством звуков в слове. В односложном слове, естественно, меньше звуков. В калмыцком языке число звуков в односложном слове обычно не превышает, за редким исключением, связанным с некоторыми звукоподражательными словами, двух или трех звуков. При этом в односложном слове содержится только один гласный, представляющий собой обязательный для слога вокально-центральный элемент, а число согласных (необязательные элементы слога) в односложном калмыцком закрытом слове выглядит следующим образом: в начале слова может быть только один согласный, а в конце калмыцкого слова встречается обычно один согласный, но не любой, и только в некоторых словах, представляющих закрытый слог, может выступать сочетание двух согласных. Как правило, это звукоподражательные слова. Длительность звуков (гласных и согласных) обычно уменьшается в многосложных словах и чем более протяженным является слово, тем более редуцированными являются составляющие его звуки. Наоборот, длительность звуков увеличивается в более коротких словах и, естественно, в односложных словах. Поэтому при этом в открытых однослож-

ных словах типа *зо* «хребет, горизонт», *бу* «ружье», *зэ* «внук» (орфогр. *зе*) редуцированные гласные полного образования имеют еще большую длительность, чем гласные в закрытых односложных словах. Еще более протяженную длительность имеют исторически долгие и дифтонги, представляющие собою целое слово, например, *о* «пудра», *у* «пей», э «грей». И это тоже вполне объяснимо, во-первых, длительность звуков в слове обратно пропорциональна по отношению к общей длительности всего слова, естественно, звуки в односложном слове будут иметь большую длительность, чем в многосложных словах. Это свойственное всем языкам фонетическое явление не имеет фонологического значения. Во-вторых, когда гласный стоит в конце слова. В словах, заканчивающихся открытым слогом, гласный, естественно, находится в абсолютном конце слова, он имеет и по этой причине большую фонетическую длительность, которая чисто количественно занимает промежуточное между краткими и долгими гласными положение, только иногда несколько приближаясь к длительности долгих гласных первого слога многосложного слова. Кроме того, следует учитывать при измерении длительности гласного в позиции последнего открытого слога слова и структуру гармонических колебаний на протяжении звучания гласного. Высокий уровень амплитуды колебания гласного в этой позиции слова сохраняется на протяжении двух трети длительности гласного, а затем идет его затухание, иногда даже довольно резкое падение его. Наблюдения показывают второстепенный несущественный характер части длительности гласного, выраженного затухающей амплитудой гармонических колебаний. Это видно на осциллограммах записи слов с открытым конечным слогом.

Итак, по данным экспериментального исследования исторически долгие и дифтонги в односложных словах по своей протяженности очень близки к соответствующим кратким гласным первого слога многосложного слова, а в открытых односложных словах занимают, как правило, промежуточное положение между краткими и долгими гласными первого слога многосложного слова. И это объясняется положением гласного в слове, точнее, позицией последнего открытого слога слова.

И самое главное редуцированные гласные полного образования в односложных словах, исторически восходящие к долгим гласным и дифтонгам, по своей протяженности во времени полностью совпадают с длительностью таких же, но исторически кратких гласных. Так, гласный и в словах типа *би* «я», *чи* «ты» является исторически кратким, а в словах *би* «танец», *чи* «вишня» – исторически долгим, точнее дифтонгом. В современном калмыцком языке эти слова являются омонимами, а гласный и в них совершенно одинаковым во всех примерах и по длительности, и по сходству рисунков осциллограмм, то есть, тождественны и качественно, и количественно.

Аналогична картина омонимов, представляющих собой закрытые односложные слова, соответствующие моделям типа CVC, VC. Однородные гласные в односложных открытых и закрытых словах практически одинаковы независимо от того, являются ли они исторически долгими или краткими. Гласные в таких словах, как *аг* «развилка», *чиг* «сырость», *хур* «музыкальный инструмент», *хол* «горло», *сер* «шейный позвонок», *бог «лопаточная часть спины»,* которые исторически восходят к долгим гласным и дифтонгам, имеют одинаковые осциллографические рисунки с исторически краткими гласными в соответствующих омонимичных словах типа *аг* «крепость отвара», *чиг* «направление (движения)», *хур – усилительная частица, хол* «далеко», *сер* «тихий (о ветре)», *бог* «мусор». Следовательно, они тождественны по своим акустическим параметрам и по длительности. Поэтому, естественно, что исторически долгие гласные и дифтонги в односложных словах редуцировались и воспринимаются носителями языка как краткие гласные. Для определения фонологического восприятия их носителями языка были проведены исследования с применением различных методов – опросы информаторов, слуховые наблюдения, а также с использованием специально разработанного экспериментального метода по опознаванию фонологической принадлежности редуцированных гласных полного образования, исторически восходящих к долгим гласным и дифтонгам. Суть метода состояла в том, чтобы выделить из магнитофонной записи отдель-

ные, необходимые для прослушивания отрезки и скомпоновать ряд записей по специальной программе, дать для прослушивания носителям языка и получить от них записи их восприятия с дифференциацией гласных по признаку долготы и краткости. В результате прослушивания более трех тысяч специальных записей отрезков слов установлено, что в абсолютном большинстве случаев гласные в односложных словах отождествляются носителями языка с соответствующими краткими гласными фонемами.

Еще более убедительны данные о краткости исторически долгих гласных и дифтонгов в позиции последнего слога многосложного слова. В середине же многосложного слова исторически долгие гласные также подверглись редукции, но дифференцированы на долгие и краткие гласные фонемы, соответственно реальному произношению.

Следовательно, исторически долгие гласные и дифтонги в односложных словах, конце многосложного слова, а в ряде случаев и в середине слова подверглись нейтрализации в результате их редукции, совпали в количественном и качественном отношениях с соответствующими исторически краткими гласными. При этом надо отметить, что переход исторически долгих гласных и дифтонгов в краткие гласные фонемы в определенных позициях слова не повлиял на фонологическую подсистему гласных по количественному признаку. Противопоставление кратких и долгих гласных по признакам краткости – долготе осталось неизменным.

Чтобы определить количественную характеристику редуцированных гласных полного образования в односложных словах необходимо было сначала провести сравнительный анализ соотношения длительности аллофонов кратких гласных в зависимости от разных фонетических условий, а затем кратких и долгих гласных в словоформах, которые отличаются в основном только наличием в них краткого и долгого гласных. Следовательно, фонетические условия их употребления будут идентичными или очень близкими. Это необходимо учитывать, ибо колебания в длительности аллофонов одной и той же

фонемы в разных фонетических условиях весьма значительны, например, в калмыцком языке по данным пяти дикторов редуцированные аллофоны кратких гласных уступают протяженным аллофонам в среднем: по гласной фонеме [a] – в 3,15 раза, по фонеме [ɔ] – в 2,76 раза, по гласной фонеме [u] – в 3,5 раза, по фонеме [æ] – в среднем в 2 раза, по фонеме [ɛ] – в среднем в 1,5 – 2,5 раза, по мягкорядной гласной фонеме [œ] – в 1,5 – 2,5 раза, по гласной фонеме [ү] – в 1,5 – в 2 раза, по гласной фонеме [ı] – в 3,3 раза. Поэтому, чтобы объективно использовать экспериментальные данные необходимо строго соблюдать условия проведения анализа. С целью объективного обследования редуцированных гласных полного образования в указанных позициях слова необходимо было исследовать и соотношение протяженности во времени кратких и долгих гласных фонем в позиции первого слога многосложного слова, где фонетические условия их произнесения в целом одинаковы. Итак, измерения длительности гласных по осциллографическим данным, полученным от пяти дикторов, показывают расхождения длительности кратких и долгих гласных. Они в среднем равны: по гласным фонемам [a] и [a:] = 1:1,7 – 2, иногда 1:4, [ɔ] и [ɔ:] = 1: 4,5-5, иногда 1:2, [u] и [u:] = 1:3, [ɛ] и [ɛ:] = 1:1,7, 1:2,5, [æ] и [æ:] = 1: 1,5 и чаще 1: 3, [œ] и [œ:] = 1:2,9 , иногда 1:1,4, [ү] и [ү:] = 1: 4,7, [ı] и [ı:] = 1: 3, чаще 1:4,7. Обследованы были краткие и долгие гласные в словах типа: avʌ̀ «возьми» – avʌ «дедушка» (орфогр. ав-аав), taχʌ «подкова» – ta:χʌ «гадать» (орфогр. тах-таах), tɔχʌm «потник» – tɔ:χʌm «будем угощать» (орфогр тохм-тоохм), tɔsʌn «масло» – tɔ:sʌn «пыль» (орфогр. тосн-тоосн), ulʌ «подошва» – u:lʌ «гора» (орфогр. ул-уул), utʌ «длинный» – u:tʌ (орфогр. ут-уут) «кожаный мешок», dɛr(e) «подушка» – dɛ:rə̀ «вверху» (орфогр. дер-деер), dær «порох» – dæ:rə̀ «ссадина» (орфогр. дәр-дәәр), œrə̀m «сметана» – œ:rə̀m «рядом со мной» (орфогр. өрм-өөрм), kœrχə̀ «мерзнуть» – kœ:rχə̀ «хвастаться» (орфогр. көрх-көөрх), kүndə̀ «тяжелый» – kү:ndə̀ «человеку» (орфогр. күнд-күүнд), sүkə̀ «топор» – sү:kə̀ «хитрость» (орфогр. сүк-сүүк), ımə̀ «метка» – ı::mə̀ «такой» (орфогр. им-иим).

Исследование длительности редуцированных гласных полного образования, которые исторически восходят к долгим и дифтонгам, показало, что они имеют чуть большую протяженность, чем исторически краткие гласные в многосложных словах и соответственно чуть меньшую контрастность по длительности с соответствующими долгими гласными первого слога многосложного слова. Однако такая длительность объяснима с чисто фонетической точки зрения. Несколько большая длительность обусловлена незначительным количеством звуков в слове. В односложном слове меньше звуков. В калмыцком языке число звуков в односложном слове обычно не превышает, за редким исключением, связанным с некоторыми образными словами, двух или трех звуков. При этом в односложном слове содержится только один гласный, представляющий собой обязательный для слога вокально-центральный элемент, а число согласных – необязательные для слога консонантные элементы колеблется от двух до трех. Длительность звуков (гласных и согласных) обычно уменьшается в многосложных словах и чем более протяженным является слово, тем более редуцированными являются составляющие его звуки. Наоборот, длительность звуков увеличивается в более коротких словах и, естественно, в односложных словах. Естественно, при этом в открытых односложных словах типа zɔ (зо) «хребет, горизонт», bu (бу) «ружье», zɛ «внук» (орфогр. зе) редуцированные гласные полного образования имеют еще большую длительность, чем гласные в закрытых односложных словах. Еще более протяженную длительность имеют исторически долгие и дифтонги, представляющие собою целое слово, например, ɔ (о) «пудра», u (у) «пей», ɛ (э) «грей». И это тоже вполне объяснимо, во-первых, поскольку длительность звуков в слове обратно пропорциональна по отношению к общей длительности всего слова, то, естественно, звуки в односложном слове будут иметь большую длительность, чем в многосложных словах. Это свойственное всем языкам фонетическое явление не имеет фонологического значения. Во-вторых, когда гласный стоит в конце слова, а в словах, заканчивающихся открытым слогом, гласный, естественно,

находится в абсолютном конце слова, поэтому он имеет и по этой причине большую фонетическую длительность, которая чисто количественно занимает промежуточное между краткими и долгими гласными положение, только иногда несколько приближаясь к длительности долгих гласных первого слога многосложного слова. Кроме того, следует учитывать при измерении длительности гласного в позиции последнего открытого слога слова и структуру гармонических колебаний на протяжении звучания гласного. Высокий уровень амплитуды колебания гласного в этой позиции слова сохраняется на протяжении двух трети длительности гласного, а затем идет его затухание, иногда даже довольно резкое падение его. Наблюдения показывают второстепенный несущественный характер части длительности гласного, выраженного затухающей амплитудой гармонических колебаний. Это видно на осциллограммах записи слов с открытым конечным слогом.

Раздел 2. Физическая природа, лингвистическая значимость неясных гласных фонем

Одной из самых сложных загадок монголистики XX века была и остается актуальная в научном и практическом отношениях проблема неясных гласных. Она характерна почти всем монгольским языкам, поэтому привлекала внимание многих исследователей. Однако единства мнения в их научной оценке не наблюдается, что можно объяснить, пожалуй, разными причинами. Это достаточно сложное явление, которое не поддается сразу обобщению в силу того, что в качественном, функциональном отношениях не обнаруживают более или менее устойчивого единообразия даже в пределах одного языка или говора. Естественно, поэтому они не всегда идентичны в разных монгольских языках и говорах, лингвистические критерии определения качества звуков не охватывают все аспекты свойств неясных гласных и характера их проявления. Не удается идентифицировать неясные гласные с какими-либо краткими

гласными фонемами. Одни их слышат, а другие не могут обнаружить даже в своем собственном произношении, или слышать там, где они отсутствуют. Основа же такого нечеткого восприятия этих звуков, как носителями языка, так и многими исследователями, состоит в нечеткости произношения, что в свою очередь обусловлена слабой напряженностью органов артикуляции при их образовании. Самым шокирующим для некоторых исследователей явилось свойство неясных гласных сокращаться до минимума, а иногда неожиданно исчезать, а временами появляться в слове там, где их никогда прежде не было. Иными словами, такие свойства неясных гласных, как неясность звучания, неуловимость, непостоянство и скользящий характер их произношения нередко приводили исследователей в тупик. До недавнего времени не было обоснованных данных о количестве неясных гласных. Поэтому нетрудно заметить в оценках исследователей нотки негативной характеристики их значимости для языка. Многие рассматривали неясные гласные как явление, которое утратили свою функциональную роль, сейчас сохраняются по инерции, но обречены на исчезновение. Естественно, такое отношение породило представление, что неясные гласные – это отживающее, избыточное для языка явление. Поэтому исследователям казалось, что нет никаких оснований говорить о неясных гласных как о полноценных звуках.

Следовательно, не просто установить их место в системе языка, о чем могут свидетельствовать и многочисленные терминологические характеристики неясных гласных. Наряду с распространенными терминами: «редуцированные гласные», «гласные неполного образования», «чрезвычайно редуцированные гласные», «сверхкраткий гласный», встречаются и такие, как «вокалическая прослойка», «шва», клейстер» и др. Кроме того, существуют еще и национальные терминологические наименования, например, монг. «балархай эгшиг» («нечеткий гласный»), калм. «бүтңһү эгшг» (тусклый, мутный, нечеткий гласный», « тодрха биш эгшг» («неясный гласный») и др.

Но самое главное – до последнего времени не было проведено по всем монгольским языкам, кроме калмыцкого языка,

экспериментальных исследований неясных гласных, которые позволили бы изучить акустические их свойства в полном объеме.

О состоянии изученности лингвистического аспекта неясных гласных свидетельствуют и их классификации. В одних случаях они характеризуются как аллофоны кратких гласных – в бурятском языкознании, как аллофоны кратких гласных – в одних случаях, как самостоятельны фонемы в других случаях – в монгольском языкознании, как самостоятельные фонемы, а также иногда как неполноценный элемент – в калмыковедении.

Характер артикуляции и физическая их природа как будто бы достаточно полно установлены, правда, в основном слуховым методом наблюдения. В трудах по монголоведению отмечается, что неясные (или редуцированные) гласные образуются при слабом мускульном напряжении артикулирующих органов речи, а в акустическом отношении им свойственна неопределенность, обусловленная нечеткостью звучания. Естественно, факт редукции кратких гласных непервых слогов слова был зафиксирован еще в середине XIX века А.А. Бобровниковым в его известной «Грамматике монгольско-калмыцкого языка».

Однако такие тонкие наблюдения и обобщения не выходили за рамки общей характеристики языкового строя и тенденций произошедших изменений. Начало глубокого и целенаправленного изучения звуковой стороны монгольских языков и их говоров было положено систематическими исследованиями живых монгольских языков Г.И. Рамстедтом, Кастреном, А.Д. Рудневым, Б.Я. Владимирцовым и др. Важнейшую роль в этом отношении сыграла работа Г.И. Рамстедта «Das Schriftmongolische und die Urgamundart», вышедшая в свет в Хельсинки в 1902 году. Чуть позже она была издана на русском языке А.Д. Рудневым. В ней Г.И. Рамстедт отмечал ослабление напряженности мускулатуры надставной трубы при артикуляции гласных, когда они находятся в неударенном положении, т.е. в позиции непервого слога слова. [Рамстедт, 1908, с.46].

Обстоятельная характеристика артикуляции и звучания редуцированных гласных дана в классическом труде

Б.Я. Владимирцова «Сравнительная грамматика монгольского письменного языка и халхаского наречия», в которой, наряду с «обыкновенными» или «нормальными» и долгими, обобщенно представлены семь редуцированных гласных, называемые им еще и гласными неполного образования или неясными гласными. В отношении монгольских неясных гласных, которые очень сходны с аналогичными калмыцкими гласными, Б.Я. Владимирцов писал: «Халхаское наречие знает еще гласные неполного образования; это такие гласные, при произнесении которых органы речи производят свою работу не энергично, вяло. Благодаря такой пассивности артикуляции гласные не получают того характерного оттенка, который они имеют при полной работе органов речи». [Владимирцов, 1929, с.55]. Он также отметил, что эти гласные «произносятся бегло и никогда не встречаются в первом слоге. Поэтому они имеют очень много оттенков, что затрудняет их точное определение». [Владимирцов, 1929, с.55]. Сравнивая неясные гласные с аналогичными гласными русского языка, он писал: «Халхаские гласные неполного образования несколько похожи на русские гласные с ослабленной артикуляцией, напр., в словах хобот, челядь, голова, халх. гласные неполного образования произносятся только более кратко» [Владимирцов, 1929, с. 55]. При этом Б.Я. Владимирцов отмечал, что «чрезвычайно трудно, а в некоторых случаях почти невозможно, определить совершенно точно, когда редуцированные гласные халхаского наречия можно передать через ă, ĕ (с «луночкой» вверху) и когда при посредстве а, е [перевернутые а, е – Б.П.]» [Владимирцов, 1929, с. 397]. Он также отмечал, что редуцированные краткие гласные в халхаском наречии бывают в отдельных позициях слова и глухими. Все эти высказывания имеют отношение и к калмыцкому языку, поскольку Б.Я.Владимирцов монгольские языки, в том числе и калмыцкий язык, считал наречиями одного монгольского языка. Кроме того, здесь речь идет об очень близких или одинаковых явлениях, характерных для многих монгольских языков. Особенно близки по своей природе неясные гласные в калмыцком и монгольском языках. И в этой связи целесоо-

бразно рассмотреть общие характеристики и фонологические обобщения, сделанные в отношении неясных гласных других монгольских языков.

Артикуляционные описания образования неясных гласных у всех авторов практически сходятся, за исключением некоторых деталей. Исследователи обращают внимание главным образом на краткость их произношения и акустический эффект неопределенности. Называются эти гласные в монгольском языке терминами «балархай эгшиг», что означает «неясные, мутные, неопределенные гласные», а также терминами «огцом эгшиг» «богино эгшиг», «хэт богино эгшиг», что можно перевести как «сверхкраткий», «очень краткий» или «чрезвычайно редуцированный» гласный. Расхождения авторов наяву в отношении определения фонологической значимости неясных гласных. Доминируют в основном две точки зрения, согласно мнению одних исследователей, неясные гласные являются в современном монгольском языке редуцированными аллофонами кратких гласных фонем [Г.Д. Санжеев, Ш. Лувсанвандан, Чингэлтэй, Ж.Цолоо, Мөөмөө, Е.А. Кузьменков, авторы книги «Современный монгольский язык»], по мнению других, – эти гласные являются самостоятельными гласными фонемами [Н.Н. Поппе, В.М. Наделяев, Пагба, О. Самбуудорж].

В бурятском языкознании неясные гласные обычно называются редуцированными гласными и характеризуются также как звуки, которые образуются при очень слабой напряженности органов речи. [Бураев, 1960, с. 125].

Однако по степени редукции неясных гласных бурятские говоры, которых довольно много, не однородны, они заметно различаются между собой. Исследователи отмечают, что гласные в хоринских говорах менее подвержены количественным и качественным изменениям. «Напротив, для западнобурятской лингвистической общности, особенно для тункинского говора, редукция гласных составляет, – пишет Б.В. Матхеев, – едва ли не самую существенную черту модификации гласных фонем». [Матхеев, 1972, с. 17]. «В отношении вокализма непервых слогов из всех современных бурятских говоров самыми

архаичными являются, – пишет В.И.Рассадин, – сартульский, цонгольский и хамниганский говоры» [Рассадин, 1982, с.37]. В остальных бурятских говорах, например, в баргузинском, эхирит-булагатском, качугском, исследователи отмечают заметную редукцию и выпадение гласных. И все же редуцированные гласные непервых слогов бурятского языка отличаются от аналогичных гласных калмыцкого языка более отчетливым звучанием. Поэтому, не случайно неясные гласные бурятского языка исследователи единодушно относят к аллофонам соответствующих кратких гласных фонем.

Неясные гласные калмыцкого и других монгольских языков образуются при очень слабой напряженности артикулирующих органов речи, соответственно чему часто имеют акустический эффект гласного звука неопределенного качества. Поэтому их далеко не все улавливают на слух, а если слышат, то не могут определить какого они качества, в какой позиции слова они употребляются. Однако неясные гласные монгольского языка имеют в этом отношении некоторые преимущества. Их два. Одно из них заключается в том, что монгольскому языку, в отличие от калмыцкого, характерна лабиальная гармония, согласно которой если первый слог слова содержит огубленный гласный типа *о, оо, ө, өө,* то эта огубленность передается и гласным следующих слогов, в том числе и неясным гласным. Благодаря этому последние во многих случаях приобретают сходства с гласным первого слога слова по характеру огубленности и становятся более отчетливыми в звучании. Другое преимущество состоит в том, что монгольские неясные гласные отражаются на письме соответствующими буквами кратких гласных фонем. Это очень важный фактор, ибо подтверждает факт их наличия и оказывает психологическое воздействие на носителей языка с самого раннего детства, напоминая о своем полноправном существовании не только в устной форме языка, но и в письменной. Однако о неопределенности качества и трудной регуляции закономерности употребления неясных гласных свидетельствует и тот факт, что для их правильного написания на письме потребовалось создание специальных правил орфографии. Они сняли затруд-

нения, связанные с правильным написанием неясных гласных в различных позициях непервого слога. Это «Правила семерки и девятки». Суть их состоит в том, согласные фонемы монгольского языка разделены по их сочетаемости с гласными на две группы. В одну из них вошли 9 согласных «девятка», которые могут выступать вне сочетания с гласными, а другую группу вошли семь согласных «семерка», которые всегда требуют при себе – слева или справа наличия гласного. Гласные могут находиться, естественно, и справа и слева. Кроме того, соблюдению правил правильного орфографического написания слов содействовал, конечно, и палатальный сингармонизм, который не допускает смешения в одном слове гласных двух сингармонических рядов – гласных твердого ряда и гласных мягкого ряда, а также и лабиальный сингармонизм.

Представляет определенный интерес и данные по неясным гласным в ойратских говорах, которые близки к калмыцкому языку. В последние годы появился ряд работ, посвященный различным монгольским говорам, в том числе и ойратским: дербетскому, баитскому, элетскому, торгутскому и др. В них также фиксируются неясные гласные, однако фонологическая оценка их авторами различна. Одни авторы считают неясные гласные в ойратских говорах редуцированными разновидностями кратких гласных первого слога слова, а другие – самостоятельными фонемами. Так, например, согласно автору книги «Фонологическая система ойратских говоров монгольского языка» О. Самбуудорж, в ойратских говорах имеются две неясные гласные фонемы – твердорядная а, мягкорядная *ӓ*. [Самбудорж, 2002, с.66].

В наиболее сложном положении оказались неясные гласные калмыцкого языка, которые в период создания письменности, в 20-30-х годах, не получили отражения на письме, хотя в устной речи они произносятся.

Неясные гласные калмыцкого языка всегда были предметом особого внимания известных монголоведов, чрезвычайную актуальность обрели они в связи с вопросами создания и реформ письменностей. Проблема эта продолжает оставаться

актуальной и сегодня в связи с вопросами обучения калмыцкому языку в учебных заведениях и языковой ситуацией в республике, хотя она имеет довольно длительную и весьма сложную историю. Так, еще в трудах корифеев монголистики, например, Г.И. Рамстедта, В.Л. Котвича неясным гласным отводилась роль неполноценных гласных звуков, а о фонологической характеристике гласных не было речи, что связано, естественно, и с состоянием науки того времени.

Специальную статью неясным гласным калмыцкого языка посвятил Джон Стрит. Он обозначает эти гласные весьма разными, а иногда противоречивыми, терминами «вокоид», «аллофон», «шва», которые весьма негативно характеризуют неясные гласные с точки зрения их значимости для языка. Если аллофон обозначает понятие «представитель фонемы», «вокоид» можно трактовать как гласный звук, то термином «шва», который в древнееврейском обозначал, как известно, «ничто», обозначают гласный неопределенного тембра, приглушенный, нейтральный звук.[Street, 1962. S. 263-291].

Таким образом, неясные гласные фиксируются исследователями во всех традиционно известных монгольских языках и их говорах как подверженные крайней степени редукции, в артикуляционном отношении неустойчивые, акустически нечетко звучащие гласные звуки. Отмечается часто, что неясных гласных очень много, регистрируются транскрипционными знаками, как правило, с диакритическим знаком краткости, точнее, сверхкраткости. Количество неясных гласных колеблется в зависимости от точки зрения авторов от 1 до 11. Кроме того, число неясных гласных увеличивалось, особенно в ранних работах, за счет так называемых сверхкратких гласных, поэтому для их обозначения использовали не только диакритические знаки, но и еще перевернутые буквы, а также буквы, уменьшенные в размере. Особенно наглядно это по транскрипции калмыцких неясных гласных Г.И. Рамстедта. Совершенно отличается зависимость артикуляционно-акустического свойства неясных гласных от качества соседних фонем, в частности, от качества гласных полного образования первого слога слова. В некоторых

позициях слова, например, в позиции абсолютного конца слова, неясные гласные часто обладают заметно большей протяженностью, чем в других фонетических положениях.

Неясные гласные бывают разными по характеру артикуляции в зависимости от конкретного языка или говора. Наиболее сильной считается редукция гласных в калмыцком языке и ойратских говорах. Очень близко к ним качество неясных гласных в монгольском языке. Менее редуцированными считаются неясные гласные в бурятском языке и его говорах.

Нет в монголистике единства в отношении фонологического качества неясных гласных. Одни исследователи считают их редуцированными гласными фонемами, другие, их абсолютное большинство, считают их редуцированными краткими гласными. В тех случаях, когда признают их самостоятельными фонемами, количество неясных гласных фонем колеблется в зависимости от автора от двух до трех. Такая картина фонологической оценки неясных гласных в определенной степени объясняется слабой их изученностью во многих монгольских языках и говорах, особенно экспериментальными методами исследования, недостаточной теоретической обоснованностью. В отношении длительности трех редуцированных гласных отмечено, что они имеют разную степень редукции длительности, вплоть до нуля. Это значит, они иногда настолько сильно редуцируются, что их длительность равна нулю, т.е. они исчезают.

Естественно, это своеобразное, почти уникальное явление как неясные гласные в калмыцком и других монгольских языках требует его рассмотрения не только с общелингвистических положений, но и типологического анализа с аналогичными явлениями в языках других типов.

В этой связи необходимо отметить, что гласные такого типа, которые часто называются «неопределенными гласными», встречаются во многих языках, в частности, в немецком и английском языках. В немецком языке имеется гласный [ə], фонологическая сущность которого оспаривается исследователями, но очень часто его оставляют за рамками фонологических таблиц гласных.

Надо сказать, что этот гласный близок к калмыцким неясным гласным по артикуляторному и акустическому качествам и некоторым функциональным признакам. Однако сфера его употребления неизмеримо уже, чем неясные гласные калмыцкого языка, например, в немецком языке гласный [ə] употребляется в приставках *be-* и *ge-* и в окончаниях, а в калмыцком языке неясные гласные употребляются в позиции непервого слога слова и очень часто. Достаточно сказать, что из проанализированных мною тринадцать с половиной тысяч исконных калмыцких слов, в более 87 процентах случаев из них встречаются неясные гласные. Причем во многих из них по нескольку раз, что является довольно убедительным показателем не только частоты их употребления, но и их фонологической значимости.

Особая актуальность проблемы неясных гласных в калмыцком языкознании связана с вопросами письменности, точнее, в связи с необозначением на письме неясных гласных, в результате чего на письме образовалось скопление большого количества согласных букв после гласного первого слога слова.

Было важно установить фонологическую сущность неясных гласных калмыцкого языка. С одной стороны, в монголистике установилась точка зрения, что неясные гласные калмыцкого языка – явление отживающее, что язык в них уже не нуждается, потому избавляется от них, свидетельством чего и могут быть редукция исторически кратких гласных непервых слогов до степени крайней неопознаваемости, а во многих случаях и до полного их исчезновения. Поэтому такие известные исследователи как В.Л. Котвич, Г.И. Рамстедт считали, что эти гласные уже не выполняют практически никакой функции. Они даже не хотели замечать, что неясные гласные могут выполнять слогообразующую роль, при наличии неясного гласного рядом с согласным, они признавали слогообразующую функцию за согласным. Таким образом, неясные гласные были для них нечто вроде отживающего рудимента прошлого, присутствующие в сегодняшнем языке без особой необходимости, скорее всего не нужного для будущего языка. Действительно, артикуляторно-акустические качества неясных гласных не поддаются определению. Трудно сказать,

какого конкретно качества неясные гласные в таких словах как, например, атх «горсть» (атхъ), гласный, обозначенный в грубой транскрипции буквой ъ, относится к а, ы, или к другому гласному. В *өткн* «густой» (*өткен*), е обозначает *е, э,* ө, *бичкн* «маленький» *(бичкен)* буквой *е* обозначает *е, э, и*? Кроме того, оказалось, что некоторые носители языка не всегда замечают наличие в речи неясных гласных звуков, а также не знают в каком месте слова и какой неясный гласный употребляется. Это находят подтверждение не только на материале калмыцкого языка, но и косвенно на данных монгольского языка. Так, если бы носители монгольского языка опознавали качество и место употребления неясных гласных, то совсем не обязательно было создавать специальные правила их правильного написания – правила «семерки» и «девятки». Уместно отметить, что правила написания неясных гласных в монгольском языке, за некоторыми исключениями, весьма адекватно отражают неясные гласные на письме.

В калмыцком языке изобилие таких примеров, тем более, что неясные гласные в них не обозначаются, например, *ах* «старший (брат)», *бек* «чернила», *уул* «гора», *сур* «ремень», *эн* «этот», *дөң* «помощь», *боднцг* «картофель», *эрт* «рано», *зарм «просо»* и др., не говоря уже о словах, насчитывающих после первого гласного до одиннадцати согласных букв. Представленные выше слова можно написать в грубой транскрипции следующим образом: *ахъ, бэке, уулъ, сур, эне, дөң, эрте.*

Неясные гласные, содержащиеся в этих словах, носителями языка не отождествляются с краткими гласными, например, гласными первого слога слова *а, о, у, э, и, ү, ө.* Вместе с тем носители языка, участвовавшие в эксперименте, без труда отмечали имеющиеся в словах неясные гласные, но другими буквами, чем краткие.

При наращении аффиксальных морфем эти слова утрачивают содержащиеся в них неясные гласные, например, *ахта.* «со старшим братом», *уулдъ* «в горах», *энде* «здесь», *эртин* «раннего», *монг. худаг* «колодец» - *худгийн* «колодца», *намар* «осень» – *намрын* «осени (р.п.)», *суудал* «сидение, место» - *суудлын* «сидения (р.п.)».

Особенностью функционирования неясных гласных является их «скользящий» и исчезающий характер, их переход в соседние слоги или полная редукция, например, *ташмъг (орф. ташмг)* «плеть» – *ташъмгин* «плети (р.п.)», *халвъг* (орф. *халвг)* «женский головной убор» – *хальвгин* «женского головного убора (р.п.)». В ряде случаев неясные гласные остаются в тех же слогах и при наращении аффиксов, например, калм. *бодънцъг* «картофель», *уръдан* «состязание», *холхънцъг* «широкий, колыхающийся», *шунгърцъг* «штанина», *аргънзъл* «быстрый конь», *монг. уралдаа(н)* «состязание», *харандаа* «карандаш», *сонирхох* «интересоваться», в которых неясные гласные второго слога практически сохраняются благодаря протяженности слова и сочетаемости соседних согласных. Кроме того, встречаются слова, особенно в калмыцком языке, которые без правильного употребления неясных гласных становятся непонятными, например, слова типа: *темн* «большая игла», *өмн* «впереди, раньше», *курн* «хорек» и др.В произношении они имеют формы: *тэмне, өмне, курне*. Без неясных гласных их невозможно произнести по-калмыцки, если же переставить неясные гласные между двумя последними согласными, то слова приобретут или иное значение, или станут бессмысленным сочетанием разных фонем.

Следовательно, неясные гласные выполняют очень важную функцию в формировании звуковой оболочки слов и морфем. Если из перечисленных выше и других слов изъять неясные гласные, т.е. попытаться произнести без этих гласных, то многие слова утратят свою обычную форму и будут искажены, а другие будут вообще не произносимы, по крайней мере, соответственно произносительным нормам калмыцкого языка. Абсолютное большинство калмыцких слов содержит в своей звуковой структуре неясные гласные.

Другая важная функция, которую выполняют неясные гласные, это их роль в формировании слога. Они выступают в качестве слоговой вершины. Исследования показали, что в калмыцком и других монгольских языках слогообразующей функцией обладают только гласные, в том числе и неясные гласные. Без гласного ни один слог в названных монгольских языках не

образуется. Ни при каких обстоятельствах согласные, какими сверхслабыми или сонорными они ни были, без участия гласного в качестве слоговой вершины, образовать слог не могут. Это положение применимо и к монгольскому языку, что нетрудно подтвердить правилами правописания неясных гласных, где в «семерку», которая требует наличия при них гласных букв, входят буквы большей частью именно сверхслабых согласных –[*м, н, л, в, р*] и слабых согласных [*б, г*].

В результате экспериментально-фонетических исследований неясных гласных на фоне подсистем гласных фонем языка автор настоящих строк пришел к выводу, что в калмыцком языке имеются три самостоятельные неясные гласные фонемы, противопоставленные всем остальным гласным полного образования. Фонологическим признаком противопоставления неясных гласных кратким и долгим гласным является признак ненапряженности артикулирующих органов речи при их образовании, которая обуславливает их акустическое свойство «неясности». Эти обобщения о фонологической значимости неясных гласных были изложены в январе и октябре 1963 года на научных форумах в Элисте, а в специальной статье, опубликованной в «Записках» института, сформулированы следующим образом: «И хотя объективно (с помощью специальных приборов) трудно провести между ними четкую границу качественного различия, учет их роли в образовании звуковой оболочки слов и морфем позволяет говорить о трех разных фонемах, которые в целом противопоставляются ясным гласным своей очень слабой напряженностью. Между собой они противопоставляются как спецификой их артикуляторной работы и акустическим эффектом каждой из них, так и своим участием в образовании звуковой оболочки слов двух рядов – твердого и мягкого». [Биткеев, 1964, с. 75]. Эта точка зрения стала практически преобладающей в калмыцком языкознании.

Другим, пожалуй, самым сложным аспектом рассмотрения фонологического качества неясных гласных является взаимосвязь этих гласных со словесным ударением. Сложность заключается в том, что в монголистике прочно утвердилась традиция,

согласно которой причиной появления и существования неясных гласных является безударное положение слогов в слове, где они выступают. Такое представление является распространенным и очень часто встречается в лингвистических исследованиях по разным языкам. Причины возникновения какого-либо фонетического или фонологического характера явления обычно ищут в смежных явлениях, нередко только в предполагаемых. Наиболее удобными в этом отношении обычно бывают супрасегментные явления, в частности, ударение. Оправданной и научно доказанной является редукция гласных в безударном положении в русском языке, в котором гласный ударенного слога выделяется и интенсивностью, и напряженностью, а самое главное – значительной длительностью. Редуцированные гласные отличаются заметно меньшей протяженностью во времени и по месту в слове относительно слога с ударенным гласным различаются на: первый предударный, второй предударный, первый заударный, второй заударный. В русском языке редуцированные гласные являются, как известно, такими же аллофонами соответствующих гласных, как и гласные в ударенных слогах. И было бы просто считать редуцированные (неясные) гласные в монгольских языках аллофонами соответствующих кратких гласных фонем, выступающих, например, в первом слоге слова, по аналогии с ударенными и безударными гласными русского языка. Однако эти сходства на этом заканчиваются. Здесь необходимо учитывать существенные отличия, а именно, качественные отличия, фонологическую значимость ударений, характер их проявлений в русском и монгольских языках. Словесное ударение характеризуется в монгольских языках как динамическое, экспираторное или качественное, падает только на первый слог слова, следовательно, о фонологическом качестве словесного ударения в монгольских языках никто в серьез не говорил, хотя были неоправданные попытки охарактеризовать долгие гласные как ударенных. И по этому поводу со всей определенностью можно сказать, что словесное ударение в монгольских языках, в том числе и в калмыцком языке, не имеет фонологического значения, поскольку оно является одноместным, которое

терминологически характеризуется как «связанное», которое, согласно положению общей фонологии, не может иметь фонологического значения.

Поскольку любое слово в монгольских языках начинается с корневой морфемы, то на нее и приходится словесное ударение.

В русском же языке ударение – квантитативное, а по месту употребления свободное (разноместное), имеет фонологическое значение.

Поэтому вопрос об отношении неясных гласных к гласным полного образования, в частности, являются ли неясные гласные аллофонами кратких гласных или самостоятельными фонемами должен рассматриваться с иной точки зрения, которая связана с лингвистическими причинами их возникновения.

В фонологических исследованиях часто используется метод выявления бинарного противопоставления фонем в сходных лексических единицах, которые называются словами-квазиомонимами, например, монг. *тах* «подкова» – *таах* «гадать», *дэр* «подушка» – *дээр* «вверху», *хол* «далеко» – *хоол* «пища», *урэх* «портиться» – *үүрэх* «нести на спине». В этих случаях «противопоставляются целые единицы, а не отдельные элементы их составляющие» [Зиндер, 1997, с.46]. Однако в отношении неясных гласных этот метод может иметь ограниченное применение, хотя в калмыцком языке можно привести такие примеры: *курн (курен)* «дойдя» (соед. деепричастие) – *курн (курне)* «хорек», *зул ~ зулъ* «лампада, свеча» – *зула* «темя», *ишк (ишке)* «козленок» – *ишкә* «войлок», *зурх (зурхъ)* «строгать» – *зурха* «астрология», *берн (бэрне)* «лады» – *бернә (бэрнә)* «пеленки». В этих примерах довольно отчетливо обнаруживается различие неясных гласных от гласных полного образования.

Степень опознаваемости неясных гласных носителями языка может рассматриваться как один из важных факторов их фонологической самостоятельности. В этом отношении одним из способов доказательства фонологической самостоятельности звуков является их автономность, которая обнаруживается, как правило, косвенным путем, например, когда фонема совпадает

со словом: калм. *ө «пудра», у «пей»* (пов. накл.), *ә «звук»*. Однако такой метод определения фонологической самостоятельности звуков применим только в ограниченных условиях, ибо далеко не все гласные полного образования могут выступать как звуковая оболочка целого слова. Кроме того, согласные в калмыцком языке вообще не употребляются вне сочетания с гласными, они будут естественно звучать, если произносить их в сочетании с гласной фонемой типа: *та, то, ту, те, ка, ко, ку, ке, ма, мо, му, ме или ас. эш, эм, ар, ол, ур, ир* и т.п.

В старописьменных учебниках и учебных пособиях именно так и представляли согласные при обучении грамоте, но по европейской системе обучения, согласные буквы часто читаются и отдельно, без гласного. В отношении же неясных гласных этот метод практически не применим, поскольку они употребляются только в непервых слогах слова, поэтому они не могут выступать в качестве вокально-центрального элемента односложного слова, в том числе и слов, состоящих из одного гласного – вокально-центрального элемента. Поэтому изолированно произнести их без изменения качества звучания трудно (это может выполнить только тренированный фонетист, и то без достаточной гарантии). Затруднительно их произношение без искажения в составе слога. Вместе с тем наличие неясных гласных в непервых слогах слова никто не может отрицать. Психологически и визуально легче всего в этом отношении монголам, которые обозначают на письме буквы неясных гласных, правда, буквами кратких гласных фонем.

Итак, неясные гласные, которые выступают в непервых слогах слова, являются наследниками бывших в прошлом кратких гласных, которые утратили прежние артикуляционные свойства, образуются при очень слабой мускульной напряженности органов речи, обрели неясное акустическое звучание, соответственно стали нейтральными по отношению к признаку длительности кратких гласных первого слога слова и долгих гласных. Поэтому они приобрели фонологическую самостоятельность безотносительно к степени протяженности во времени кратких гласных первого слога слова как гласные, отличаю-

щиеся ненапряженной артикуляцией и неясным звучанием. В данном случае «для группировки фонем фонотактические правила их употребления, может быть, важнее, чем их участие в том или ином типе оппозиции» [Зиндер, 1997, с . 64].

Исследования акустических свойств неясных гласных показали, что заметно отличаются от близких им в артикуляционном отношении кратких гласных фонем, например, неясные гласные фонемы [ʌ ə̀ ì]от кратких гласных фонем [a, æ, ɪ] отличаются по формантной структуре F1, а между собой как по частотному положению F1, так и особенно по F2.

Отличие неясных гласных от кратких гласных фонем проявляется в интенсивности (силе) их произношения. Особенно заметно это при анализе характера распределения интенсивности на протяжении звучания гласного. Так, интенсивность неясных гласных уступает интенсивности кратких гласных фонем весьма значительно, а иногда в два раза. Но бывают случаи, когда начальная интенсивность неясного гласного равна интенсивности краткого гласного, но она сохраняется совсем недолго, на протяжении одного-двух колебаний амплитуды колебания основного тона, затем довольно резко падает. Это и подтверждает факт слабой напряженности артикулирующих органов при их произношении и наши выводы о том, неясные гласные в калмыцком языке представляют собой особые гласные фонемы, противопоставленные всем кратким гласным фонемам. Неясных гласных фонем в калмыцком языке три, соответственно трем сингармоническим рядам гласных – это твердорядная неясная гласная фонема [ʌ] мягкорядная неясная гласная фонема [ə̀] и нейтральнорядная неясная гласная фонема [ì].

Возникновение неясных гласных обусловлено редукцией кратких гласных фонем в позиции непервого слога слова. Фонологическое качество противопоставления кратким гласным фонемам они обрели в калмыцком языке в связи с редукцией долгих гласных и переходом их в соответствующие краткие гласные фонемы во многих случаях в позиции непервого слога слова.

Глава II.
Сингармонизм

Сингармонизм относится к достаточно изученным аспектам монголистики и алтаистики. Описаны и весьма обстоятельно разновидности сингармонизма в разных алтайских, в частности, монгольских языках и общая картина сингармонизма выглядит следующим образом. Установлены две разновидности сингармонизма – палатальный и лабиальный. Палатальный сингармонизм, который делит все простые слова языка на две большие противопоставленные между собой группы, характерен всем монгольским языкам, в том числе и калмыцкому, а лабиальный – только восточным монгольским языкам, в первую очередь монгольскому, бурятскому. Механизм формирования и палатального, и лабиального сингармонизма объясняется только зависимостью от качества гласного первого слога слова. Правда, в монголоведной литературе иногда отмечаются и единичные случаи «нарушения» общей картины сингармонизма, например, монг. *тоорыгоо* «свой персик» (Acc. Refl. Poss), *өөрийгөө* «самого себя». (Acc. Refl. Poss.), где узкий гласный не является препятствием для распространения лабиального сингармонизма на последующие слоги слова. К такой же группе «нарушителей» сингармонизма можно отнести и аффикс *-жээ* – финитной формы прошедшего времени, который не подчиняется палатальной гармонии гласных. [Кузьменков Е.А., 2004, с. 72, 79].

Однако целый ряд других фактов, имеющих место в монгольских языках, заставляет по-новому взглянуть на суть и характер проявления сингармонизма. Во-первых, основные положения теории сингармонизма нуждаются в дополнительном исследовании, соответственно уточнению и пересмотру. Во-вторых, в системе сингармонизма калмыцкого языка произошли за последние несколько столетий его развития заметные изменения. И они еще не получили соответствующего освящения в научной литературе.

Согласно сложившимся в монголистике и алтаистике в целом традиционным представлениям, сингармонизм, в том числе

и палатальный сингармонизм обычно рассматривается как явление, которое обуславливается только качеством гласного первого слога слова. Соответственно чему сингармонизм характеризуется и в общелингвистической литературе как результат ассимилятивного воздействия гласного первого слога слова на качество гласных последующих слогов. «Сингармонизм или гармония гласных выражается в том, – писал, – акад. Б.Я. Владимирцов, что все гласные слова по качеству своему определяются ударенным гласным первого слога» [Владимирцов, 1929, с. 115]. Это определение сингармонизма, правда, без указания ударенности гласного первого слога, повторяется в монголоведных трудах и последующего периода: «Зависимость вокализма (гласного состава) непервых слогов от вокализма первого слога слова называется гармонией или сингармонизмом гласных» [Поппе, 1937, с. 38], «Сущность сингармонизма гласных в самом общем виде можно кратко сформулировать, – писал Г.Д.Санжеев, – следующим образом: вокализм первого слога определяет вокализм непервых слогов» [Санжеев Г.Д., 1964, с. 29]. Аналогична характеристика сингармонизма в бурятском языкознании [Бураев И.Д., 1960, с. 165].

При этом обычно не придают сколько-нибудь серьезное значение другим явлениям в структуре слова, в частности, согласным, входящим в состав слова, считая их, лишенными какой-либо существенной роли в формировании сингармонической рядности слова, поскольку они, по существующему представлению, всецело подчинены качеству гласного первого слога слова. Исключением является вывод Б.Я.Владимирцова о частичном участии некоторых групп согласных в древнем монгольском языке. Обычно согласным отводится второстепенная сопутствующая гласным роль в формировании сингармонической рядности слова роль, поэтому они не упоминаются при рассмотрении сингармонизма.

Видимо, не случайно в различных пособиях и научных трудах по общему языкознанию, алтаистике и монголоведению сингармонизм характеризуется обычно как: гармония гласных, поэтому часто употребляются термины «гармония гласных»,

«палатальная гармония гласных», «лабиальная гармония гласных» или «губная гармония гласных», «небная гармония гласных», которые фактически являются синонимами понятия «сингармонизм гласных». Поэтому кажется, совершенно очевидным механизм формирования сингармонизма, который представляется обычно как дистактная ассимиляция или аккомодация аффиксальных гласных корневым. Этот визуально обозримый аспект проявления сингармонизма, кажется, не требует доказательств, ибо он вытекает из факта, когда гласным первого слога калмыцкого слова является твердорядный краткий или долгий гласный типа [a, a:, ɔ, ɔ:,. u, u:], то все слово будет твердорядным, когда же гласным первого слога слова является краткий или долгий гласный типа [æ, æ:, ɛ, ɛ:, œ, œ:, y, y:], а также гласный нейтрального ряда типа [ı, ı:], то слово будет формироваться как мягкорядное.

Таким образом, согласно существующему в монголистике положению, гласный первого слога, формирующий сингармоническую структуру звуковой оболочки всего слова, оказывает ассимилирующее влияние почти на все гласные, выступающие в аффиксальных морфемах при словоизменении и словообразовании. Поэтому в отношении сингармонизма гласный первого слога слова может рассматриваться как вокально-центральный элемент.

Аналогичным является в монголистике положение и в отношении лабиальной гармонии гласных или лабиального сингармонизма, согласно которому определяющая роль в механизме формирования лабиального сингармонизма принадлежит огубленным гласным среднего подъема первого слога слова. Так, если первый слог слова содержит огубленный гласный среднего подъема типа [ɔ, ɔ:, œ, œ:], или центральнорядный гласный типа [ö ö:], то гласные последующих слогов этого слова могут содержать такого же качества гласные, например, монг. *хөдөө* «сельская местность, провинция», *хөдөлмөр* «труд», *хошоод* «по два», *тооцоо* «расчет, счет», *овоо* «куча, груда, насыпь», *овооллого* «пирамида», *жолоо догч* «вождь», *мөрөөдөх* «тосковать, мечтать» и др.

При этом сингармонизм слова характеризуется, обычно как явление исключительно фонетического свойства. Но вне поля зрения исследователей остается ряд важных для определения сущности и характера функционирования сингармонизма аспекты. К ним, в частности, относятся:

- Характер и степень влияния гласного первого слога слова не только на качество гласных непервых слогов, но и на согласные фонемы слова.
- Зависимость гласного первого слога слова в некоторых случаях от качества гласных непервых слогов слова.
- Изменение качества гласного первого слога слова при монофтонгизации дифтонгов в определенных позициях слова.
- Релевантность и иррелевантность палатальной и лабиальной разновидностей сингармонизма.
- Роль и степень участия согласных фонем в формировании сингармонической рядности слова и др.

В лингвистической науке обычно различают два типа сингармонизма. Наиболее известным из них является сингармонизм, который чаще всего называют «палатальной гармонией гласных», «небной гармонией гласных», «небным сингармонизмом», который свойственен и калмыцкому языку.

Распространенным в ряде монгольских языков, например, в монгольском и бурятском языках, является лабиальный сингармонизм, который еще называется «лабиальной гармонией гласных» или «губной гармонией гласных».

Рассмотрим все разновидности сингармонизма в калмыцком языке, характер их функционирования, закономерности изменений и их значение в языке.

1. Палатальный сингармонизм

1). Роль гласных в системе палатального сингармонизма

В общем языкознании палатальный сингармонизм обычно характеризуется как гармония гласных в рамках одного слова по качеству гласного первого слога. «В наиболее общем виде гармония гласных может быть определена, – писал М.А.Черкасский, – как регламентация последовательности гласных в слове посредством ограниченного числа сингармонических моделей. Выбор той или иной изменяющейся в данном языке моделей обусловлен качеством огласовки начального слога слова» [Черкасский, 1965, с. 10].

Б.Я.Владимирцов также отмечал, что гармония гласных унаследована от общетюркской эпохи. Представление об определяющей роли качества гласного первого слога в формировании сингармонизма закрепилось в монголистике и широко используется в той или иной форме в научных трудах и учебниках. «Зависимомсть вокализма (гласного состава) непервых слогов от вокализма первого слога называется *гармонией* или *сингармонизмом гласных*» [Поппе, 1937, с. 38]. «Гармония гласных есть закон регулирования состава гласных слова» [Санжеев, 1953, с. 83]. В отношении сингармонизма в бурятском языке И.Д.Бураев писал: «В обобщенном виде сингармонизм бурятского языка представляется как регулировка в употреблении гласных звуков в одном слове по двум основным группам, где гласные одной группы, как правило, не могут употребляться в одном слове с гласными другой группы» [Бураев, 1959, с.165]. Таким образом, в монголистике сингармонизм характеризуется как явление, формирование которого зависит от качества гласного первого слога. Правда, Б.Я.Владимирцов обращал внимание и на то, что гласный первого слога в монгольских языках является ударенным (Владимирцов, 1929, 115). Таким образом, в монголистике утвердилось общепринятое положение о ведущей роли гласного первого слога слова в формировании палатального сингармонизма.

Однако появилась и другая точка зрения, которая на первый взгляд как будто бы не отрицает положение о значении гласного первого слога в сингармонизме, но на деле вступает в проворечие с ним. Эта точка зрения возникла в связи с интерпретацией процесса перелома гласного *i* и сингармонической трансформацией слов твердого ряда в калмыцком языке.

«Особенно любопытным является то, – писал Г.Д.Санжеев, – что в ойратских диалектах многие слова заднего ряда, некогда имевшие в своем составе гласный *i*, перешли в передний ряд под палатализующим влиянием этого же гласного, после чего последний сам подвергся ассимиляции, например: *морiн > мöрiн > мöрöн ~ мöрн «лошадь»; бiрагу > бiрӣ > буру: «теленок по второму году»*. [Санжеев, 1953, с.34]. Совершенно очевидно, что здесь причина сингармонической трансформации слова сведена к влиянию гласного i. При этом обращает внимание и то, что этот гласный находился в позиции непервого слога.

В калмыцком языке сингармоническая трансформация слов из твердого ряда в мягкий ряд произошла, как традиционно принято считать, благодаря палатализующему влиянию гласного *i*. И это положение стало восприниматься в монголистике как аксиома. Однако это утверждение содержит в себе и ряд противоречий, исключающий возможность воздействия гласного *i* на сингармонизм.

Во-первых, такая трактовка вступает в противоречие с другим утверждением того же автора, что сингармонизм зависит только от качества гласного первого слога, которое является общепринятым положением не только в монголистике, но и в алтаистике.

Во-вторых, приведенная цитата свидетельствует о том, что при рассмотрении теории перелома гласного *i* нарушены исходные условия процесса перелома, легшие в основу теории, согласно которым речь могла идти только о гласном *i* в позиции первого слога слова. Это подтверждается разработанной применительно к монгольским языкам теорией Г.И. Рамстедта. «Когда гласным первого слога был *i*, а гласным последующего слога какой-нибудь другой гласный, – писал он, – то этот последний

проник в первый слог или «антиципировался», т.е. надставная труба приняла положение, необходимое для произнесения его уже до образования находящегося между ними согласного. Этот последний получил ударение, как более широкий и более звонкий». [Рамстедт, 1908, с. 51]. Поэтому совершенно справедливо об этом писал монгольский ученый акад. Д.Төмөртогоо следующее: «Игнорируя, что в лингвистике переломом называется только эволюция гласного в первом слоге, проф. Г.Д.Санжеев останавливался в основном на примерах эволюции гласных во втором слоге» [Төмөртогоо, 1992, с. 30].

В-третьих, гласный i совершенно необоснованно был наделен чрезвычайно широкими функциями, как-то: влиять на сингармоническую рядность слова, палатализовать предшествующий согласный, оказывать воздействие на качество гласных соседних слогов. Это свидетельство того, что ведущую роль в сингармонической трансформации слова из твердого ряда в мягкий приписывали гласному *i*, точнее, перелому гласного *i*, даже в тех случаях, когда этот гласный находился в позиции непервого слога слова, где никакого перелома гласного не могло быть.

В-четвертых, гласный *i*, как и другие гласные полного образования, в том числе и долгий гласный *i:*, участвует в формировании сингармонизма слов мягкого ряда, когда находится в позиции первого слога слова. Во всех других позициях этот гласный индифферентен к сингармонической рядности слова, поэтому гласные типа *i* в монголистике называются нейтральными к сингармонизму. Из этого вытекает, что положение о трансформирующей сингармонизм слова роли гласного *i* находится в прямом противоречии с общеизвестным в монголистике положением, согласно которому гласный *i*, как и долгий гласный этого типа, является нейтральным в отношении палатального сингармонизма. Этот гласный никак не мог влиять на сингармоническую рядность слова, если он находился в позиции непервого слога слова, как в случае со словом *морін*.

В-пятых, вызывает сомнение и положение, согласно которому гласному *i* приписывается способность палатализовать

предшествующий согласный. Надо сказать, что теоретически, безотносительно к калмыцкому языку, это, конечно, допустимо, если учесть, что аналогичные явления известны в истории развития многих языков, например, палатализованные согласные русского языка во многом являются, как известно, результатом регрессивного палатализующего влияния гласных переднерядной артикуляции [Иванов, 1990, с. 191-195]. Однако механический перенос сходных или одинаковых явлений одного языка на другой не приемлем без учета систем и структур каждого из них. В данном случае необходимо учитывать, что калмыцкое слово реализуется в двух вариантах сингармонического уклада артикуляции – твердорядном и мягкорядном, каждый из которых имеет соответствующий акустический эффект звучания, свойственный той или другой сингармонической рядности. Эта специфика произношения калмыцкого слова определяет в ряде случаев степень и характер возможного взаимовлияния звуков в составе слова.

Поэтому утвердившийся в монголистике положение о палатализующем влиянии гласного *i* на предшествующий согласный, которое было построено, по-видимому, по аналогии с внешне сходными явлениями других языков, не находит подтверждения при исследовании взаимодействия гласного *i* с соседними согласными и его функциональной роли в рамках структуры калмыцкого слова. Если бы гласный *i* в калмыцком слове мог палатализовать предшествующий согласный, аналогично такому же по качеству гласному *i* в русском языке, то наиболее удобным условием для такого взаимодействия было бы его функционирование в мяґкорядном слове. Поскольку этот гласный артикулируется, как и такой же гласный русского языка, при высоком подъеме языка к твердому небу, особенно долгая гласная фонема [*i:*] в мягкорядном слове. То же самое можно было бы сказать и в отношении огубленных гласных [*ү, ү:*], которые по положению языка при их артикуляции ничем не отличаются от артикуляции гласных [*i, i:*]. Однако в том и другом случаях предшествующие им согласные не палатализуются, что, по-видимому, объясняется особенностью системы сингар-

монической структуры калмыцкого слова. Поэтому утверждение о том, что мягкие согласные фонемы в калмыцком языке являются будто бы результатом палатализующей роли гласного *i*, надо признать мнимым.

Проведенные исследования качества и функциональной роли гласного *i* в структуре слова позволили заключить, что гласному *i* в монгольских языках не свойственны роль палатализации предшествующей согласной фонемы и способность сингармонической трансформации слова из твердого ряда в мягкий [Биткеев, 1968, с. 123 -129].

Характерная особенность палатального сингармонизма состоит в том, что слова в калмыцком языке, а это весь словарный состав, делятся на две группы, в одной из которых употребляются только гласные твердого ряда и гласные нейтрального ряда, а в другой группе – гласные мягкого ряда и гласные нейтрального ряда. Поэтому гласные твердого ряда и гласные мягкого ряда не совместимы в одном слове.

Специфика механизма формирования палатального сингармонизма состоит в том, что при произношении, например, мягкорядного слова корпус языка слегка продвигается вверх, к твердому небу и вперед. И такой артикуляционный настрой свойственен всем фонемам (гласным и согласным), входящим в состав мягкорядного слова. Поэтому при произношении мягкорядных слов увеличивается резонансная полость в задней части ртового резонатора. Артикуляционные уклады органов речи при произношении слов мягкого и твердого рядов сильно отличаются, поскольку при формировании слов твердого ряда корпус языка занимает отодвинутое назад положение в ротовой полости, и языку не свойственно движение вверх и вперед, как при образовании слов мягкого ряда. При произношении твердорядных слов увеличивается резонансная полость в передней части ртового резонатора. Естественно, эти артикуляционные различия твердорядных и мягкорядных слов находят непосредственное отражение в акустическом звучании слов двух сингармонических рядов.

Согласные фонемы также участвуют в формировании сингармонизма, как правило, пассивно. Так, при образовании твердорядных слов согласные фонемы не подвергаются легкой палатализации как при произношении слов мягкого ряда, средняя часть спинки языка имеет горизонтальное положение без каких-либо сдвигов в сторону твердого неба. Считается, что конфигурация корпуса языка при этом зависит в основном от качества гласного первого слога слова и качества следующего за ним гласного. Согласные же находятся в механизме формирования сингармонической рядности слова обычно в подчиненном положении по отношению к гласным.

Артикуляционная зависимость согласного от характера образования следующего за ним гласного наглядно обнаруживается при анализе произношения односложных слов, представляющих собой открытые слоги, например, слова типа ta (та) «вы», tɔ (то) «число», tu (ту) «гони», tɛ (те) «разгребай», tœ (тө) «пядь», tʏ (тү) «собирай». При произнесении этих слов органы артикуляций, в первую очередь язык и губы, принимают такой же уклад, который свойственен произносительным чертам следующего за согласным гласного. Так, еще до произнесения односложного слова артикулирующие органы принимают положение для произнесения всего слога, где ведущую роль играет слогообразующий вокально-центральный элемент – гласный. Поэтому при произнесении ta (та) согласный [*t*] образуется при таком положении языка и губ, как при артикуляции [*a*], следовательно, [*t*] будет твердым, неогубленным согласным. При произнесении то и ту согласный [*t*] также будет твердорядным, но уже огубленным, благодаря следующему за ним огубленному гласному. Это нетрудно заметить, если обратить внимание на органы артикуляции, например, губы при произнесении этого односложного слова вытягиваются вперед в форме трубочки одновременно с артикуляцией согласного [*t*], предшествующего огубленному гласному. Аналогичным образом обстоит дело при образовании мягкорядных словоформ, например, tɛ (те), tœ (тө), tʏ (тү), где согласные бывают слегка смягченными, т.е. они произносятся при незначительном подъеме спинки языка

к твердому небу. И этот подъем языка обусловлен качеством мягкорядного гласного и адекватно соответствует положению языка при его артикуляции. Поэтому согласные в мягкорядных словах бывают слегка смягченными, но не мягкими.

Однако самое главное в механизме образования сингармонизма – это артикуляционный уклад произнесения всей звуковой структуры слова, который автоматически формируется до начала работы органов речи. В калмыцком языке, как и в других языках, в которых имеется палатальный сингармонизм, этот уклад артикуляции слова имеет две разновидности – твердорядный и мягкорядный. Суждение о том, что сингармонизм зависит только от качества первого слога слова звучит весьма логично, если учесть, что первый слог слова, который в калмыцком языке, как и в других алтайских языках, совпадает с корневой морфемой, начинающей собою слово.Тем более, что корневая морфема является в калмыцком языке носителем основного значения слова. Поэтому, не случайно, в алтаистике существует очень удачное сравнение структурной модели морфологического состава слова с поездом, где корневая морфема соотносится с паровозом, а аффиксальные морфемы – с вагонами.

Тот факт, что все звуки, входящие в состав структуры слова, выстраиваются в артикуляционном отношении по гласному первого слога слова, создает впечатление, что сингармонизм – явление чисто фонетического характера. Не случайно, поэтому сингармонизм рассматривается в учебниках и монографических изданиях по грамматике монгольских языков, в трудах по общей лингвистике в фонетическом разделе. При этом, поскольку сингармонизм считается результатом ассимилятивного влияния гласного первого слога слова не только на гласные смежных слогов, но и на гласные всех последующих слогов слова, то его называют дистактной ассимиляцией.

Несмотря на кажущуюся очевидность, палатальный сингармонизм – это фономорфологическое явление. Его формирование обусловлено традиционно сложившимся способом образования слов с помощью закономерности, которую принято называть палатальным сингармонизмом. Поэтому палатальный

сингармонизм выступает в лексической системе языка как способ образования слов. Следовательно, признак палатальности является в калмыцком языке релевантным признаком в системе словообразования, соответственно чему палатальный сингармонизм выполняет и словоразличительную функцию. Поэтому все простые слова калмыцкого языка независимо от их структурной однотипности или отличительных особенностей, делятся на две бинарно противопоставленные группы – одну из них представляют слова твердого ряда, а другую группу – слова мягкого ряда. Нетрудно заметить, что все существующие в отношении сингармонизма характеристики построены на основе артикуляционных данных произношения слов двух сингармонических рядов.

Анализируя графические способы передачи фонем на письме и орфографические принципы монгольской письменности более раннего периода ее функционирования, Б.Я.Владимирцов доказал, что монгольским языкам и наречиям была свойственна восьмеричная система гласных. Поэтому деление гласных по их участию в словах двух сингармонических рядов проходило симметрично. Половина гласных из восьми относилась к гласным твердого ряда, а половина – к гласным мягкого ряда, т.е. гласные в фонологическом отношении были попарно противопоставлены между собой следующим образом: [*a*] – [*e*], [*o*]-[*ö*], [*u*]-[*ü*], [*ï*] – [*i*]. [Владимирцов, 1929, с. 125]. Естественно, тогда не было необходимости в употреблении терминов «твердорядный», «мягкорядный», можно было свободно пользоваться терминами «задние», «передние» гласные или синонимичными им терминами «гуттуральные» и «палатальные» гласные, которыми пользовался Б.Я.Владимирцов. Кроме того, традиционными для монголистики были термины «мужские» гласные и «женские» гласные, с помощью которых передавали сингармоническое деление гласных. Однако последние использовались уже во времена, когда были нейтральные гласные, называемые в монголистике «саармаг» эгшиг «нейтральные гласные».

Таким образом, если принять за исходную позицию восьмеричную систему гласных, которая была свойственна древнему

монгольскому языку, соответственно и калмыцкому языку, граница между гласными переднерядной и заднерядной артикуляции совпадала с границей сингармонического деления гласных. Тогда гласные заднерядной артикуляции употреблялись только в словах твердого ряда, а гласные переднерядной артикуляции – только в словах мягкого ряда; поэтому картина сингармонизма выглядела максимально просто. Теперь же, когда в монгольских языках имеются три группы гласных, участвующих в двух сингармонических рядах слов, то характер взаимоотношений сингармонической рядности слов и гласных выглядит сложнее. Тем более что гласные твердого ряда [a], [a:] в калмыцком языке являются, в отличие от гласных заднерядной артикуляции [ɔ, ɔ:, *и, и:*], в чисто артикуляционном отношении переднерядными гласными. К твердорядным относятся, кроме названных четырех огубленных гласных, и артикуляционно смешанорядные верхнего подъема гласные [*ы*] и [*ы:*], также твердорядный неясный гласный [ʎ], которые выступают только в непервых слогах слов твердого ряда после твердых согласных фонем. Поэтому в группу твердорядных гласных, которые употребляются только в словах твердого ряда, входят гласные, относящиеся по своей артикуляции к зоне заднерядных гласных всех ступеней подъема, смешаннорядные гласные верхнего подъема, а также гласные переднерядной артикуляции самого нижнего подъема. К мягкорядным относятся гласные [æ, æ:, ε, ε:, ү, ү:, ə̀], которые употребляются только в словах мягкого ряда. И, наконец, к гласным нейтрального ряда, которые употребляются в словах обоих сингармонических рядов, относятся неогубленные гласные передней артикуляции самого верхнего подъема [i, i:, ì]. При этом редуцированный неясный гласный [ì] может выступать только после мягких согласных в словах обоих сингармонических рядов. Следовательно, граница между сингармоническими рядами гласных проходит не вертикально, как при восьмеричной системе гласных, а эллипсоидно, снизу – на границе пятой и шестой ступени подъемов, назад и вверх, охватывая пограничные зоны заднерядных и верхнего подъема артикуляции смешаннорядных гласных. Зона мягкорядных и нейтральнорядных

гласных проходит, таким образом, между второй и третьей ступенью неогубленных гласных передней артикуляции.

Следовательно, палатальный сингармонизм в калмыцком языке подвергся довольно сильной модификации со времени, когда языку была свойственна восьмеричная система гласных.

2). Согласные в системе палатального сингармонизма

В лингвистической литературе иногда отмечают участие согласных в образовании сингармонизма, но как пассивное его составляющее. Однако в ряде случаев, как показывают исследования, согласные выполняют важную, а иногда и ключевую роль в формировании сингармонической рядности слова, особенно при палатальном сингармонизме. При этом выяснилось, что такими функциями могут быть наделены далеко не все согласные. Это зависит от других факторов, связанных с системой языка.

Роль мягких согласных в формировании палатального сингармонизма

В монголистике принято считать, как уже отмечалось, что мягкие согласные фонемы являются результатом палатализующего влияния гласного *i* и индифферентны в отношении сингармонизма, то есть никакого участия в формировании сингармонической рядности слова они не принимают.

Однако исследования показывают, что мягкие согласные играют определенную роль, иногда и ключевую, в отношении формирования сингармонической рядности слов в монгольских языках,

Г.Д. Санжеев пояснял это положение следующим образом: «Этого не случилось в тех словах, в которых перелом гласного i произошел тогда, когда данный гласный сохранял свой заднеязычный характер, т.е. артикулировался в виде *ï*, – отсюда слова типа *мах* < *мïка «мясо»*. [Санжеев, 1953, с, 34]. Такую же точку зрения неоднократно высказывал до него и Н.Н.Поппе. Поэтому положение, что сингармоническая трансформация слов из твердого ряда в мягкий ряд произошла в калмыцком языке благодаря

палатализующему влиянию гласного *i*, стала восприниматься в монголистике как аксиома. Однако это утверждение содержит в себе и ряд противоречий.

Во-первых, это сложившийся в монголистике положение не находит подтверждения данными монгольских языков, где так называемый перелом гласного *i* не привел к процессу трансформации слова из твердого ряда в мягкий. В калмыцком языке процессы фонетического развития по линии перелома гласного *i* происходили по тем же законам. Поэтому перелом гласного *i* не мог быть причиной трансформации слов из твердого ряда в другой.

Значительно ближе к реальности положение, которое содержится во второй части цитаты. Оно отражает результат процесса первого этапа перелома гласного *ï* и *i*, когда в результате перелома первого из этих гласных, находившегося в первом слоге, слово сохранило свою твердорядную структуру. Аналогичным был и процесс перелома гласного *i* переднерядной артикуляции в позиции первого слога мягкорядного слова.

Но эти общие условия перелома гласного i в монголистике стали игнорироваться. Теория перелома стала применяться к гласному *i*, независимо от того, в какой позиции слова он находился, то есть не только в первом слоге, как этого требовало исходное положение, но и во всех непервых слогах слова. Гласному *i* стали приписывать способность палатализовать предшествующий согласный, оказывать влияние на качество гласных соседних слогов, воздействовать на сингармоническую рядность слова – трансформировать твердорядные слова в мягкорядные и др. Однако это уже необоснованное нарушение общих условий, сферы функционирования, закономерности изменений гласного, на основе которых построена теория перелома гласного *i*.

Хотя и здесь встречаются исключения частного характера, например, в некоторых калмыцких подговорах встречаются случаи, когда при гласном *i* в первом слоге слово продолжает оставаться твердорядным.

Рассмотрим это на материалах калмыцкого языка, где некоторые слова существуют в двух формах – твердорядной и мягкорядной, обусловленных фонологическими различиями двух очень близких между собой говоров. В одном из них (в дербетском говоре) имеются мягкие (среднеязычные) согласные [ȟ, ђ, ɲ, λ], которые на письме передаются, как известно, сочетаниями ть, дь, нь, ль, а также сочетаниями с йотированными гласными и путем сочетания согласный + гласная буква и. Принципиально важно отметить, что сохранение этих мягких (среднеязычных) согласных в составе фонологической структуры слова обеспечивает сохранение твердорядной артикуляции всего слова.

В другом говоре (торгутском) эти мягкие согласные отсутствуют, поэтому происходит «перекодирование» твердорядного слова в мягкорядное. Ср. примеры: в дерб. taɲχλ̀ *«узнать»* орф. таньх, sɔλu *«иной, другой»* орф. солю, maȟχʌ̀r *«крывой»* орф. матьхр, bɔђmʌ̀r *«святость»* орф. бодьмр; параллели в торгутском говоре являются словами мягкого ряда: tænxə̀, sɵlʏ, mætxə̀r, bœdmə̀r. Сохранение твердорядности слов обусловлены наличием мягких (среднеязычных) согласных фонем в дербетском говоре, а их отсутствие в торгутском говоре способствовало сингармонической трансформации слов из твердого ряда в мягкий.

Этот вывод подтверждается и сравнительным анализом лексических параллелей современного монгольского и калмыцкого языков. В первом из них мягких (палатализованных) согласных неизмеримо больше, чем в калмыцком языке. Фонологические признаки твердости и мягкости проходят через всю подсистему согласных фонем монгольского языка, тогда как в калмыцком языке всего семь мягких согласных фонем, куда входят и приведенные выше четыре согласных. Поэтому многие слова мягкого ряда калмыцкого языка соответствуют словам твердого ряда в монгольском языке благодаря тому, что во многих монгольских словах сохранились мягкие (палатализованные) согласные, благодаря чему слова эти сохранили свой твердорядный характер артикуляции.

письм.монг.	калм.	совр.монг.	значение
morin	mœrə̀n	mor'	«конь»
χorin	χœrə̀n	χor'	«двадцать»
tamki	tæmkə̀	tamx'ì	«табак»
biraγu	bγrγ	b'aru:	теленок»
χari	χær	χar'	«чужой»
miŋγan	miŋg̥ə̀n	m'aŋg̥	«тысяча»
bidaγu	bidγ	b'adu:	«тупой»
χubi	χγvə̀	xuv'ì	«доля»
tabiχu	tævχə̀	tav'ix	«поставить»

Эти примеры наглядно демонстрируют роль мягких согласных в сохранении твердорядности слов. Так, в монгольском языке мягкие согласные сохранились в приведенных в таблице словах, поэтому слова эти сохранили свой твердорядный облик, а калмыцкие их параллели, в которых мягкие согласные не сохранились, перешли в мягкий ряд. Это является наглядным подтверждением того, что мягкие согласные играют существенную роль в формировании сингармонической рядности слова в монгольских языках.

Это же подтверждается и анализом заимствований из русского языка. Слова, содержащие палатализованные согласные, в калмыцком языке могут иметь два варианта произношения: твердорядный, если в языке имеются соответствующие мягкие согласные, мягкорядный, если в языке отсутствуют соответствующие мягкие согласные, например, слово баня может иметь следующие формы ba:ɲì ~ bæ:nə̀, а слово соль – формы sɔʎ ~sœl.

Таким образом, роль мягких согласных в формировании сингармонической рядности слов подтверждается и характером адаптации слов, заимствованных из русского языка.

Сингармоническая устойчивость слов твердого ряда в зависимости от наличия в них мягких согласных фонем наглядно подтверждается и данными, выпадающими из системы сингармонической трансформации слов из твердого ряда в мягкий. Как известно, твердорядные дифтонги в калмыцком языке имели при их монофтонгизации разные рефлексы в зависимости от того, в каком слоге они находились. Если дифтонг на – *i* находился в первом слоге твердорядного слова, то он обычно модифицировался в долгий гласный мягкого ряда: ai > æ:, oi > œ:, например, bayiχu > bæ:χʌ̀ «быть, находиться» (орфогр. бәәх), oyirad > œ:rə̀d «ойрат» (өөрд). Однако имеются случаи, когда содержащийся в первом слоге твердорядного слова дифтонг при его монофтонгизации не перешел, как можно увидеть несколько ниже, в гласный мягкого ряда, сохранил твердорядный характер, что повлияло, естественно, и на сохранение твердорядности слова.

Значимость мягких согласных в формировании сингармонической рядности слова надо искать, естественно, в артикуляционной особенности мягких согласных и в акустических отличиях звуковой оболочки слов двух сингармонических рядов. Легкая палатализованность артикуляции всего мягкорядного слова, следовательно, всех фонем, входящих в состав мягкорядного слова, обусловлена незначительным дополнительным подъемом средней части спинки языка к твердому небу, усиливает частотные характеристики слова. В этой связи мягкие согласные фонемы неизбежно связаны с условиями формирования сингармонической рядности слова, поскольку «среднеязычная артикуляция сокращает объем полости рта; это обуславливает усиление высоких составляющих в спектре («мягкость») всех среднеязычных согласных» [Зиндер, 1979, с. 161]. При сохранении твердорядности слова, благодаря наличию в нем мягкого согласного, а также при переходе слова из твердого ряда в мягкий происходит балансирование уровня частотных составляющих в спектре всего слова.

Поэтому эти и многие другие слова, параллельно употребляющиеся в калмыцком и монгольском языках, наглядно сви-

детельствуют о том, что наличие или отсутствие в структуре слова мягких согласных имеет принципиальное значение в сохранении твердорядности слова и его трансформации в мягкорядное слово.

3). Палатальный сингармонизм и увулярные, заднеязычные согласные

Дифференцирующую роль некоторых групп согласных при формировании сингармонической рядности древнего монгольского слова отметил еще акад. Б.Я. Владимирцов. «В то время как гармония гласных в монгольском языке захватывает всю систему вокализма, распределяя гласные и слова на два ряда, – писал он, – гармония согласных относится к небольшому количеству фонем: к заднему – гуттуральному ряду принадлежали q > χ, g, γ, а переднему – палатальному соответствующие к, g [Влламирцов, 1929, с.125]. Нетрудно заметить, что здесь деление этих согласных на две группы по их употребительности в одном слове проведено на основе представлений о их пассивной роли в формировании сингармонической рядности слова, т.е. отмечена второстепенная роль, по которой согласные фонемы лишь приспосабливаются к заданному гласными сингармонизму. Одна группа согласных, судя по описанию и транскрипции, это увулярные согласные, употреблялась только в словах твердого ряда, а другая – заднеязычные согласные употреблялись в основном в словах мягкого ряда. Закономерность эта заметна и в современных монгольских языках, например, в современном монгольском языке, увулярные согласные употребляются довольно последовательно в словах твердого ряда. Это увулярные согласные [χ, ɢ], которые употребляются только в словах твердого ряда, и заднеязычный согласный [х], который употребляется в словах мягкого ряда. Надо отметить, что закономерность употребления увулярных согласных только в словах твердого ряда была свойственна и калмыцкому языку XVII в., о чем свидетельствуют не только система «Ясного письма» и его памят-

ники, но и сравнительный анализ данных калмыцкого и других монгольских языков. Однако сингармонизм в калмыцком языке подвергся за последние столетия его развития значительным изменениям, что сказалось, в частности, и на закономерности употребления и увулярных и заднеязычных согласных в словах двух сингармонических рядов.

Прежде увулярные согласные фонемы [χ, ǫ] употреблялись только в словах твердого ряда, но в современном калмыцком языке они нередко встречаются и в словах мягкого ряда. Что же касается сильной увулярной фонемы [χ], то она в равной мере широко употребляется как в твердорядных, так и в мягкорядных словах: хөн «овца» (χөn), хүрм «свадьба, пир» (χүrə̀m), көөх «гнать» (kө:χə̀), хөмх «стянуть, собрать (в одну кучу)» (χөmχə̀), наряду с его употреблением в словах твердого ряда, например, ах (aχʌ̀) «старший (брат)», хан (χan). Причем этот увулярный согласный употребляется и в тех мягкорядных словах, которые ранее не были твердорядными. Во всех приведенных выше и других словах употребляется увулярный сильный согласный, который в мягкорядных словах имеет продвинутую вперед артикуляцию, а в твердорядных словах, наоборот, – отодвинутую назад и вверх артикуляцию, что не влияет на их принадлежность одной фонеме. Это разные аллофоны одной увулярной согласной фонемы.

Слабая смычная увулярная согласная фонема [ǫ], которая прежде выступала только в твердорядных словах, теперь встречается и в мягкорядных словах, перешедших из твердого ряда в мягкий в связи с их сингармонической трансформацией, например, ст.п. ǫariǫ «глупый, дурак» // (орфогр. һәрг), ǫai «несчастье» // (hə), ǫayiχaχu «восторгаться, удивляться» // (орфогр. həəxx), ǫæ «гадкий» //(орфогр. hə). Эта слабая смычная увулярная согласная фонема употребляется все же преимущественно в словах, которые остались твердорядными. Сверхслабой щелевой фонемы [ɑ] в ойратском языке не было, она восходит к смычной увулярной фонеме [ǫ], употреблялась в твердорядных словах. Теперь эта новая фонема [ɑ] употребляется, естественно, в твердорядных словах, а также довольно часто и в мягкорядных словах, но в основном в аффиксальных морфемах.

В современном монгольском языке эти увулярные согласные употребляются, как и прежде, в словах твердого ряда, что в значительной степени обусловлено отсутствием сингармонической трансформации слов из твердого ряда в мягкий.

4). Сингармоническая трансформация слов в калмыцком языке

Наряду с тем, что калмыцкий сингармонизм сохранил свои древнейшие черты, в нем произошли и существенные изменения, в частности, это сингармоническая трансформация слов, как правило, из твердого ряда в мягкий ряд, что получило отражение в том, что многие слова, которые прежде были твердорядными, подверглись сингармонической трансформации, стали мягкорядными.

Поэтому в калмыцком языке встречается немало слов мягкого ряда, которые в прошлом были твердорядными. Это результат перехода слов твердого ряда в мягкий. Причины практически не установлены, поскольку в монголистике стало традицией видеть в гласном *i* основной мотив сингармонической трансформации слова.

Результаты исследования показывают, что лингвистическими причинами их послужили изменения, которые произошли, в частности, в фонологической структуре слова. К ним относятся такие изменения гласных, как монофтонгизация дифтонгов в словах твердого ряда, перелом гласного *ï*, а именно тот его вариант, который характеризуется в монголистике как «слияние гласного *ï* с *i*» на первом этапе перелома, а также наличие или отсутствие мягких согласных в фонологической системе языка и соответственно и в фонологической структуре слова.

а). Роль мягких согласных в сингармонической трансформации слов из твердого ряда в мягкий

Зависимость палатального сингармонизма от наличия или отсутсвия мягких согласных в фонологической структуре слова обоснована выше путем сравнительного анализа данных говоров калмыцкого языка, характера адаптации лексических

единиц из других языков, сравнительного изучения лексических параллелей калмыцкого и монгольского языков с учетом артикуляционно-акустических характеристик, соотнесенных с тембровыми уровнями слов двух сингармонических рядов.

Утверждение о том, что слова заднего ряда «перешли в передний ряд под палатализующим влиянием гласного *i* » находится в прямом противоречии с известным в монголистике положением, согласно которому гласный *i* является в отношении сингармонической рядности слова нейтральным. Поэтому нелогично связывать сингармоническую трансформацию слов из твердого ряда в мягкий ряд с переломом гласного *i*. Следовательно, причины трансформации слов из твердого ряда в мягкий происходил в калмыцком языке по другому сценарию.

Таким образом, в течение последних четырех столетий произошли заметные сдвиги в лексической системе калмыцкого языка благодаря сингармонической трансформации слов из твердого ряда в мягкий. Одной из причин сингармонической трансформации слов из твердого ряда в мягкий или сохранение твердорядной гармонии были, как показывают исследования, наличие или отсутствие мягких согласных в звуковой структуре слова.

б). Монофтонгизация дифтонгов и ее влияние на сингармоническую структуру слова

К числу изменений, которые произошли в калмыцком языке за время после XVII в., относится монофтонгизация дифтонгов. Она повлекла за собой соответственно и изменения в фонологической подсистеме гласных, где они делились по признакам монофтонгоидности и дифтонгоидности, вызвала в ряде случаев сингармоническую трансформацию слов из твердого ряда в мягкий, которая весьма значительно повлияла на модификацию звукового облика многих слов, а также корневых и аффиксальных морфем.

Сам факт этого явления не нуждается в специальном подтверждении. На твердорядный характер артикуляции этих слов в прошлом указывают формы их написания в монголоязычных письменных текстах, в том числе и на «Ясном письме». Кроме

того, калмыцкие слова, которые подверглись сингармонической трансформации, имеют параллели в твердорядных вариантах в монгольском, бурятском и других монгольских языках. Следы твердорядности многих калмыцких слов в прошлом нетрудно заметить и по сохранившимся в составе многих слов увулярным согласным, которые в древнем калмыцком языке употреблялись только в словах твердого ряда.

Данные по сингармонической трансформации слов из твердого ряда в мягкий в результате монофтонгизации дифтонгов можно проиллюстрировать на конкретных примерах. Так, слова типа ээмг «аймак», бээнэ «есть, имеется», тээлх «разгадать, развязать, снимать» мээлх «блеять», зээлх «освободить, взбалтывать», хөөн «после», өөрхн «близко, близкий» были в недалеком прошлом твердорядными, о чем свидетельствуют орфографические данные общемонгольской письменности и «Ясного письма», а также параллельное функционирование их в твердорядных формах в других монгольских языках.

Вместе с тем, положение о сингармонической трансформации слов из твердого ряда в мягкий по причине монофтонгизации дифтонгов в калмыцком языке нуждается в существенном уточнении, поскольку характер монофтонгизации, следовательно, и ее результаты были разными в зависимости от того, в каком слоге слова, а иногда и в каком фонетическом окружении, находился дифтонг. Если дифтонг находился в позиции непервого слога слова, то он был, как правило, нисходящим, поэтому первый элемент был более устойчивым и при монофтонгизации дифтонга сохранился именно первый элемент. В твердорядном слове это были гласные типа [a, u]. Следовательно, при монофтонгизации твердорядных дифтонгов, находившихся в позиции непервого слога, слово сохраняло свой твердорядный характер, например, мана «наш», һаха «свинья», дуһу «полукруг», дала «океан, много». Конечными гласными в них были дифтонги [ai, ui].

Совсем иная ситуация сложилась, когда дифтонг находился в позиции первого слога слова. В этом положении дифтонг был восходящим, поэтому при его монофтонгизации второй элемент оказал сильное влияние на качество первого элемента

и образовавшийся монофтонг представлял собой уже мягкорядный гласный. Однако имеются случаи, когда монофтонгизация дифтонга первого слога слова не дала сингармоническую трансформацию слова, из-за того, что в них дифтонг не перешел в гласный мягкого ряда, как обычно в такой позиции слова, сохранил твердорядный характер. Так, например, слова типа *боожҫх* «расти, вырасти, окрепнуть (о грудных детях)», *хаальх* «таять, растаять», *буульх* «реветь, кричать (о верблюде)», *уульх* «плакать, реветь», *һуульһ* «попрошайничество», *һуух* «просить, выпрашивать» имели в транслитерации старописьменные формы: ƀoyijiχu, χayilaχu, buyilaχu, uyilaχu, , ǫuyilaǫa.

В аналогичных условиях дифтонги в первом слоге слова обычно переходят в мягкорядный долгий гласный. Сохранение в этих примерах твердорядного качества дифтонгов при их переходе в монофтонги было связано с тем, что во всех случаях, кроме һуух, после дифтонга содержится мягкий согласный. Наличие мягкого согласного способствовало сохранению твердорядности слова. Что же касается һуух, то, возможно, сказалось влияние и изначально твердорядного увулярного согласного, который находился перед дифтонгом.

с). Вариант перелома гласного ï (ï > i)и его влияние на сингармоническую рядность слова

Сингармоническая трансформация слов из твердого ряда в мягкий произошла и в результате перелома гласного ï. Однако это относится только к одному из вариантов первого этапа перелома.

В монголистике установлено, что в древнем монгольском языке были два гласных типа ı. Это гласные ï и i. Первый из них был, как доказал Г.И.Рамстедт, а затем более обстоятельно обосновал Б.Я. Владимирцов, – гласным заднерядной артикуляции, который был противопоставлен гласному i переднерядной артикуляции. Поскольку здесь рассматриваются вопросы, связанные с сингармонической трансформацией твердорядных слов в мягкорядные, анализируются только твердорядные слова, содержащие в первом слоге гласный *ï* заднерядной артикуляции. Установлено также, что монгольские языки претерпели два типа

перелома гласного ï (обычно говорят о двух этапах перелома). Один из них состоял в том, что гласный ï подвергся ассимиляции со стороны твердорядного гласного типа [a, u] второго слога. В результате гласный второго слога оказался в первом слоге слова и заменил гласный ï. Этот тип перелома гласного ï был характерен практически всем монгольским языкам, в том числе и калмыцкому языку (См. в таблице примеры в пунктах 1, 2, 3, 5, 9, 10, 11,12).

Однако в калмыцком языке имел место и другой тип перелома гласного ï, который характеризуется в монголистике как слияние его с гласным *i* переднерядной артикуляции. «Что касается монг.-письм., – писал акад. Б.Я. Владимирцов, – то он знал ï, т.е. более заднее «*i*», близкое, например, тюркскому «ы», а также i». [Владимирцов, 1929, с 170]. Свои выводы он сделал на основе скрупулезного анализа графики старой монгольской письменности, данных живых монгольских языков, соответствий ï ~ ы в тюркских лексических параллелях. Причиной слияния заднерядного гласного ï с переднерядным гласным *i* в монгольских языках Б.Я. Владимирцов считал их артикуляционную близость. «В монгольском письменном языке, – писал Б.Я. Владимирцов, еще в очень раннее время произошло сближение этих двух фонем, выразившийся в том, что ï перестал отличаться от *i*. На месте этих гласных оказался только один: стройная система деления на два ряда была нарушена. Залог ее разрушения лежал в ней самой. По этой системе два гласных чрезвычайно близких друг к другу, ï и *i*, относились к двум различным рядам» [Владимирцов, 1929, с. 119-120].

Г.Д.Санжеев выдвинул другую причину слияния гласного ï с i. Он считал, что эти гласные слились «на одном из этапов борьбы между сингармонизмом и агглютинацией» [Санжеев, 1953, 118). Доводы эти не убедительны. Из теории фонологии известно, что артикуляционная близость звуков сама по себе не может служить причиной слияния в одну фонему. В разных языках встречаются случаи, когда близкие в артикуляционном отношении звуки относятся к разным фонемам, а весьма отдаленные по своим артикуляционным данным звуки могут при-

надлежать одной фонеме по определенным дифференциальным признакам. Совершенно неубедительным является и довод, что причиной слияния этих гласных была «борьба между сингармонизмом и агглютинацией». Такой борьбы просто не было, поскольку сингармонизм находится в подчиненном отношении к агглютинативности, о чем могут свидетельствовать, в частности, многочисленные обусловленные сингармонизмом варианты аффиксов, в калмыцком языке обычно два варианта, а в монгольском языке – минимум четыре варианта, два из них – в результате функционирования палатального сингармонизма, а два других – лабиального сингармонизма.

Отсутствие убедительной аргументации причины слияния этих гласных не может отрицать факта перехода гласного ï в переднерядный *i*, о чем свидетельствуют приведенные в таблице примеры (см. номера 4, 6, 7, 8, 13, 14, 15), которые в калмыцком языке благодаря ï > i подверглись сингармонической трансформации и стали словами мягкого ряда. В монгольском и бурятском языках слова эти сохранили свою твердорядность, что обусловлено регрессивной ассимиляцией гласного ï первого слога твердорядным гласным следующего слога, которыми были в этих случаях, как правило, гласные [a, u].

Монг.письм.	калм.	монг.	значение
1. miχan	miŋɢə̀n	m'aŋɢʌ	«тысяча»
2. ǰiruγa	ɧz'ɔra	d'z'ɔrɔ:	«иноходец»
3. ǰiluγa	ɧz'ɔla	d'z'ɔlɔ:	«поводья»
4. ǰiran	ɧz'irə̀n	d'z'ar	«шестьдесят»
5. kidaχu	utχʌ̀	χutʌ̀ɑ	«нож»
6. kitad	kitə̀d	x'atʌ̀d	«китаец»
7. nilχa	nilχə	n'alx	«грудной»
8. ǰida	ɧz'idə̀	d'z'ad	«пика»

9. čilaγun	ħs'ɔlun	t's'ulu:	«камень»
10. niruγun	nurɑ̄ʌn	nuru:	«спина»
11. ǰirγuγan	zurɑ̄an	dzurɑ̄a:	«шесть»
12. kimusun	χumsʌn	χumʌs	«ноготь»
13. kimde	kimdə̀	x'amd	«дешевый»
14. kiraγu	kirγ	x'aru:	«иней»
15. kilγasun	kilə̀ɑ̄sə̀n	x'alɑ̄ʌs	«конский волос»

В данном случае имеется в виду именно тот вариант перелома гласного ї, который перешел в *i* переднерядной артикуляции, называемый в монголистике слиянием *ї* с *i*. Естественно, поэтому, когда гласный первого слога слова твердого ряда в результате перелома стал гласным нейтрального ряда [*i*], то слово трансформировалось из твердорядного в мягкорядный, поскольку гласные нейтрального ряда, будучи в позиции первого слога слова, определяют его как мянкорядное слово.

Таким образом, в древнем калмыцком языке перелом гласного *ї* имел, как уже отмечалось, и другой вариант, а именно: перелом гласного *ї* происходил не только путем «антиципирования» этого гласного гласным следующего слога, но и переходом ї заднерядной артикуляции в *i* переднерядной артикуляции. В соответствии с закономерностью калмыцкого языка, слово в таком случае подвергалось сингармонической трансформации и обретало мягкорядную артикуляцию [Биткеев, 1968, с. 126; 1995, с. 94].

Поэтому надо иметь в виду, что процесс перелома гласных *ї* и *i* отражает ассимилятивные изменения в фонетике монгольских языков. И теория перелома гласного *ї* ~ *i* должна быть введена в нормативные рамки общих условий и характера развития процесса ассимиляций.

2. Компактностный сингармонизм

В литературе по общему языкознанию встречается, хотя очень редко, и термин «компактностный» сингармонизм, который проявляется в регуляции употребления гласных непервых слогов по признаку ступени подъема при их артикуляции. Иногда механизм формирования такого сингармонизма называют регулированием употребительности гласных по ширине раствора гласных слогов, то есть по ступени подъема языка при образовании гласных и соответственно раствору ротовой полости.

Конкретно, в калмыцком языке в позиции непервого слога слова не употребляются огубленные гласные среднего подъема [ɔ, ɔ:, œ, œ:], за исключением одного единственного случая, когда отрицательная частица уга «нет» превратилась в аффиксальную морфему – го ~ -го: с тем же значением. Однако это является нарушением закономерности употребления огубленных гласных среднего подъема и оно обусловлено другой причиной. Таким образом, гласные фонемы [ɔ, ɔ:, œ, œ:] в калмыцком языке ограничены в своем употреблении первым слогом слова.

Можно было бы предположить, что такая ограниченность в употреблении гласных обусловлена избыточностью количества гласных фонем в калмыцком языке, где их 21 гласная фонема. Для сравнения отметим, что гласных фонем в русском языке всего 6. Естественно, возникает предположение, что если в языке мало, например, гласных фонем, то они должны употребляться чаще и без особого ограничения в отношении сферы их употребления, наоборот, когда в языке избыток гласных фонем, должна возникать необходимость ограничения в позиционном их употреблении. Конечно же, при избыточности числа фонем определенные ограничения в их употребительности вполне объяснимы. Однако если обратиться к языкам, в которых число гласных фонем еще больше, чем в калмыцком языке, например, к современному монгольскому языку (двадцать пять гласных фонем), то напрашивается вывод, что ограничения употребительности огубленных гласных среднего подъема первым сло-

гом слова обусловлены другими причинами. Такой вывод подтверждается и употребительностью в непервых слогах слова широких и узких калмыцких гласных фонем, в том числе и огубленных гласных высокого подъема твердого и мягкого рядов.

Анализ конкретных данных показывает, что ограничены в употребительности позицией первого слога слова и неогубленные гласные фонемы также среднего подъема [ɛ, ɛ:]. Следовательно, дело не в огубленности гласных, а в их артикуляционной особенности, точнее, в степени подъема языка при их образовании, что обусловлено в свою очередь иными причинами.

Таким образом, в калмыцком языке краткие и долгие гласные среднего подъема – огубленные гласные [œ, œ:, ɔ, ɔ:], неогубленные краткий и долгий гласные [ɛ, ɛ:], которые относятся к четвертой, редко к третьей, ступени подъема по таблице акад. Л.В. Щербы, ограничены в употребительности только первым слогом слова. Если обратиться к историческому прошлому состояния калмыцкого языка в отношении позиционной употребительности краткой и долгой гласных [e, e:]и дифтонга [ei], то надо признать, что эти гласные широко употреблялись и в непервых слогах слов мягкого ряда. Следовательно, ограничение в употребительности гласных [e, e:] только первым слогом слова произошло значительно позже, по-видимому, в период монофтонгизации дифтонгов. Что же касается дифтонга [ei], то он в непервых слогах слова трансформировался в широкий гласный полного образования типа [æ ~ æ:].

Следовательно, качественные изменения гласных – монофтонгизация дифтонгов, редукция гласных непервых слогов слова и др. повлияли и на позиционную употребительность гласных и характер проявления сингармонизма. В этой связи заслуживают внимания фонотактические своеобразия и других гласных калмыцкого языка, которые дифференцированы по их употребительности в позиции первого и непервого слогов.

1. К числу гласных фонем, которые употребляются во всех позициях слова (в начале, середине, конце) относятся: краткие гласные фонемы [a, u, ү, i, æ]. Соответствующие им долгие глас-

ные фонемы [a:, u:, y:, i: , æ:] также употребляются в начале и середине слова, но не употребляются в абсолютном конце слова, в том числе в конце односложного слова. Они выступают преимущественно в первом слоге многосложного слова и значительно реже – в середине многосложного слова.

2. К числу гласных, которые употребляются только в позиции непервого слога слова, относятся: твердорядные в сингармоническом отношении неогубленные гласные смешаннорядной артикуляции [ы, ы:], которые выступают только в некоторых аффиксальных морфемах, а также неясные гласные фонемы [ʌ, ə̀, ì], которые, как известно, выступают только в непервых слогах слов двух сингармонических рядов.

3. Все другие гласные, кроме [ы, ы:, ʌ, ə̀, ì], употребляются в первом слоге многосложного слова. В односложных словах выступают только краткие гласные фонемы, а долгие гласные не употребляются.

4.Особую группу гласных фонем составляют по сфере своей употребительности гласные среднего подъема артикуляции [œ, œ:, ɛ, ɛ:, ɔ, ɔ:]. Их употребительность ограничена только первым слогом слова. Исключением является, как уже отмечалось, случай, когда [ɔ, ɔ:] иногда встречается в составе аффикса, который образован от отрицательной частицы уга «не, нет».

Поэтому компактностный сингармонизм современного калмыцкого языка можно представить следующим образом: в первом слоге слова употребляются все краткие и долгие гласные, кроме [ы, ы:].

В непервых слогах слова употребляются гласные двух уровней: верхнего и нижнего подъемов, не употребляются гласные среднего подъема артикуляции.

Таким образом, к произошедшим в калмыцком сингармонизме изменениям относятся фонотактические своеобразия употребительности гласных в двух позициях слова – в первом и непервых слогах, что проявляется в словах двух сингармонических рядов следующим образом:

1. В непервых слогах твердорядного слова употребляются твердорядные гласные верхнего подъма [ы, ы:, u, u:], нейтраль-

норядные гласные, которые по ступени подъема языка при их артикуляции являются верхнего подъема [i, i:, ì]. нижнего подъема [a, a:, ʌ̀].

2. В непервых слогах мягкорядного слова употребляются мягкорядные гласные верхнего подъема [ү, ү:], нейтральнорядные гласные верхнего подъема [i, i:, ì], а также мягкорядные гласные нижнего подъемов [æ, æ:, ə̀].

Таким образом, калмыцкий компактностный сингармонизм обусловлен тембральной окраской произношения непервых слогов слов двух сингармонических рядов, что выражается в употреблении в непервых слогах слов только узких и широких гласных фонем, благодаря чему употребительность гласных среднего подъема артикуляции ограничена только первым слогом слова.

3. Лабиальный сингармонизм

В научной литературе его реализацию характеризуют обычно как результат дистактной ассимиляции огубленного гласного среднего подъема первого слога слова типа [ɔ, ɔ:, ö, ö:] на качества гласных непервых слогов, например, в современном монгольском языке: *хороо* «кабинет, комната», *хороогоор* «кабинетом» (ор.п.), *хороогоороо* «своим кабинетом», дөрөө «стремя», дөрөөгөөр «стременем», дөрөөгөөрөө «своим стременем». Калмыцкому языку этот тип сингармонизма не свойственен, ср. калм. *хора, хораһар, хораһарн.*

В отличие от палатальной гармонии гласных, лабиальный сингармонизм является иррелевантным признаком в отношении словообразовательной системы языка, поскольку от того, произносятся или нет в непервых слогах слова огубленные гласные среднего подъема типа [o] или [œ], после таких же гласных первого слога слова, семантика слова не меняется. Тем не менее, лабиальный сингармонизм привлекал внимание известных ученых как фактор языка, который влияет на звуковой облик слова, но более всего как важный критерий при решении

проблем общности алтайской языков, к которым, как известно, относится и калмыцкий язык.

При этом спорным был и остается вопрос об историческом происхождении лабиального сингармонизма, а именно: относится ли этот тип сингармонизма к исконным признакам монгольских, тюркских и тунгусо-маньчжурских языков или является поздним приобретением. Если же окажется, что лабиальный сингармонизм относится к поздним явлениям, то возникает необходимость определения времени, причины его появления, ареалы его распространения. Лабиальный сингармонизм, характерный большинству монгольских языков, отсутствовал, по результатам исследователей, в том наречии или языке, легшем в основу письменности, и соответственно, на базе которого развился монгольский литературный язык. Лабиальный сингармонизм отсутствовал, как показывают исследования, в раннем калмыцком языке, нет его в сегодня. Правда, в некоторых ойратских говорах, например, в дербетском говоре Западной Монголии спорадически встречаются гласные [о, ө] и во втором слоге слова. Примеры: *коког ~ көкөг* «кукушка», *мокон* «жвачка», *оркох* «положить, *готол* «обувь», *төгрөг* «круглый», *ботгон* «верблюжонок» и др. (Цэндээ, 2001, с.337 – 397). Однако отсутствие долгих огубленных гласных среднего подъема в непервых слогах слова наводит на мысль, что в данном случае имеем дело с элементарной дистактной лабиальной ассимиляцией гласного второго слога гласным первого слога слова. И эта ассимиляция не тождественна по своей природе с явлением лабиального сингармонизма.

В связи с тем, что лабиальный сингармонизм функционирует во многих монгольских языках и в некоторых тюркских языках, возникает вопрос о времени возникновения его в алтайских языках. Одни исследователи полагали, что лабиальный сингармонизм относится к поздним временам развития алтайских языков (Б.Бётлингк), другие склонны были видеть в лабиальном сингармонизме древнее явление (акад. В.Радлов). На основе результатов исследования сингармонизма в монгольских и других алтайских языках, В.Л. Котвич писал: «Следует

признать, что мнение В.Радлова о давнем происхождении лабиальной ассимиляции очень правдоподобно и что его, во всяком случае, не следует считать опровергнутым» [Котвич, 1962, с. 102]. Далее он добавил: «Данные других алтайских языков тоже не содержат ничего противоречащего этому мнению» [Котвич, 1962, с. 102].

Неясным и поэтому весьма спорным оставался до недавнего времени вопрос о лабиальном сингармонизме в «Ясном письме». О степени адекватности лабиального сингармонизма в письменных формах слов с их устным исходным основам существовали различные суждения и разные точки зрения. Одни исследователи были склонны рассматривать лабиальный сингармонизм «Ясного письма» как отражение бытовавших в самых ойратских говорах реалий. Если согласиться с такой точкой зрения, то можно было бы предположить, что в калмыцком языке или, по крайней мере, в ряде его говоров четырехсотлетней давности бытовал лабиальный сингармонизм. Механизм реализации его мог быть адекватным графико-орфографическим правилам «Ясного письма», то есть, если в первом слоге слова содержался огубленный гласный среднего подъема, то в непервых слогах могли употребляться огубленные гласные такого же артикуляторного и акустического качества.

Лабиальный сингармонизм, который характерен для монгольского и бурятского языков, отсутствует в калмыцком языке, в чем также проявляется его сходство со старописьменным монгольским языком, который не знал лабиальной гармонии гласных, о чем Г.Д. Санжеев писал: «Прежняя система вокализма или, точнее, сингармонизма как бы сохраняется в диалектах калмыцкого языка в том смысле, что лабиализованные гласные о и ö могут быть только в первом слоге, – это особенно отчетливо проявляется в группе долгих гласных, так как недолгие гласные в такого рода диалектах редуцировались до степени крайней неопределенности» [Санжеев, 1964, с.35]. И это положение не противоречит лабиальной гармонии «Ясного письма», согласно правописанию которого калмыцкие слова типа олн «много», дөрә «стремя», хора «комната» имели соот-

ветственно начертания olon, dörȫ, xorō. Такое расхождение не может служить свидетельством произошедших в калмыцком языке изменений в отношении лабиальной гармонии гласных, а объясняется тем, что «Ясное письмо», было создано с учетом особенностей и других монгольских языков.

Зая-Пандита предназначал свою письменность всем монгольским народам, в том числе и восточным монголам, языку которых была свойственна, как и сегодня, лабиальный сингармонизм или, как часто называют, губная гармония гласных. [Биткеев, 1995; X. Лувсанбалдан, 1975]. Поэтому, естественно, новая письменность, которая предназначалась всем монгольским народам, должна была быть построена, в частности, с учетом лабиальной гармонии, свойственной монгольскому, бурятскому языкам.

Кроме того, введение лабиального сингармонизма в графико-орфографическую систему письменности должно было, по замыслу Зая-Пандиты, содействовать удобному в практике пользования письмом решению и трудного вопроса, связанного с правилами обозначения на письме редуцированных (неясных) гласных, создававших неустойчивость орфографических норм письменности.

Следовательно, лабиального сингармонизма не было в калмыцком языке в прошлом, как нет его и сегодня.

Согласно традиционным представлениям, сингармонизм в монгольских языках рассматривается как закономерность употребительности гласных в структуре одного слова: в словах твердого ряда употребляются твердорядные гласные, и в непервых слогах могут выступать гласные нейтрального ряда; в словах же мягкого ряда употребляются только гласные мягкого и нейтрального рядов. Исключена совместная употребительность в одном слове гласных твердого и мягкого рядов. Дифференцирующей основой употребительности гласных в слове, следовательно, и формирующей сингармоническую рядность всего слова основой принято считать, как известно, только качество гласного первого слога слова.

Результаты проведенных исследований позволили сделать новые обобщения в отношения лингвистической сути разных типов системы сингармонизма в калмыцком языке, установить закономерности их формирования, характер участия в них гласных и согласных, причины сингармонической трансформации слов из твердого ряда в мягкий, предложить принципиально новую классификацию на основе данных акустической природы сингармонизма.

1.Палатальный сингармонизм в калмыцком языке очень сходен по своим основным чертам – принципам образования, закономерностям проявления, функциональной роли в системе языка с таким же сингармонизмом в других монгольских и шире алтайских языках.

2. К числу изменений, которые претерпел палатальный сингармонизм калмыцкого языка за последние несколько веков своего развития, относится сингармоническая трансформация слов, благодаря которой многие слова твердого ряда стали мягкорядными. Причинами сингармонической трансформации послужили: монофтонгизация дифтонгов в позиции первого слога слова и перелом гласного ї путем перехода его в гласный і переднерядной артикуляции, также в позиции первого слога слова. В других монгольских языках сингармоническая трансформация не произошла, поскольку в них сохранились дифтонги, как самостоятельные фонемы, и не было такого «слияния» гласного ї с і при переломе гласного ї, как в калмыцком языке.

3. В древнем калмыцком языке, как и в других монгольских языках, по крайней мере, в эпоху зарождения общемонгольской письменности дифтонгов не было вовсе.

4. Установлено, что в формировании сингармонической рядности калмыцкого слова участвуют, наряду с гласными, и некоторые группы согласных фонем, в частности, мягкие согласные фонемы. При этом роль мягких согласных в сохранении сингармонической рядности слов твердого ряда связана с тем, что они отличаются от соответствующих твердых согласных усилением высокочастотных составляющих в спектре и характеризуются по акустическому признаку как диезные. Поэтому высокочастотный спектр мягких согласных как бы компенсиру-

ют общий диффузный уровень слова, перешедшего из твердого ряда в мягкий.

5. Лабиальный сингармонизм отсутствует, как известно, в современном калмыцком языке, но не было его, как показывают исследования, в древнем калмыцком языке. Лабиальный сингармонизм характерен другим монгольским языкам, например, монгольскому и бурятскому, где он активно функционирует.

6. Механизм, а также причину образования и функционирования сингармонизма, в частности, палатального сингармонизма, обычно связывают только с качеством гласного первого слога слова.

Однако исследования с применением электроакустических и аудиовизуальных методов позволяют заключить, что роль первого гласного слова в формировании сингармонической рядности слова в монголистике и алтаистике преувеличена и является результатом упрощенных представлений о сингармонизме. Суть же заключается в том, что палатальный сингармонизм представляет собой фономорфологическое явление, выполняющее словообразовательную, словоразличительную функции. В соответствии с этим первый гласный слова, как и первый слог и все слово в целом, подчинены заданному еще до начала произнесения слова однотипному укладу артикуляции, что обусловлено утвердившемся в языке акустическим стандартом, соответствующим тембровым уровнем формантной структуры слова в зависимости от его принадлежности к твердому или мягкому ряду.

Гласные и согласные фонемы, входящие в структуру слова мягкого ряда артикулируются, как известно, при слегка приподнятом к твердому небу и продвинутом вперед корпусе языка. Гласные в слове мягкого ряда образуются в передней части полости рта, имеют переднерядную артикуляцию, что обусловливает более высокое расположение второй форманты (F2) при их произнесении. Согласные в составе слова мягкого ряда, даже те, которые имеют заднеязычную или увулярную артикуляцию, образуются при слегка приподнятом к твердому небу и продвинутом вперед положении корпуса языка. Естественно, все слово мягкого ряда имеет более высокую концентрацию частот

форманты F2, что может быть охарактеризовано акустическим признаком «высокий».

Гласные и согласные фонемы, входящие в состав слов твердого ряда, будут иметь, как правило, более низкую форманту F2, а твердорядное слово может быть охарактеризовано признаком «низкий». При этом в словах твердого ряда употребляются гласные твердого ряда и в непервых слогах после мягких согласных и согласного [g] могут употребляться и гласные нейтрального ряда.

Таким образом, употребительность или неупотребительность гласных в одном слове, как и некоторая регуляция употребительности отдельных групп согласных, определяются акустическими качествами, характерными двум типам слов калмыцкого языка, традиционно называемыми словами твердого и мягкого рядов.

7. Исследования дают основание для вывода, что калмыцкому языку свойственна и разновидность компактностного сингармонизма. Механизм его проявления заключается в том, что в первом слоге многосложных слов обоих сингармонических рядов могут употребляться все гласные полного образования, кроме гласных [ы, ы:].

В непервых слогах слов обоих сингармонических рядов не могут употребляться краткие и долгие гласные среднего подъема артикуляции [ɔ, ɔ:, œ, œ:, e, e:] (орфогр. их обозначение о, оо, ө, өө, э, ээ, е, ее). В этой позиции слова могут употребляются только широкие и узкие гласные. В непервых слогах слов твердого это широкие гласные [a, a:, ʌ] узкие гласные [u, u:, ы, ы:], в непервых слогах слов мягкого ряда это широкие гласные [æ, æ:, ə̀], узкие гласные [γ, γ:] и неясные гласные [i, i, ì].

Компактностный уровень калмыцкого сингармонизма выдерживает в акустическом отношении также гармоничное сохранение тембрового уровня спектра произнесения слова.

Таким образом, калмыцкому языку свойственны два типа сингармонизма: один из них – сингармонизм, традиционно называемый палатальной гармонией гласных, и второй – компактностный сингармонизм, который, хотя и дополняет первый, но является самостоятельной закономерностью формирования сингармонической рядности слова.

Глава III. Фономорфологические, лексические модификации, произошедшие в калмыцком языке

Лексические изменения

В калмыцком языке за последние несколько сот лет произошли весьма заметные изменения на всех уровнях его системы, особенно в произношении. Причиной появления многих из них являются фономорфологические мутации, оказавшие влияние на деформацию фонологических и морфологических структур слова, в том числе и словосочетаний.

Отдельные аспекты произошедших в калмыцком языке изменений получали спорадически отражение и в научной литературе. Еще в середине XIX века А. А. Бобровников отметил отдельные случаи редукции, в том числе и полной редукции. кратких гласных в позиции непервого слога слова. «беглое произношение в разговоре, выбрасывание гласных, – писал он, – бывает в коротких средних слогах. когда перед гласною и после нее до ближайших гласных находится только по одной гласной, например, тамага «клеймо, тавро, печать»> тамГа, өрөкө «дымоход, труба, семья» > өрке.[Бобровников, 1849, с. 35].

На скользящий неясный характер произношения исторически кратких гласных в позиции непервого слога калмыцкого слова указывает и другое высказывание А.А.Бобровникова. «Последняя гласная слова, если она короткая, писал он, – несмотря на повышение тона, произносится бегло и сжато, так что теряет свойственный себе звук и слышится как русское «ы» [Бобровников, 1849, с 34].

В своей грамматике, посвященной калмыцкому языку, В.Л.Котвич в начале XX века писал: «Если сравнить современное произношение калмыцких слов с тем, что имеется в старых книгах, относящихся ко времени Зая-Пандиты, то окажутся большие отличия в отношении гласных звуков. Важнейшими из них являются: исчезновение во многих случаях гласных, изменение двугласных, замена одних гласных другими, перестановка гласных» [Котвич, 1915, с. 10].

Мутационные преобразования, произошедшие в калмыцком языке, привели во многих случаях не только к изменениям форм слога, слова, но к возникновению новых форм структурных единиц на всех уровнях системы языка. К числу таких преобразований относятся: модификации отдельных лексических единиц в аффиксальные морфемы, редукции слогов и слов, сингармоническая трансформация слов из твердого ряда в мягкий и др.

Калмыцкий язык, точнее ойратский язык (язык предков калмыков) отличался богатством лексики. На калмыцком языке был создан один из шедевров мирового эпического творчества героический эпос «Джангар». На калмыцком языке выдающиеся рапсоды исполняли величественный эпос «Гесер», сочиняли и рассказывали многочисленные сказки, сказания, поэмы и другие жанры устного творчества. На калмыцкий язык были переведены замечательные произведения классики мировой литературы, например, «Панчатантра», «Рамаяна», «Море притч» («Улигерун дала»), «Субхашида», «Сидди-кюр» и мн. др. Поскольку калмыки имеют многовековую письменную культуру, поэтому, естественно, калмыцкий язык обогащался не только за счет собственных языковых средств, но и за счет заимствований из других языков, с носителями которых они имели многосторонние прямые или косвенные связи. Не случайно, поэтому исследователи находят в калмыцком языке немало заимствованных слов из многих языков. Так, в калмыцком языке встречаются слова санскритского происхождения, которые проникали в калмыцкий язык в основном через согдийский и тибетский языки. К таким лексическим единицам можно отнести слова: *манҗ* «ученик лам, послушник», *аршан* «святая, целебная вода, минеральная вода, целительное вещество», *хуврг* «служители церкви», *суврһн* «ступа, надгробное сооружение», *киид* «монастырь», *увш* «мирянин, принявший монашеский обет без посвящения в монахи», *маань* «буддийская мантра», *араш* – личное имя от санскритского слова *раши* «отшельник», *даян* «созерцание», *нирван* «нирвана», *һәрд* «мифическая птица Гаруди», *зандн* «сандал», *һалв* «кальпа, век, эра», *очр* «скипетр», *чиндмань* «священный камень». В монголоведной литературе

можно найти объяснение, что эти и другие санскритские слова заимствованы в калмыцком и других монгольских языках через уйгурский язык, что, естественно, не является исключением, как и заимствования непосредственно из уйгурского языка. Однако, по мнению акад. Б.Я.Владимирцова, ранние санскритские заимствования проникали в монгольские языки в основном через согдийское посредство.

Надо сказать, что в калмыцком языке имеются и персидские заимствования, например, *булгар* «кожа – булгарка», *булгар һосн* «кожаные сапоги», *саар* «род выделанной и выделанной кожи» и др.

Китайских заимствований в калмыцком языке немного и некоторые из них давно уже вошли в словарный состав и адаптировались, поэтому без соответствующего лингвистического анализа узнать их практически трудно, к ним, в частности, относятся такие слова, как *дурнав* «бинокль», *ям* «чин, административная должность», *луувн* «морковь», *һанз* «трубка курительная», *бир* «кисточка для краски», *дең* «свеча» и др.

Много заимствований в калмыцком языке из тибетского языка, что объясняется многовековыми культурными контактами, которые, прежде всего, связаны с распространением буддизма среди калмыков и других монгольских народов на протяжении многих веков. Поэтому в калмыцком языке очень много слов тибетского происхождения, например, *лам* «лама», *гелң* «гелюнг, священнослужитель», *бодь-садь* «ботхисатва», *Зу* «Лхаса», *бодьмр* «святой», *заман* «кухня» и многие другие, конечно же очень много личных имен, типа Очр, Дорҗ, Пүрвә, Цедн, Церн, Бадм, Басң и др.

Изменения в языках происходят не только в результате заимствований, но и благодаря тому, что в соответствии с новыми условиями жизни, в результате контактов происходят контаминации культур, в связи с этим меняются представления, системы взглядов, что в той или степени сказываются на различных аспектах языка. К числу наиболее быстро воспринимаемой лексики относятся метрологические термины. Так, например, протяженность пути, расстояния раньше калмыки, как и мно-

гие другие народы, определяли по времени, которое необходимо для преодоления этого расстояния, чаще всего времени, которое необходимо потратить на преодоление пути езды верхом на лошади, например, *үдин һазр* «расстояние, равное полдня езды» (букв. «езды с утра до обеда»), *хонга һазр* «расстояние, равное сутки езды», *долан хонга һазр* «расстояние, равное неделю езды», *җилә һазр* «расстояние, равное году езды», а часто выражает неопределенно большое расстояние, *зурһан сара һазр* «расстояние, равное шести месяцам езды», например, в песне есть строки *Зу гидг һазрнь зурһан сара һазр* «местность Зу (Лхаса) – это расстояние шести месяцев езды». Такой способ передачи расстояния является древнейшим и широко распространенным у калмыков. Он использовался, несмотря на то, что были у калмыков и более точные термины передачи времени, а с их помощью и передачи расстояния, например, *цаг* «час» (букв. «время»), *акчм* «миг, мгновение», которое адекватно современному термину «секунда». Поэтому говорили *акчмин зуур* «на мгновение, на одну секунду», *цаг зуур* «на час, на часок». Но не говорили *арвн цага һазр* «расстояние десяти часов (езды)». Возможно, потому что в ранние времена люди в основной массе не пользовались часами. Ими редко кто пользовался, поскольку онибыли редкостью, были не доступны. Поэтому пользовались традиционными национальными способами определения расстояния путем указания времени, затраченного на преодоление расстояния. Но ориентирами для определения времени были чаще всего солнце и время, измеряемое сутками, реже месяцами и годами, а иногда возрастом людей. Поэтому расстояние определяли по времени, затраченном на преодоление пути, хотя у калмыков были специальные термины для определения расстояния, например, термин беерә «миля». Этот термин встречается, в частности, в эпосе «Джангар»: *туруһин ә таш гисн болв, тавн беерә һазрт өсрәд тусв* «едва послышался стук копыт, как перелетел он на расстояние пяти миль».

Все же в новых условиях жизни, когда встретились с употреблением термина «километр», термин «беерә» оказался, по-видимому, не совсем удобным или не совсем адекватным,

а может быть пригодным больше для выражения расстояния в поэтическом стиле. Поэтому калмыки использовали для адекватной передачи понятия, выражаемого термином «километр», слово, которое применяли они и их предки в степных и горных условиях, а именно, слово *дуунa*, например, *дуунa һазр,* букв. «расстояние слышимости голоса». Поэтому сегодня калмыцкое *«дуунa»* адекватно термину «километр». Примеры: *арвн дуунa һазр* «расстояние, равное десяти километрам», *терчнь эндәс дуунa һазрт бәәнә* «то, о чем идет речь, находится в километре отсюда». Но в необходимых случаях используются и другие способы передачи расстояния, например, *хонга һазр, сара һазр, җилә һазр.* Но это выражение чаще используется для обозначения неопределенно большого расстояния, например, *җилә һазр* «очень далеко, очень большое расстояние».

Для передачи других мер длины используются чаще всего заимствованные через русский язык слова, например, сантиметр, миллиметр, дециметр, хотя раньше калмыки обходились собственными традиционными способами обозначения длины типа *алд* «сажень, саженный», *тө* «пядь», *тоха* «локоть», например, *тавн тө сахлта нег тө өвгн бәәҗ* «жил старик, высота которого одна пядь, а борода – пять пядей» – название одной калмыцкой сказки, *ачад цокад оркхлань, йисн тоха турш һазрт булхад орад оддг болна* «когда он бросил его через себя, тот погрузился в землю на глубину в девять локтей», *арвн алд һазрт өсрәд тусдг болна* «отлетел на десять саженей». Неудобство их использования в новых условиях, по-видимому, состояло, в том, что с их помощью можно было передавать только приблизительно меру длины или глубины. Напротив, термины метр, сантиметр отличались необходимой точностью.

Для передачи меры, обозначающей небольшую глубину или толщину, калмыки продолжают пользоваться традиционными способами их передачи, используя размеры, соотнесенные с толщиной пальца руки, например, *хурһн зузан* «толщиной в палец», *һуру һадрта махн*, букв. «мясо с покровом (жира) в три пальца». В данном случае словом *һадр* обозначают «жир»,

т.е. «мясо с жиром толщиной в три пальца». То же самое передает и *дөрү һадрта* «с покровом (жира) в четыре пальца», *хурһн һадрта* «толщиной с палец».

Ранние калмыцкие термины, обозначающие отрезки или промежутки времени, были связаны, естественно, с традиционной национальной системой классификации времени. Пребывая на нынешней территории, калмыки, находясь в близких отношениях с представителями других народов, стали пользоваться новой для них европейской системой обозначения времени, например, месяцы и дни недели стали называться также европейскими терминами, но в произносительном отношении они были адаптированы применительно к калмыцкому языку. В своей национальной среде они пользовались прежней системой определения времени. При этом калмыки укрепляли свою традиционную систему определения времени путем утверждения таких значимых в жизни праздничных и других дней. К их числу относятся, например, *зул* – день перехода на новый возраст (считается, что с наступлением дня зул начинается новый год), гамб гүмзг – индифферентный в отношении благодеяния и грехов день, усн аршан – день первых осенних заморозков, *цаһан сар* «весенний праздник, когда провожают зиму и встречают весну» (букв. «белый месяц»), *үр сар* – месяц приплода скота и другие. Эти и другие дни и месяцы отмечаются и сегодня, особенно в последние годы, но только как традиционные дни, а большей частью как дни, связанные с религиозными мероприятиями.

С самого начала контактов с оседлым населением, прежде всего с русскими, калмыки стали осваивать продукцию и орудия земледелия, с которыми прежде не были знакомы. Однако специальных терминов для их обозначения в калмыцком языке в большинстве случаев не было, поскольку калмыки, будучи скотоводами-кочевниками, земледелием не занимались. Поэтому многие термины из русского языка, чаще всего это наименования овощей, стали проникать в калмыцкий язык, например, *аһурцг* «огурец» (от формы огурчик), *помадур* «помидора», *марку* «морковь» и др. При этом удавалось создавать и

адекватные калмыцкие термины, например, *халун өвсн* «редис» (букв. «горячая трава»), *хавст* «капуста» (букв. «имеющий стеганый вид»). Иногда придумывали и весьма оригинальные слова для обозначения предметов и понятий, с которыми калмыки раньше не были знакомы, например, картофеля. Этот овощ и для русских, европейцев вообще, был некогда новым явлением – его завезли, как известно, из Америки. Народы Старого Света назвали картофель каждый по-своему. Родственные калмыкам другие монгольские народы отнеслись к названию картофеля также по-разному, например, буряты не стали ничего придумывать и заимствовали русский вариант – «картофель», но произносят, согласно бурятской фонетике, как хартаапхи. Монголы называют картофель словом төмс, что значит «овощ», калмыки придумали и употребляют красивое слово *боднцг* «картофель», которое представляет собой результат сращения двух сочетавшихся слов *бод монцг* (ст. письм. bod moncog). В калмыцкий язык продолжали поступать новые слова из русского языка, например, поодусх – деревянное приспособление под осью телеги. Диалектальное русское произношение подоська, *матг* «мотыга», *лом* «лом», *катг* «хатка». Довольно сильному изменению подверглось при заимствовании слово «ворота», которое по-калмыцки звучит как *бара:тъг* (орфогр. баратг). К ранним заимствованиям относятся: *җалв* «жалование», *гармуль* «гармонь», *межҗә* «межа, граница», *билә:нег* (орфогр. биләнг) «блины», *патьр* «квартира», *гувър* (орфогр. гувр) «губернатор», *салдъс* (орфогр. салдс «солдат»), *ку:тер* (орфогр. күүтр) «хутор», *җирв* «жребий». Это, пожалуй, усвоенные в первый период пребывания калмыков на нынешней их территории, которые заимствовались устным путем. При этом обращает внимание тот факт, что активно заимствовались в основном существительные. Самое удивительное, что менее всего заимствовались, как установила в своей работе Б.А.Шурунгова, глаголы. Она выявила всего три глагольных заимствований – отказлх от русского глагола «отказать» – судебно-процессуальный термин, который использовался в дореволюционной Калмыкии и отражал понятие, когда суд отказывал в прошении, глагол һоридлх от

русского слова «угореть» и глагол командлх от русского командовать. [См. Шурунгова Б.А. АКД, 2004, с.12]. В калмыцком языке имеются глагольные образования, возникшие на основе, например, заимствованных существительных: *матг* «мотыга» – *матклх* «обрабатывать мотыгой», *барна* «борона» – *барнадх* «бороновать», *мишг* «мешок» – *мишклх* «насыпать в мешок». Сам по себе факт слабого заимствования глагольных слов свидетельствует об устойчивости лексической и языковой системы в целом. В последующие периоды жизни калмыки заимствовали и многие другие слова, но активно в XX в., в связи с установлением новой власти и особенно активным стал процесс заимствования слов из русского языка и через русский язык после 1943 года, а в современный период он все больше нарастает.

Заимствования далеко не всегда являются простым пополнением словарного запаса языка. Естественно, слова заимствуются, когда в языке нет соответствующего слова, например, в калмыцком языке не было слова *һаруд* «огород», поскольку калмыки почти не занимались выращиванием овощей, или слова *терз* «окно», поскольку жилищем у калмыков была юрта, у которой вообще нет окон. Однако нередко бывает так, что заимствуются слова и при наличии соответствующих слов в своем языке. Происходит это по разным причинам. К ним можно отнести случаи, когда имеет место семантическое расхождение в них, например, когда в одном языке слово выражает общее понятие, а в другом – частное, а также нередко, когда заимствуемое слово социально значимо и более популярно и др. Слова типа *тарвс* «арбуз», *һу* «дыня» также являются заимствованиями, но они вошли в калмыцкий язык гораздо раньше из других языков.

Калмыки прежде жили в основном только во временных мобильных жилищах, как правило, это были шести и более стенные юрты (*ишкә гер*), а также и кибитки без дымового отверстия (*деглә гер*), юрты из жердей и кошмы (*җолм гер*). С изменением условий жизни, ознакомившись с оседлой жизнью, они стали строить и жилища постоянного типа, соответственно

чему производить дифференциацию и классификацию жилищ, стали осваивать жилища на постоянной основе – землянки, саманные, кирпичные, деревянные, каменные дома, которые имели совершенно иной, чем мобильные юрты облик, устройство которых, естественно, имеет многие отличительные черты. К примеру, юрты всех видов не имели окон. Поэтому названия окна в калмыцком языке отсутствовало. Пришлось заимствовать его у других. Окно калмыки стали называть терз. Оно было заимствовано у тюркских народов, по-видимому, у татар. Для сравнения можно привести аналогичный пример и из монгольского языка, где также не было названия для окна, но монголы изобрели термин на базе своего языкового материала слово цонх. Это слово имеется и в калмыцком языке, обозначает, также как в монгольском языке, выемку на холме, на горизонте.

Приведенные факты свидетельствуют о том, что возникновение нового слова в языке для обозначения новых для носителей языка явлений далеко не всегда бывает однотипным и в близкородственных языках. Однако можно совершенно определенно говорить о двух вариантах формирования нового слова. Одним из них является заимствование из другого языка с адаптацией соответственно законам родного языка. Другой вариант – это использование ресурсов своего языка. При этом могут быть использованы различные способы образования нового слова, наиболее характерными из них являются: использование лексики собственного языка без изменения ее звукового облика по сложившимся в языке моделям, но при обязательном изменении семантики слова, как правило, частичном ее расширении. Характерным для таких случаев является использование различных способов словосочетания, включая описательные способы.

Другим фактором, повлиявшим на изменение лексической системы калмыцкого языка, были сингармоническая трансформация слов из твердого ряда в мягкий и монофтонгизация дифтонгов. Надо сказать, что в монголистике на проблему сингармонической трансформации слов практически не обращали внимания, поскольку она почти не затрагивала монгольский,

бурятский языки. Сингармоническая трансформация слов произошла в основном в калмыцком языке и в ойратских говорах. При этом изменения, которые обусловлены монофтонгизацией дифтонгов, охватило значительно большее количество лексических единиц, поскольку дифтонги были свойственны словам обоих сингармонических рядов. Что же касается лексических единиц, которые подверглись изменениям в результате воздействия сингармонической трансформации слов, то их было меньше, поскольку сингармонической модификацией были охвачены только слова твердого ряда, содержавшие дифтонги, и то не все, а только та часть, в которых дифтонги находились в первом слоге слова.

Таким образом, произошедшие по названным причинам изменения коснулись только звуковой оболочки лексических единиц, не затрагивая их семантического аспекта. Но весьма заметно, что в результате сингармонической трансформации слов твердого ряда в слова мягкого ряда значительно увеличилось в калмыцком языке слов мягкого ряда и соответственно уменьшилось число слов твердого ряда.

Лексический состав языка является, как известно, самой изменчивой части языка.

Изменения в лексической системе – явление, характерное для истории любого языка. Это утрата отдельных лексических единиц, появление новых слов, возникших или путем заимствования, или образование новых слов собственными языковыми средствами, а также немало случаев, когда слово претерпевает фонетические изменения или семантические смещения.

К числу последних можно отнести в калмыцком языке, например, слово нуhд. По Калмыцко-русскому словарю 1976 г., это компонент парного сочетания *кир-нуhд* «грязь», где первый компонент *кир* «грязь». Следовательно, *нуhд* и *кир* являются, согласно словарю, синонимами, обозначающими одно и то же понятие «грязь». В научной литературе нуhд обычно характеризуется как суффикс [См. Яхонтова, 1996, с.43]. Надо сказать, что в калмыцком языке XVII в. *нуhд* (ст.п. nuǫoud) было самостоятельным словом со значением «и другие, подобные». Оно

очень часто встречается в старописьменных текстах, в постпозиционном сочетании с существительными, обретая падежные и другие формы, например, в «Биографии Зая-Пандиты» читаем: ed noǫoud abči tügēbei «товары и другие (вещи) взял и раздал», sayin χubitan noǫoudiyin sedkil χaŋǫān üyiledügsen – yēr [с.28] «благодаря тому, что духовные потребности счастливцев (верующих) обеспечивал...», šarayin kiyid noǫoudtu yosu yosōr ǰed manǰa agui yeke üyiledün [с. 28] «монастырям желтой религии в установленном порядке раздавали вещи и другое имущество». Приведенные выше примеры свидетельствуют, что noǫoud не относилось к знаменательным словам, выполняло функцию служебного слова, выражающего множественность по значению препозиционно сочетающегося с ним знаменательного слова, обычно существительного или препозиционно сочетающихся существительных. При употреблении этого слова после однородных членов предложения оно принимает грамматическое оформление на себя. На русский язык это слово может быть передано в форме существительного во множественном числе или с добавлением слов типа «и другие», «и тому подобные».

В грамматическом отношении noǫoud обнаруживает сходство с частицей -nar, выражающей множественность групп людей по признакам их профессиональной общности, родственных отношений, например. blama nar «ламы», aχa nar «старшие братья, старшие», döü nar «младшие (братья, сестры)». Частица nar в современном калмыцком языке подверглась некоторой фонетической модификации, произносится то как -нър, то как -нер, в зависимости от сингармонической рядности слова, после которого она следует. В грамматическом отношении эта частица полностью перешла в аффиксальную морфему, поэтому пишется вместе со словом, к которому она относится, например, *аавнр* «отцы, деды», *ээҗнр* «бабушки», *багшнр* «учителя». К тому же слова *аав, ээҗ* были прежде назывными словами родителей, только иногда и прародителей.

Что же касается частицы noǫoud, то степень ее фонетической модификации была минимальной. Она состояла в том, что

долгий гласный второго слога подвергся сильной редукции, перешел, согласно общей закономерности развития фонетического строя калмыцкого языка, в соответствующий краткий гласный. В большинстве же случаев редукция гласного была достаточно сильной, что этот гласный превратился в неясную гласную фонему [ʌ̀], в упрощенной транскрипции [ъ]. Поэтому частица эта обрела орфографическую форму нуһд (в упрощенной транскрипции нуһъд).

Таким образом, частица нуһд сохранила свою функцию выразителя значения множественности, которая редко может быть конкретной множественностью, а чаще несколько размытой, неопределенной множественностью. Однако резко сузилась сфера ее функционирования. Если она прежде употреблялась в постпозиционном сочетании со многими существительными, то в современном калмыцком языке употребляется в сочетании только с одним словом *кир* «грязь». По-видимому, в связи с этим нуһд в сочетании *кир нуһд* «грязи» воспринимается многими как компонент парного словосочетания, где очевидна семантика первого компонента, а семантика второго компонента носит характер нечеткой, неопределенной множественности. В связи с ограничением сферы употребления частицы *нуһд* возникает вопрос: какие же грамматические единицы компенсируют форму *нуһд*. Это в первую очередь значительно более активное употребление различных аффиксов множественного числа. Другим способом замены функции *нуһд* является использование парного словосложения.

Примеры: *күмн əмтн* «люди, человечество», *һар нүр* «лицо», букв. «руки и лицо» и др.

Аналогичным является и другое слово бугнь, транслитерация старописьмнной формы buguni *«короткий»*. Однако в современном калмыцком языке это слово утратило свою самостоятельность и теперь встречается только в одном сочетании *бугнь хавсн* «самое короткое ребро». При этом значение *бугнь* как «короткий» в сочетании *бугнь хавсн* не воспринимается, оно вытекает из того, что это ребро само является коротким. Это слово вытеснено другим словом *ахр* «короткий», *ахрхн* «ко-

ротенький», которые обрели универсальный характер употребления. Следовательно, сфера употребления богнь неизмеримо сузилась, а слова ахр – расширилась.

Сращения

В калмыцком языке произошли не только редукции гласных и согласных фонем, редукции слогов, соответственно и изменения структуры слов и морфем, иногда весьма значительные, но и сращения слов, исходные компоненты которых можно расшифровать иногда только путем лингвистического анализа. Во многих случаях такие сращения воспринимаются носителями языка как обычные простые слова. Приведем некоторые примеры. Слово санамр «спокойный, смирный, беспечный, халатный, неорганизованный» является для рядового носителя калмыцкого языка простой лексической единицей, состоящей из одного слова. Но этимологический анализ показывает, что оно образовалось путем сращения двух самостоятельных вещественных слов, представлявших собой компоненты сложного сочетания. Это слова типа санā «мысль, дума, размышление» + амар «спокойный, благополучный», а в сочетании они выражали понятия «спокойный, беззаботно, спокойно». О том, что это сращение стало простым словом, свидетельствует и образованные от него глагольные формы, например, *санамрдх* «успокаиваться, проявлять беспечность, халатность», *санамрдад* «успоившись». Об их относительной самостоятельности в историческом прошлом как двух компонентов одного словосочетания свидетельствуют, во-первых, их раздельные написания на «Ясном письме» и раздельное употребление, а также их написания, соответствующие реальному произношению в современных монгольских языках, например, монгольском и бурятском словарях эти сочетающиеся слова пишутся раздельно: санаа амар. В калмыцком же языке произошло сращение этого сочетания, что связано с формированием целостного понятия и его слитным произношением.. В результате чего оно воспринимается носителями языка как еди-

ное структурное целое, отражающее формирование единого понятия, грамматически соотнесенное с адъективностью или адвербиальностью, например, калм. *санамр кун* «спокойный, беспечный человек», *санамр* бәәх «быть спойным, спокойно жить». Факт слияния двух лексических единиц, представлявших прежде сочетание существительного и прилагательного, наглядно подтверждают и многочисленные глагольные формы, например, деепричастные формы: *санамрдад, санамрдн, санамрдҗ, санамрдсар,* причастны формы: *санамрдсн, санамрдх, санамрдад, санамрдхар* и др.

Формированию такого сращения способствовало и удачное созвучие звуковых оболочек сочетающихся компонентов. Это слияние однотипных гласных – конечного долгого гласного [ā] первого компонента и первого гласного [а] второго компонента. Образование одного долгого гласного [а:] «облегчило» сращение двух компонентов в одно слово. Сращению этих компонентов словосочетания, которое уже представляло собой сложное слово, способствовала и редукция гласного второго слога в амар и превращение его в неясный гласный твердого ряда, в результате чего от второго компонента амар остался только –мър, который представляет собой аффиксальную морфему в составе новообразования санамр (сана:мър). Аффикс –мър совпал по форме с аффиксом образования имен существительных и прилагательных от глагольной основы, например, *кимр* «молоко, разбавленное водой», *хатхмр* «вышитый», *идмр* «съедобный». Другое сращение тоже связано с компонентом санā, а второй компонент алдх «проронить, уронить». Калмыцкий вариант сращения *саналдх* «вздыхать». Монгольская параллель этого сочетания не образовала сращение, осталась, как и прежде, сочетанием двух компонентов, представляющих собой сложное слово.

Сращению двух компонентов сочетания *санаа алдаху* букв. «обронить мысль» в калмыцком языке способствовала и редукция второго компонента алдаху, первый гласный слился с последним гласным первого компонента, а второй гласный редуцировался, в результате чего редуцированный вариант алдаху

совпал с аффиксом –лд-. При присоединении аффикса – лд к основе имени существительного, образовался глагол, который выражает действие по значению исходной основы существительного типа *тохалдх* «опереться локтем», от *тоха* «локоть», *өскәлдх* «придавить пяткой», от *өскә* «пятка», *аралдх* «стиснуть зубы» от *аран* «коренные зубы», *ташалдх* «наклоняться боком, стоять боком», от *таша* «тазобедренный сустав, подвздошная кость, бедро, кость». То, что при саналдх удачное по созвучию сочетание компонентов сопровождалось и формированием и адекватного семантического значения, подтверждается другими аналогичными сочетаниями, в которых не произошло сращения, например, *уха алдх* «потерять рассудок, растеряться», *хара алдх* «упустить из виду, не видеть» не подвержены сращению. В данном случае по ряду причин из компонента алдх не образовался аффикс *–лд-*. То, что данное сращение дало образование нового слова подтверждается и глагольными формами этого глагола, например, деепричастные формы: саналдад, саналдн, саналдж и др., причастные формы: саналдсн, саналда, саналддг и др. Поскольку причастия в монгольских языках склоняются, то калмыцкие причастия могут иметь следующие формы: *саналдсиг* (вин.п.), *саналдсар* (оруд. п.), *саналдснд* (дат.-м. п.), *саналдснас* (исх.п.), *саналдснур* (напр. п.) и др.

В калмыцком языке имеется сращение *нохадьг* «да ладно, да пусть, вряд ли». Первый компонент остался почти неизменным – *ноха*, а второй компонент по созвучию можно возвести к *идг* «пусть съест». Правда, сравнительный анализ показывает, что в данном случае такой вариант вызывает некоторое сомнение, поскольку существует выражение нохадич цааран «иди же ты подальше, к собаке». Поэтому можно допустить, что вторым компонентом, который подвергся сильной деформации, было слово *одг* «пусть идет туда». Хотя вполне допустимо, что вторым компонентом сочетаний могло быть и слово *идг* «пусть съест», но в таком случае необходимо будет признать наличие сильной деформации исходного значения второго компонента.

В калмыцком языке употребляется словосочетание *нур үздг* букв. «видящий лицо». Однако это сочетание подверглось

сращению и давно уже стало практически простым словом, о чем свидетельствуют различные формы словоизменения, например, склонение: *нурүздгин* (род.п.), *нурүздгәс* (исх.п.), *нурүздгәр* (оруд.п.), *нурүздгт* (д.-м. п.), притяжательные формы: *нурүздгәрн* «своим зеркалом», *нурүдгәрчн* «твоим зеркалом», *нурүздгтн* «вашему зеркалу» др. Образовалось эта новая лексическая единица в результате редукции сочетания трех компонентов *нур үздг гер* «футляр для смотра лица». Футляром называли потому, что наиболее распространенным среди широкого слоя населения, особенно женщин-калмычек, было походное зеркало в футляре из дощечек или твердого картона, естественно, оно было очень удобным для пользования в условиях кочевой жизни. Такие зеркала небольших размеров привозили в места кочевий купцы и торговцы. Позже, особенно когда калмыки перешли на оседлый образ жизни, появилось много зеркал, в том числе и большие, которые ставятся в современных домах, отпала необходимость пользоваться походными зеркалами в футлярах. Поэтому компонент *гер* в словосочетании *нур үздг гер* выпал, остались сочетание *нур үздг,* которые подверглись сращению. Здесь, возможно, сыграл свою роль принцип экономии, прибегать к употреблению более сжатых и коротких форм слова.

В калмыцком языке имеется образованное путем сращения слово *тагчг,* которое может выступать в значениях «безмолвье, тишина, затишье, тихо, тихий». Это слово образовано из двух относительно самостоятельных компонентов *таг* «глухо, безмолвно, тихо» и *чиг* «тихий звук, тишина», которые представляли собой компоненты парного сочетания *так* и *чиг* с тем же значением, что и *тагчг*. Однако в последующем произошла редукция гласного и во втором компоненте *чиг,* в результате чего он превратился в аффиксальную морфему, образовав одну лексическую единицу с прежним значением. Такому преобразованию компонента чиг парного сочетания способствовало и наличие в калмыцком языке созвучного с ним аффикса – *чг*, с помощью которого образуются от различных основ имена существительные, например, *һарчг* «оглавление, заголовок, выве-

ска» (от *һар-* «выходить»), *көвчг* «седельная подушка» (от *көв-* «плавать, плыть»).

В данном случае редуцированная форма компонента чиг, которая превратилась в аффикс –чг, совпала с существовавшем в языке аффиксом как по своему звучанию, так и по грамматическому значению. Новое образование послужило основой для образования и других слов, например, глагола *тагчгрх* «затихать», причастные и деепричастные формы которых *тагчгрсн, тагчгрхар, тагчгрсар, тагчград, тагчгрҗ* и др., существительного *тагчгрлт* «умолкание, затихание», наречия *тагчгар* «тихо, беззвучно, безмолвно, тайно, незаметно»

Сочетание *эрә әмтә* «едва живой, еле живой» состоит из компонентов: *эрә* «еле, едва» и *әмтә*, которое состоит из *әм* «душа, жизнь» + аффикс обладания -тә, что образует словоформу *әмтә* «имеющий жизнь, имеющий душу». Однако очень часто используется сращение, которое имеет совершенно иное значение, например, *эрәмтә* в значении «очень маленький, малюсенький, чуть-чуть», например, *эрәмтә юм өгв* «дал очень мало», или пословица *әәдрхнә наад биид эрәмтә җаһамл* «по эту сторону Астрахани (имеется) малюсенький дикий лук». *Теднә noxa эрәмтә бәәҗ* «их собака оказалась очень маленькой». Иногда в целях уточнения и усиления значения, выраженного сращением, добавляют соответствующее слово, например, бичкн «маленький»: *эрәмтә бичкн юмн бәәҗ* «оказалась вещь совсем маленькой». Однако при несколько ином, например, расчлененном произношении, что бывает связано с интонационном выделении компонентов сращения, это будет словосочетание, выражающее значение едва живой: *тер noxa эрә әмтә кевтҗ* «та собака едва живая лежала».

Новым образованием в калмыцком языке является кемҗәнә «кто знает, не знаю». Оно – результат сращения трех сочетающихся компонентов *кен* «кто», *меджҗ* «знает», *бәәнә* «есть». Редукции подверглись все три компонента, которые слились в одно целое слово, что соответственно повлияло и на значение нового образования.

Образование ряда сращений в современном калмыцком языке связано с порядковыми числительными, например, порядковые числительные образуются с помощью аффикса –дгч, например, *негдгч* «первый», *хойрдгч* «второй», *һурвдгч* «третий», *дөрвдгч* «четвертый», *тавдгч* «пятый», *зурһадгч* «шестой», *доладгч* «седьмой» и т.п. Такого аффикса в историческом прошлом калмыцкого языка не было. Для выражения порядка изложения, утверждения, порядка числа в литературном языке использовалась форма числительного в дательно-местном падеже, например, *негнд* «первое, во-первых», *һурвнд* «третье, в-третьих», *дөрвнд* «четвертое, в-четвертых». Поэтому такие формы можно встретить в старых текстах, иногда в сохранивших языковую архаичность тестах сказаний и даже сказок. Числительные с аффиксом –дгч – это новое явление, которое появилось за время развития языка в последние столетия.

В данном случае –дгч является ничем иным, как аффиксом, образованным от слова dakiji «еще». Первоначально это были сочетания типа *нег дәкҗ* «один раз, однажды», *хойр дәкҗ* «два раза», которые позже подверглись модификации и слились в одно слово, где аффикс – дгч, образованный из *дәкҗ* (ст.п. dakiji), обрел новое грамматическое значение, выражающее порядковый номер чисел. При этом, надо сказать, что слово *дәкәд* в других случаях, и вне сочетания с числительными, сохраняет свою самостоятельность, проявляясь в различных грамматических формах, например, *дәкж* «еще», *дәкәд* «еще раз», *дәкнәс* «снова, сначала», *дәкн* «еще раз». Однако первоначальная форма дәкҗ в постпозиционном сочетании с числительным также функционирует как самостоятельное слово, например, *нег дәкж* в значениях «один раз, однажды, некогда», *хойр дәкҗ* «два раза», *дәкҗ цә уушгов* «больше не буду пить чай», *дәкҗ дән болшго* «больше войны не будет». Это свидетельствует о том, что при сохранении структуры дәкҗ как самостоятельного слова сохраняются грамматическое и семантическое его значения. Изменения лексико-грамматических значений этого слова связаны с модификацией его фонетической структуры и последующим превращением его в аффиксальную морфему, с

помощью которой образуется в калмыцком языке порядковое числительное.

Словоформа *невчкн* «немного, чуть-чуть, слегка» является сращением, образованным путем редукции двух компонентов сочетания *нег* «один» и *бичкн* «маленький, мало, немного». Сращение это может выступать в двух очень близких формах: невчк и невчкн, но существенным здесь является то, что первый компонент *негн* «один» употребляется в редуцированной форме не- , а бичкн сохраняется с чередованием согласного *б* на *в,* что соответствует фонотактическим нормам функционирования этих согласных в калмыцком языке. Примеры: *невчкн зуур* «недолго, на короткое время, на минутку». Но при раздельном произношении компонентов и их полной форме сохраняется значения исходных элементов и передают они соответственно другое значение: *генткн нег бичкн сар мөчн үзгдвә* «вдруг появилась одна маленькая обезьяна». От основы сращения образуется наречие *невчкнәр* ~ *невчкәр* «немного, чуть-чуть».

Другая форма порядкового числительного образуется с помощью аффикса *-двар* ~ *-двәр*, например. *негдвәр* или *негдвәрт* «во-первых, *хойрдвар* или *хойрдварт* «во-вторых», *һурвдвар* или *һурвдварт* «в третьих». Аффикс *–двар* ~ *– двәр* является редуцированной формой некогда самостоятельного слова *дуһар* ~ *-дүгәр*, которое в калмыцком языке не сохранилось. В монгольском языке *дугаар* «номер, круг» и одновременно выступает в качестве аффикса выражения порядкового номера, очередности, например, *нэгдүгээр* «первый», *гуравдугаар* «третий», *аравдугаар* «десятый».

Словоформа *юңгад* «почему» (букв.: «что говоря») является сращением двух компонентов *юн* «что» и *гиһәд* – форма разделительного деепричастия полифункционального глагола *гих* «говорить». В данном случае сохранился первый компонент, а второй компонент в значительной степени деформировался – сначала комплекс *-игә-* перешел в долгий гласный –а̄- и второй компонент обрел форму аффикса *–гә:д-*, который подвергся под влиянием твердорядной формы первого компонента юн сингармонической трансформации и стал твердорядным

аффиксом *–гад*, в результате чего новое сращенное образование стало выражать значение «почему». От формы разделительного деепричастия юнгад путем редукции конечного *–д* и + редуцированной формы отрицания эс образуется новое слово юнгас «почему, по какой причине». Исходные формы компонентов этого сращения имели следующие облики: jūn gēd ese. В результате сращения подверглись редукции: долгий гласный [u:] редуцировался, стал кратким, gēd подверглась под влиянием первого компонента сингармонической трансформации, стала твердорядной, поэтому долгий гласный [ē] стал твердорядным [a]. При этом подвергся полной редукции согласный [d,] а от отрицательной частицы ese остался только согласный [s], который в таком сращении представляет собой отрицательный аффикс с тем же значением, что и его исходная форма – отрицательная частица ese.

Разделительное числительное образуется с помощью аффикса *–ад – әд,* например, *һурвад* «по три», *дөрвәд* «по четыре». Несколько отличаются разделительные числительные, образованные от числительных *негн* «один», *хойр* «два»: *нежәд* «по одному», *хошад* «по два». Но разделительным числительны свойственна еще форма, образованная с помощью аффикса орудного падежа *-ар* ~ *-әр*, которая присоединяется к основе слова с аффиксом на -ад ~ -эд, например, *тавадар* «по пять», *арвадар* «по десять», *нежәдәр* «по одному», *хошадар* «по два», *кедүһәдәр* «по какой стоимости, по какой цене каждый». От вопросительного числительного *кедү* «сколько» путем прибавления аффикса *-нә* образуется форма слова *кедүнә* «по какой стоимости, по какой цене». Последние формы являются относительно новыми образованиями в калмыцком языке.

Местоимение кенч «любой», от сочетания кен «кто» + чигин – усилительная частица, а при сочетании кенч с положительными или отрицательными частицами, или словами, содержащими такие частицы может иметь иное значение, например, *кенч уга* «никого нет», *кенч бәәнә* «кто угодно присутствует», *кенч авшго* «никто не возьмет».

Аналогичными являются и образования *юнч* «что угодно» от юн +чигин: *юнч юмн кев-янзта болх зөвтә* «любая вещь должна иметь свою форму».

Глагол яах «как поступить, что делать» имеет и иные формы, начинающиеся с основы яh-, например, *яhсн* «что за», *яhад* «почему», *яhлав* «что со мной, что делать». Последняя форма образована от jaγala bi «что со мною».

Местоимение *альков* «ну-ка (посмотрим)» образовано от аль «какой, который» +аффикс –к +вопросительная частица в редуцированной форме –в. Местоимение *кедүнә* «сколько стоит» образовано от *кедү* «сколько» + аффикс -нә, *кедүлә* «в какое время, во сколько», *кедүhәр* «за сколько» от *кедү* + аффикс орудного, а падежа -әр *кедүhәд* «сколько стоит каждый, почем каждый», *кедүдәр* «по сколько по какой цене каждый».

К числу новых образований, но сохранивших исходную форму основного компонента, относятся местоимения *хамаран* «куда» от *хама* «где», образованного от древнейшей основы хамига, + -ра + -н, *альдаран* «куда» от *аль* «который» + -д =альд «где» +-ра- + н.

Наряду с зәрм «отдельные, некоторые», появились формы *зәрмнь* «некоторые», *зәрмснь* «некоторые из множества», которые часто бывают близки по значениям. Они образованы от ǰarim + показатель третьего лица inu, а во второй форме имеется показатель множественного числа – аффикс -s, который выражает определенную множественность.

Имеется парное сочетание *дав-деер* «пока, временно, на данный отрезок времени» которое произносится и в одно слово без ущерба для значения, например, произносят *давдар* «временно, на время». В данном случае подвергся сингармонической трансформации второй компонент парного сочетания, он уподобился первому компоненту, стал твердорядным и слился в одно сложное слово, например, *давдар торчатн* «пока держитесь», *давдар күләҗәтн* «пока, временно подождите».

Известными учеными зафиксированы в калмыцком языке сращения глагольных форм типа *сурчана* «учится», *идҗәнә* «ест», *йовҗана* «идет», *келҗәнә* «говорит», которые образова-

ны из компонентов: *сурч бәәнә, идҗ бәәнә, йовҗ бәәнә, келҗ бәәнә.* [Рамстедт, 1935, с. Х11]. В калмыцком языкознании вторая часть сращения характеризуется как аффиксы настоящего времени – чана ~ – чәнә, -җана ~ -җәнә. В данном случае действительно то, что второй компонент бәәнә деформировался и произошло сращение в форме аффиксов. Однако аффиксами здесь являются не *–чана (-чәнә), – җана* ǰ*-җәнә)*, а *-ана ~ -әнә*, поскольку основами первых компонентов являются формы разделительного деепричастия *сурч-, идҗ-, йовҗ- , келҗ-.*

К аналогичным образованиям относится сращение йовцсн «идущий, проходящий, прохожий», например, йовцсн күн «прохожий человек». йовцсн (в произношении jɔvtcʌn) образовано из двух исходных компонентов jobaji odusun, букв. «прошедший пешком, ушедший». Первый компонент состоял из joƀ- «идти» + аффикс соединительного деепричастия -ǰi, а второй – odusun – форма причастия прошедшего времени от *od-* «идти, отправляться» + -sun. На стыке двух морфем произошла редукция первой части второго компонента, которая модифицировалась: фонема [d] слилась с [s] и перешла в [t], которая в сочетании с [s] дала аффрикату [c]. В первом компоненте, согласно закономерности фонетики калмыцкого языка, фонема [ƀ] перешла в [v].

Новым образованием в калмыцком языке является союзное слово *эсклә* «если не так, если иначе», которое вошло в Калмыцко-русский словарь именно в такой форме. Оно является результатом сращения сочетавшихся слов: отрицания *эс* «не» и глагола *гих* «говорить» в форме условного деепричастия гихлә. При сращении произошла редукция слога *ги-*, он обрел форму *к-*. Надо заметить, что это сращение свойственно главным образом разговорному языку, в литературном языке обычно употребляются исходные формы сочетающихся компонентов.

Глагол гих, исходное значение которого «говорить», на деле многофункционален и соответственно и многозначен, например, в парном сочетании с *җе гих* «страдать, мучиться» (дойти до такой степени изнурения, когда приходиться сказать же «ладно, все, больше не в силах выдерживать»). Это сочетание имеет параллельную форму употребления в виде сращения жекх

(произносится ǰɛkkə̀) «выбиться из сил». Это слово проявляется в различных грамматических формах, например, *җегəд бəəвв* «дошел до состояния бессилия», *җегтлəн кəөлдв* «гонялись до последних сил». Иными словами, *җекх* – это сращение, представляющее теперь простой глагол, который выступает в различных причастных и деепричастных формах и спрягается.

Слово *ичкевт* «стыдно, постыдно, какой стыд, какой срам» является тоже сращением, которое произошло от основы *ич-* «стыдиться, смущаться» + наречной формы *кевт* букв.: «имеющий форму, вид». Однако при редукции этого компонента оба члена сочетания как бы срослись, образовали новое слово *ичкевт* «стыдно, постыдно, какой позор», от которого образуется новое слово *ичкевттə,* например, *ичкевттə юмн* «постыдное, позорное дело».

В калмыцком языке, как и в других монгольских языках, довольно много различных частиц – отрицательные, утвердительные, вопросительные, ограничительные, модальные и другие. В большинстве своем они подверглись различного рода модификациям, особенно в разговорной речи, что представляет определенный интерес с точки зрения характера их исторического развития, их структурных преобразований, которые в свою очередь оказывают влияние на их категориально-грамматическое значение.

Наиболее показательным в этом отношении является характер изменений отрицательной частицы уга, старописьменная форма которой üġei «не, нет». Несмотря на некоторые расхождения кегеля и характера написания букв в ст. монг. письм. и «Ясном письме», эта транслитерационная форма адекватно отражает фонологическую структуру данной частицы отрицания. В современном калмыцком литературном языке это отрицание функционирует в двух формах – уга (как частица) и –го (как отрицательный аффикс), например. *күн уга* «никого нет, людей нет», *эзн уга* «нет хозяина», *эзго* «без хозяина». Частица уга чаще всего выступает в постпозиционном сочетании со знаменательным словом. Однако существенные изменения в структурах обоих компонентов происходят когда частица уга

выступает как аффиксальная морфема, чаще всего в форме -го, сохраняя при этом свое отрицательное значение, ср., например, *дурн уга* «нет любви, не имеет любви, не любит», *дурнго* «без любви», *дурмго* «не люблю, ненавижу». Здесь сохраняются без изменений исходные значения двух компонентов *дурн* «любовь, желание» и *уга* «не, нет», хотя частица *уга* уже перешла в аффиксальную морфему. Однако резко меняются их значения, когда их фономорфологические структуры подвергаются изменениям. Это заметно, когда первый компонент *дурн* утрачивает конечное неустойчивое –н, например, *дурн уга>дурнго>дурго*. Последняя редуцированная форма сочетания означает уже крайнюю степень нелюбви, ненависти.

Еще более выразительно изменение значения, когда редуцируются и знаменательное слово, и отрицательный аффикс уга, например, сочетание *керг уга* (*керг* «дело» + *уга* «нет») означает «нет дела, нет необходимости, нет нужды», такое значение сохраняется, когда частица уга переходит в аффикс –го и сочетание произносится и теперь уже и пишется как *кергго* «не нужно, не надо». Заметно меняется значение нового образования по сравнению с тем, которые были свойственны исходным компонентам сочетания. При слитном произношении первый компонент теряет конечную фонему *–г*, которая является словообразовательным аффиксом, а второй компонент теряет свою начальную часть *у-* , а конечная а переходит в о, например, керго «не хочу, не надо».

Аналогичное явление мы имеем, когда отрицательный аффикс присоединяется к основе знаменательного слова, конечная часть которой при этом деформируется, например, *эзн* «хозяин, владелец» + частица *уга* «не, нет» = *эзн уга* «без хозяина, без владельца». При редукции и переходе уга в аффиксальную морфему *–го*, первый компонент, как правило, также редуцируется, теряет конечный неустойчивый –н, например, *эзго* «без хозяина»: *эзго ноха* «собака, не имеющая хозяина, бродячая собака».

Однако резко меняется значение такого образования, когда меняется не только конечный неустойчивый *–н*, но и вторая часть корневой морфемы *эз-* «хозяин». В сочетании с *–го* ино-

гда меняется *з* на *җ*, в результате чего получается *эҗго*, например, *эҗго һазр* «пустынное место».

В некоторых случаях аффикс *–го*, восходящий к отрицательной частице ügei >уга, изменяется настолько сильно, что идентифицировать с их исходными вариантами бывает довольно трудно. Так, например, аффикс *–го* имеет нередко в зависимости от фонетических условий его употребления следующие варианты: *-ко, -ка, -кә*. Примеры: *йовшко ~ йовшго* «не пойдет», *келшкә* «не скажет». Однако этими вариантами различные формы проявления аффикса *-го* не ограничиваются, *-го* выступает в формах *–ва~ вә*, например, *кишва ~ кишвә* «вредный, противный» <*кишго*< *кишиг уга* <kisig üigei. При этом могут параллельно употребляться и другие формы: *кишго, кишгә* с тем же значением, что и *кишва, кишвә*. Аффикс *–ва* сохраняет свойства аффикса *–го* и твердорядный гласный *о* и в тех случаях, когда знаменательное слово, к которому он присоединяется, является мягкорядным: *кергго* «не нужно, ненужный», *өршәңго* «безжалостный»; ср. *кишва,* где *а* – гласный твердого ряда остается во втором слоге мягкорядного слова, хотя здесь *–ва* почти не ассоциируется с исходной формой *–го* или *–га,* а воспринимается как самостоятельный аффикс. И эта форма зафиксирована в Калмыцко-русском словаре как заглавное слово.

Таким образом, при присоединении к основе знаменательного слова вариантов аффикса *-го,* который восходит к отрицательной частице *уга* «не, нет» возможны различные модификации как самого аффикса, так и конечной части основы знаменательного слова. Произошедшие в калмыцком и других монгольских языках модификации отрицательной частицы, а также и знаменательных слов, к которым эта частица присоединяется, оказали довольно заметное влияние на семантическое и грамматическое значения новообразований.

Однако наиболее сильной модификации подверглась частица уга в калмыцком языке. Во-первых, она подверглась сингармонической трансформации, в результате чего из мягкорядной она стала твердорядной (ügei >уга). Во-вторых, при постпозиционном употреблении частица уга часто переходит в

аффиксальную морфему, которая в свою очередь нередко подвергается редукции и многообразным изменениям, но сохраняя при этом значение отрицательности. Частица *уга* в некоторых случаях совершенно свободно может заменяться своими аффиксальными вариантами, например, усн уга, нерн уга, керг уга могут произноситься, в равной мере быть написанными, как уснго, нернго, кергго.

В-третьих, в ряде случае при модификации частицы уга, она приобретает формы, которые совершенно не соотносимы с другими ее аффиксальными вариантами. Последние же выступают уже как самостоятельные словообразовательные аффиксальные варианты *–ва ~-вә* с отрицательным значением, наглядными примерами чего могут служить варианты произношения типа *кишва* или *кишвә* «вредный, гадкий, паршивый». Эти формы образованы от ст.п монг., ЯП kišig ügei «несчастливый». Но со временем произошли в них изменения: отрицательная частица ügei «нет», которая в калмыцком языке перешла, вопреки законам сингармонизма, из мягкого ряда в твердый и стала произноситься как уга, во многих случаях подверглась сильной фонетической модификации и перешла в аффиксальные морфемы *-га, -го, -гә,* в разговорной речи встречается и в форме *–ка~ -кә,* например, *кишка ~ кишкә*. Отрицательная частица уга обрела и другие формы, например, часто употребляется форма *–ва ~ -вә,* которая на первый взгляд кажется не имеет ничего общего с уга, но произошла она именно от уга и прямо или косвенно выражает значение отрицательности, негативности.

Кроме того, аффиксы, образованные от отрицательной частицы уга, в отдельных случаях проявляются в форме *-һә,* например, *һәәһә* «прекрасный, замечательный» (орфогр. форма һәәвһә). Исходными основами этой формы были ǫai ugei «ничего плохого, нет гадости», т.е. *һә* «гадость, гадкий, плохой» плюс *уга* (отрицательная частица). Любопытно, что в результате сочетания двух компонентов с отрицательным значением образовалось новое слово с положительным, даже с весьма превосходным значением, например, *һәәвһә* «хороший, чудесный, прекрасный».

Некоторые частицы в калмыцком языке полностью утратили свое самостоятельное существование в форме слова, подверглись модификации и перешли в разряд аффиксальных морфем. К их числу относится образованный путем модификации утвердительной частицы стп. монг. sii «ведь, действительно» аффикс, который выступает, как правило, в двух формах *–с, -ш,* например, *би чамд келлус* «я ведь тебе говорил», *аавчнь ниднин ирлүш* «отец твой ведь еще в прошлом году приехал». В других монгольских языках эта утвердительная частица также подверглась значительным изменениям, например, в совр. монг. *би чамд хэлсэншт* «я ведь тебе говорил», *-шт* представляет собой редуцированный и теперь уже аффиксальный вариант часто выступающих в сочетании двух утвердительных частиц *шүү* и *дээ*. Аффиксальная форма *–шт* является продуктом разговорной речи. Эти частицы взаимно дополняют и усиливает утвердительный характер высказывания. Надо сказать, что в монгольском литературном языке эти утвердительные частицы функционируют в полной форме, без редукции, в сочетании друг с другом и самостоятельно. Правда, сильной редукции могут подвергаться эти частицы в разговорной речи, например, *би чамд үүний тухай хэлсэншт* «я ведь тебе говорил об этом». В разговорной речи от частицы *шүү* имеем только ее часть в форме *–ш-*, а от частицы *дээ* – осталось только *–д-* и то в форме *–т-*.

Другая утвердительная частица *мөн* «да, правильно, совершенно», в произношении нередко имеет формы *мин ~ мен,* а также в форме аффикса *–м*, например, *мөн* «правильно, правильно, да так». Однако эта утвердительная частица также подверглась редукции и часто выступает в форме аффиксальной морфемы *-мн* (произносительные формы *–мн ~–мън ~ – мен*) с тем же утвердительным значением. Частица эта присоединяется к основам различных форм глаголов, например, *малнь кеер үвлзсмн* «скот его перезимовал в степи», *эн үзгдсн юмиг кен чигн медсмн уга билә* «то, что показалось, осталось никому не понятным». Аффикс –м имеет несколько отличительные от других рассмотренных аффиксов особенности, употребляется

в сочетании с причастием будущего времени на *–х* и выражает еще и твердую необходимость, твердое намерение, например, *ода йовхм* «сейчас пойдем», *гер бәрхм* «будем строить дом», *ном умшхм* «будем читать книгу».

Отрицательная частица *биш* «не» свойственна всем монгольским языкам, в том числе, естественно, и калмыцкому, где он широко употребляется, например, *һол биш нур* «не река, а озеро», *укр биш темән* «не корова, а верблюд», *одхас биш, яахв* «что делать, кроме как пойти». Однако в случаях, когда отрицательная частица биш употребляется в позиции после причастия будущего времени на *–х*, то новое сочетание обретает значение противительного союза «не только, но и» *ирх биш, келсн чигн уга* «не только не пришел, но даже и не сказал». Но в ряде случаев в такой же позиции отрицательная частица подвергается сильной редукции и она превращается в аффикс *–ш* с тем же значением, что и его исходная форма *биш*. Однако новое образование – причастие будущего времени + – *ш* выражает уже настоящее продолженное время, а с учетом того, что *–ш* является отрицательным аффиксом, то причастие будущего времени + -*ш* выражает действие, которое не происходит, например, *ирхш* «не приходит», *йовхш* «не идет», *авхш* «не берет», *келхш* «не говорит».

Кроме того, редукция отрицательной частицы биш в ряде случаев привела в разговорном калмыцком языке к формированию аффикса *–уш (-үш)*, который в постпозиционном сочетании с причастием будущего времени на *–х* выражает, как и исходная его форма – отрицательная частица, функцию противительного союза. Примеры: *йовхуш, босад уга* «не только не пошел, но и еще не встал», *дулархуш, улм киитрәҗ йовна* «не только не стало теплее, но стало холоднее». И здесь заметно расхождение между двумя аффиксами, образованными от одной отрицательной частицы биш, которая продолжает параллельно употребляться самостоятельно.

Запретительная частица *бичә* «не» является также редуцированной формой старописьменного bicigei с тем же значением. Бичә возникла в результате образования гласного монофтонга

[ā] из долготного комплекса –igei. Однако в калмыцком языке имеется и другая форма запретительной частицы *бичкә* «не». Она образована в результате изменений исходной формы слова следующим образом: исчез гласный [i] второго слога, тогда [g] постпозиционном сочетании с [č] стал сильным согласным [к], а следующий дифтонг [ei] стал монофтонгом. – сначала долгим [ā], который затем редуцировался до краткого гласного, в результате образовалась новая форма *бичкә* (bičkæ).

Любопытно, что отрицательная частица *уга* «не, нет», которая подверглась самым многообразным модификациям, была первоначально мягкорядным словом ügei, которое затем стало в калмыцком языке твердорядным. Для сравнения можно сказать, что в монгольском и бурятском языках эта частица сохранилась в мягкорядных формах. О деформации отрицательного аффикса ügei «не, нет» в монгольских языках свидетельствует и его произношение как güve в монгольском языке Тыва.

Другие частицы, которых в калмыцком языке немало, в большинстве своем подверглись редукции, слились в произношении с предшествующими словами и превратились в аффиксы с соответствующим вопросительным значением. К числу их относятся вопросительные аффиксы: *-у (-ү), -б (-би), -в (-ви), -й (-йи, – ий): зааву?* «показал?», *өгвү?* «отдал?», *ирвү?* «пришел?», *кемби?* «кто?», *альдв? ~ альдви?* «где?».

В других монгольских языках, например, в современном монгольском языке вопросительные частицы, как и другие частицы, пишутся отдельно от предшествующего слова: *уу, үү, юу, юү, бэ, вэ.*

Существенно важно то, что при присоединении вопросительного аффикса *-у (-ү)* к основе калмыцкого слова, оканчивающейся на гласный полного образования, происходит модификация конечной части основы, а именно ясных гласных [–а, -ә], являющихся составными элементами аффикса глагола настоящего – продолженного времени *-на, -нә*, например, *йовна* «идет», *бәәнә* «имеется, находится», *дуулна* «поет», *бишлнә* «танцует». При присоединении вопросительного аффикса *-у (-ү)* гласные в *–на, -нә* выпадают и получаются формы: *йовну?*

«ходит?», *бәәну?* «есть, имеется?», *дуулну?* «поет?» *биилну?* «танцует»? Здесь аффикс *–у (-ү)* как бы компенсирует гласные в *–на, -нә,* которые передают настоящее – продолженное время, выполняя одновременно и свою функцию вопросительного аффикса. Будущее время выражено аффиксом *–н-*, а состояние действия – аффиксом настоящего – продолженного времени *–а (-ә)*. Подтверждением чего могут служить и такие словоформы: *йовнч?* «пойдешь»? *ирнт?* «придете?». Аналогичным образом выражается и прошедшее очное время путем сочетания аффикса достоверного прошедшего времени *–ла (-лә)* + вопросительный аффикс *–у (-ү),* например, *йовла* «ушел, уехал», *ирлә* «пришел, приехал» //*йовлу* «уехал?, ушел?», *ирлү* «приехал?, пришел?», *йовлу* «ушел?, уехал?» *ирләт* «вы приехали, вы пришли». Как видно из этих примеров, в *йовлу, ирлү* и аналогичных случаях аффикс *–л-* + *–у (-ү)* выражают прошедшее время, а аффикс *–у (-ү)* еще и свою функцию вопросительности. Имеются и другие факты, когда *–л-* может в сочетании с другими гласными или аффиксами выражать прошедшее время. Так, прошедшее очевидное или действительное время передается в калмыцком языке с помощью аффикса *–ла (-лә)*. В современном монгольском языке она имеет соответствие, которое проявляется в форме аффикса *–лаа (-лээ, -лоо, -лөө)*. При сочетании с аффиксом, образованным от отрицательной частицы калм. уга, монг. *үгүй* «не, нет», от аффикса прошедшего времени остается только *–л-*, в результате чего образуется в калмыцком языке форма *–лго*, например, *йовлго* «не придя», *ирлго* «не придя», монг. *явалгүй, ирэлгүй*. В таких случаях аффиксы калм. *–лго*, монг. *-лгүй* выражают прошедшее несовершенное действие, которое должно было бы совершиться. Не случайно, поэтому в научных изданиях и учебниках модифицированные частицы в сращениях классифицируются как самостоятельные аффиксы.

В калмыцком языке имеются аффиксы *-м, -чн, -тн, -видн, – нь,* образованные от местоименных частиц типа *минь, чинь, тань, видн, ину-ану,* которые в свою очередь восходят к личным местоимениям *би* «я», *чи* «ты», *та* «вы», *бидн* «мы», *ину ~ ану,* например, *уулм* «гора моя», *уулчн* «твоя гора», *уултн* «ваша

гора», *уулвидн* «наша гора», *уулнь* «его, их гора», *герм* «дом мой», *герчн* «дом твой», *гертн* «дом ваш», *гермвидн* «дом наш», *гернь* «его, их дом». Аффиксальный характер их подтверждается и правилами калмыцкой письменности, по которым они пишутся слитно с предшествующим словом, хотя их исходные формы могут употребляться отдельно от предшествующих слов. В монгольском языке они не рассматриваются как аффиксы, а выступают в форме самостоятельных частиц минь, чинь, тань, нь, как и в калмыцком языке семнадцатого столетия.

Образованные от лично-предикативных частиц, восходящих в свою очередь к личным местоимениям аффиксы участвуют в формировании в калмыцком языке системы спряжения глаголов. Примеры: *йовнав* «я пойду», *ирнәв* «я приду», *йовнач* «ты идешь, ты ходишь», *ирнәч* «ты приходишь», *йовнат* «вы ходите, вы идете», *ирнәт* «вы приходите, вы идете», *йовнавидн* «мы пойдем», *ирнәвидн* «мы придем». Также спрягаются глаголы и в форме прошедшего времени: *йовлав* «я ходил», *ирләв* «я приходил», *йовлач* «ты ходил», *ирләч* «ты приходил», *йовлат* «вы ходили», *ирләт* «вы приходили, вы п*ришли», йовлавидн «мы ходили», ирләвидн* «мы пришли, мы приходили». Глаголы в будущем времени также спрягаются с лично-предикативными аффиксами, например, *йовхв* «я пойду», *ирхв* «я приду», *йовхич* «ты пойдешь», *ирхич* «ты придешь», *йовхит* «вы пойдете», *ирхит* «вы придете», *йовхвидн* «мы пойдем», *ирхвидн* «мы придем». Соответственно спрягаются, например, повелительно -пожелательные формы глаголов, например, *йовсув* «пойду-ка я», *ирсүв* «приду-ка я», *йовсувидн* «давайте-ка мы пойдем», *ирсүвидн* «давайте-ка мы придем».

Орфограмма аффикса *-видн* является искусственным образованием, созданным для разрядки скопившихся согласных на письме в прежней его форме написания *–вдн*, которая с точки зрения орфоэпических требований была также не удачной, но более адекватно отражала реальное звучание аффикса, который, правда, имеет в произношении еще и другие варианты – *-уудн (-үүдн),* например, *аббудн* «мы взяли», *ирүүдн* «мы пришли», *бәәхүдн* «мы будем находиться», *авхудн* «мы возьмем».

Такого типа спряжения глаголов по лицам и числам – явление относительно новое для калмыцкого языка. Они сформировались, как показывают исследования данных старописьменных материалов и современных монгольских языков, в том числе, естественно, ойратских говоров, за последние четыреста лет функционирования языка.

Согласно утвердившемуся в калмыцком языкознании, как и в монголистике, положению, одним из аффиксов прошедшего времени является –в, например, калм. *ирв* «пришел» (*ир-* -корень +*-в* –аффикс прошедшего времени), *цадв* «покушал досыта» (*цад-* корень слова + *-в* –аффикс прошедшего времени). И это действительно верно. Однако анализ конкретных данных показывает, что в калмыцком языке аффикс прошедшего времени *–в* может проявляться и в других вариантах, например, в форме аффикса *–у (-ү)* при увеличении количества слогов в слове. Примеры: *ирв* «пришел», а *ирвч* «ты пришел» может быть произнесен совершенно без ущерба для восприятия как *ируч, цадвч* «ты насытился» – как *цадуч, келвч* «ты сказал» – как *келуч, тоолвч* «ты считал» – как тоолуч. Это свидетельствует о том, что аффикс прошедшего времени *-в* проявляется в некоторых случаях и в форме *–у (-ү)*. Кроме того, аффикс прошедшего времени *–в* + аффикс *–в*, образованный от лично-предикативной частицы, восходящей к местоимению би, сливаются в один аффикс –в, который одновременно выступает и как аффикс, выражающий личнопредикативное отношение, и как аффикс прошедшего времени, например, *ирв* «я пришел», *цадв* «я насытился», *медв* «я узнал, я понял». Такие грамматические сдвиги относятся к недавнему периоду истории развития калмыцкого языка.

То же самое наблюдается и в других аффиксах, например, исходной для калмыцкого языка формой аффикса предостерегательного наклонения является, как известно, *-вза (-взә)*. Однако благодаря чередованию в некоторых позициях слова согласной фонемы в с огубленными гласными *у (ү)* аффикс *–вза (-взә)* может проявляться и в форме *–ууза (-үүзә)* орфогр. *–уза ~ -үзә*, например, *ирүзә* «как бы не пришел», *келүзэ* «как бы не сказал», *заавуза* «как бы не показал», *умшуза* «как бы не прочитал».

В монголистике утвердилась точка зрения, согласно которой корневая морфема глагола отождествляется с формой глагола в повелительном наклонении, обращенного ко второму лицу. Однако такое толкование неверно в основе своей, поскольку форма глагола в повелительном наклонении не однородна – она может произноситься двояко: без соответствующего неясного гласного в конце или с неясным гласным, например, глагол *йовх* «идти» имеет следующие формы повелительного наклонения: *йов-* и – *йовъ,* глагол бичх «писать» – формы *бич-* или *биче-* (орфографические их формы *йов-, бич-*). Одни носители языка могут произносить в равной мере ту и другую формы, другие могут употреблять только вторую форму. То же самое относится и к другим монгольским языкам. И нет определенности в том, какую из них считать действительной. Поэтому бытующий в монголистике метод определения корневой морфемы может быть в отдельных случаях, например, в учебных целях, использован в качестве простейшего неточного способа определения корневой морфемы.

Гораздо более значительным изменениям подвержены аффиксальные морфемы. Представление о их видимом единообразии обеспечивается консонантной орфографией, где неясные гласные не обозначаются на письме, например, аффиксы образования имен существительных типа *–вр, -кр, -мр, -лһн, -лң, -мл, -цг* и др. выступают и в других формах, что обнаруживается при транскрипционной их передачи: *– вър ~ -вер, -кър ~ – кер, – мър ~ -мер, – һън ~ -һен, -лъң ~ -лең, -мъл ~ -мел, – цъг ~ -цег.* Примеры в транскрипции: *сурвър* «вопрос» – *сурврин* (род.п.), *келвер* «рассказ» – *келврин* (род.п.), *зеткер* «несчастье» – *зеткрин* (род.п.), *санъмсър* «спокойный» – *санъмсрин* (род.п.), *малтмъл* «ископаемое» – *малтъмлын* (род.п.) – *тәрмел* «посев» (*тәремлин* (род. п.). и др. Некоторые аффиксы, содержавшие в своем составе гласные полного образования, несмотря на их орфографические формы, могут произноситься двояко – с гласным полного образования или с неясным гласным, например, *үкрмүд* «коровы» произносится *үкермед, шилмүд* «стекла» произносится *шилмед.* При увеличении числа слогов неясный глас-

ный перед согласным *-д* иногда исчезает. В таком случае происходит чередование неясного гласного с нулем: *укрмдин* «коров» (род.п)» (үkrə̀mdin), *шилмдин* «стекол (род.п.)» (šilə̀mdin). Здесь происходит чередование гласного полного образования с неясным гласным, который в свою очередь чередуется с нулем. Такие варианты, по-видимому, возможны в случае с аффиксом множественного числа *–уд (-үд)* потому, что вторая часть аффикса *–д* совпадает с самостоятельным аффиксом множественного числа *-д*, например, *нерн* «имя» – *нерд* «имена», *шүдн* «зуб» – *шүдд* «зубы», *мөрн* «конь» – *мөрд* «кони». Благодаря чередованию гласного плного образования у с неясным гласным в составе аффикса *–ул*, например, в *хамхул* «перекати поле» может произноситься и как *хамхъл*, в *җаһамул* «дикий лук» – *җаһамъл, җаһамлын*.

Общеизвестно, что в калмыцком языке, как и в других монгольских языках, имеются два грамматического числа – единственное и множественное. При этом характерной особенностью использования является, например, в калмыцком языке то, что единственное число употребляется гораздо чаще множественного, поскольку единственное число нередко используется для передачи и множественного числа, без ущерба для содержания, например, *мал хәрүлх* «пасти скот, пасти коров» (букв. «пасти корову»), *альм түүх* «собирать яблоки» (букв. «собирать яблоко»), *үвлин шүүвр өгх* «сдавать зимние экзамены» (букв. «сдавать зимний экзамен»), *хө кирһх* «стричь овец» (букв. «стричь овцу»). Однако нередко можно встретить, особенно в периодической печати, последовательное оформление множественного числа, например, типа *укрмүд хәрүлх* «пасти коров», *дектрмүд умиҳ* «читать книги», *моддуд тәрх* «сажать деревья». Это, конечно, буквальная калька с русского оригинала. Согласно законам калмыцкого языка, обычным в таких сочетаниях является употребление слов в форме единственного числа. К множественному числу прибегают только в особых случаях, когда необходимо сделать сильный смысловой акцент на аспект множественности, в остальных случаях употребляется форма единственного числа.

Поведение неясных гласных при увеличении количества слогов в слове носит часто неустойчивый характер, наблюдаются исчезновение, перестановка неясных гласных. Нередко исчезновение неясного гласного в слове затрагивает и структуры корневых морфем, например, *ташмг* (орф.) «плетка» – *ташмъг* (им.п.), *ташъмгин* (род. п.), *ташъмгаасъ* (исх. п.), *темн* (орф.) «большая игла» – *тэмне* (им.п.), *тэменде* (д.-м. п), *тэмнəəсе* (исх. п.), *тергн* (орф.) «телега» – *тэрген* (им.п.), *тэргəр* (ор.п), *тэргнəəсе* (исх. п.).

Надо сказать, что в «Ясном письме», соответственно и в калмыцком языке времен Зая-Пандиты, падежные формы были закономерно устойчивыми. В ЯП исходный падеж имел одну универсальную мягкорядную форму – ēсе, например, ǰil – ēсе «из года», noxoi – ēсе «от собаки», aman –ēсе «из рта». Использование одной аффиксальной формы для двух сингармонических рядов слов было традицией монгольской письменности, где для исходного падежа использовалась также одна, но нейтральная форма, которая читалась, то как твердорядная форма –аса, то как мягкорядная форма -есе, в зависимости от того, к какой сингармонической рядности принадлежало слово, к которому аффикс присоединялся. В современном калмыцком языке аффикс исходного падежа звучит весьма адекватно прежней его форме, хотя на письме имеет редуцированные формы –ас (-эс). По такому же принципу обозначались и аффиксы орудного падежа в «Ясном письме», например, -bēr, -yēr, которые читались в двух вариантах: твердорядном и мягкорядном, в зависимости от сингармонической рядности слова.

В монгольской письменности также были в орудном падеже только две универсальные формы, которые читались соответственно сингармонической рядности слова. В современном калмыцком языке сохранились те же аффиксы. Они имеют сегодня на письме формы –ар (-эр, -яр). Ст. письм. калм. соединительный падеж -luγa ~ -lüge относительно тождественен с аффиксом –ла (-лэ) современного калмыцкого языка, если учесть закономерности образования долгих гласных от долготных комплексов.

В калмыцком языке прежде не было аффикса направительного падежа типа современного калмыцкого *–ур (-ур, -юр)*. Вместо него употреблялся послелог uru, который указывал на направление протекания действия «вниз», чаще «вниз по наклону, по течению» или «по движению» чего-нибудь, например, ɣol uru «к реке», χudag uru «к колодцу». В современном калмыцком языке этот послелог во многих случаях перешел в аффикс и стал называться аффиксом направительного падежа. И это верно, поскольку, став аффиксом, он стал выражать процесс развития действия, направленное не только вниз, вниз по наклону, но и движение действия во все направления, например, *герүр* «к дому», уулур «к горе, в сторону горы», *өндр уулын ораһур* «к вершине высокой горы». Вместе с тем послелог функционирует в некоторых случаях и самостоятельно, выступая в качестве послелога, подлежащего и глагольных образований, например, *сальк уру* «по ветру», *һолын урсхл уру* «по течению реки», а также ср.: *герин уруд хорһдҗ* «приютился на безветренной стороне дома», здесь *уруд* находится в д.-м.падеже. Как существительное уру может выступать в любом падеже: *уруһар* (ор. п.), *уруһас* (исх.п .), *уруг* (вин.п.), а образованные от него глагольные формы могут употребляться в значениях: укрыться, идти вниз, по течению, опуститься (морально), например, *шуурһнас урудх* «укрыться от непогоды», сальк урудх «идти по веру», *көгшн седкләр урудад бәәв* «пожилой человек упал духом, опустился» и др.

Следовательно, послелог уру (исходная форма rū) в калмыцком языке подвергся в своем развитии фонетически и обрел различные грамматические формы и значения.

Таким образом, морфологическая структура калмыцкого языка претерпела за последние несколько веков его функционирования значительные изменения – это сращение лексических компонентов словосочетаний, представлявших собою сложное слово, редукция многих частиц, служебных слов и переход их в аффиксальные морфемы, сохраняя иногда и относительную самостоятельность, модификации многих словоформ и аффиксов. В результате этих изменений, в основном

путем полной или частичной редукции фонемной и слоговой структуры лексических единиц, аффиксы, частично и корневые морфемы выступают в разных по структуре формах. Эти фономорфологические модификации оказали, а в ряде случаев очень сильно, на семантические, грамматические и функциональные аспекты значений лексических и морфологических единиц.

В лингвистической науке утвердилось положение, согласно которому в языках алтайской группы, куда относится калмыцкий и другие монгольские языки, квалифицируемые как агглютинативные, аффиксальные морфемы «приклеиваются» к корневой морфеме, что обычно для наглядности представляют, как уже отмечадось выше, в виде паровоза, к которому присоединены малое или большое число вагонов. При этом с «паровозом» ассоциируется корневая морфема, а с «вагонами» – аффиксы, которых теоретически может быть бесконечно много. Утвердилось представление, что аффиксы свободно приклеиваются между собой и к корневой морфеме. Считается также, что морфемы, за редким исключениям, остаются без изменений. Однако исследования в этой области показали, что способы соединения морфем не всегда являются простыми, а морфемы не всегда остаются без изменений. [Чареков, 1999, с. 133-143]. Исследования калмыцкого языка, в том числе и экспериментально-фонетические материалы, убедительно показывают, что представление о сохранении в неизменных формах аффиксальных и корневых морфем в агглютинативных языках, куда относится и калмыцкий язык, уже устарело. Морфемная структура в целом, как правило, сохраняется, однако структуры самих морфем, в том числе и корневой морфемы, может подвергаться большим изменениям. Иногда структура морфем довольно сильно деформируется, тогда складывается облик нового слова с измененным или новым семантическим полем.

Глава IV. Традиции письменной культуры калмыцкого народа

Письменность – одна из самых выдающихся изобретений человеческого гения, без нее были бы невозможны и грандиозные достижения современной науки, культуры. Письменные системы, созданные на каждом конкретном языке, представляют собой ценные памятники национальной культуры и мировой цивилизации. Естественно, поэтому история возникновения и развития калмыцких и других монголоязычных письмен ных систем это важнейший аспект истории и культуры их носителей.

Калмыки и, естественно, их далекие предки, имели, как и другие монгольские народы, богатую традицию письменной культуры. Однако так складывались обстоятельства, что многие культурные достижения оказались безвозвратно утерянными, во многих случаях оставив лишь отдельные рудименты и смутные представления. К таким ценностям культуры народа относятся, в частности, и письменные традиции, которых у калмыков было очень много. Наиболее известными монголоязычными письменными системами являются монгольская письменность, которую некоторые называют еще и уйгурской, квадратная письменность, созданная Пагба-ламой при Юаньской империи Хубилай-хана. Малоизвестными остаются для широкого круга читателей киданьские письменные системы X – XII вв., созданные на иероглифической основе. Еще менее известны другие монголоязычные письменные системы, например, «Саморожденная письменность» монгольского ученого монаха, письменность Вагиндры, созданная известным ученым Агван Доржиевым, и др. При определении истории письменной культуры калмыков, принципиально важно установить к каким письменностям калмыки имели прямое отношение, а каким они имели косвенное, отдаленное отношение ил не имели никакого отношения.

1. Ясное письмо

Оно было создано, как известно, великим Зая-Пандитой в середине XVII в. и называют его «Ясным письмом», поскольку буквы были уже не полифонными, по-калмыцки «Тод бичиг», «Заяпандитским письмом» – по имени его создателя. По распространенному среди калмыков мнению, оно считается самой ранней исходной точкой отсчета истории калмыцкой письменности, что, безусловно, является явным заблуждением.

Надо сказать, что многие аспекты этой письменности вызывали до недавнего времени у монголоведов различные споры. К ним относятся такие вопросы, как причина, вызвавшая необходимость создания «Ясного письма», цели и задачи, которые ставил перед собой автор письменности, степень совершенства ее графической и орфографической систем и, наконец, вызывал споры и адресат, кому была предназначена эта письменность.

В связи с выяснением причины или причин создания «Ясного письма» невольно возникает вопрос о том, какая же была необходимость создания новой письменности, если ойраты на протяжении многих веков успешно пользовались письмом, обычно называемого монгольской письменностью. Причем, судя по данным «Биографии Зая-Пандиты», вопрос о создании новой монгольской письменности был согласован с Его Святейшеством Далай-Ламой и Панчен-Ламой, а также с предводителями ойратов, по-видимому, и с монгольскими ханами.

Ученые неизменно связывают причину создания новой письменности с желанием устранить сложность графической системы, где буквы были полифонными, что нередко затрудняло чтение. Например, одна и та же буква озвучивалась в зависимости от контекста совершенно по-разному, так, огубленные гласные твердого ряда, а во многом огубленные гласные и мягкого ряда обозначались часто одной буквой, согласные т, д также имели обозначение одной буквой, в результате чего одно и то же написание можно было прочитать как тара, дара, тере, дере, что, естественно, выступало помехой при обучении грамоте, чтении письменных, в частности, религиозных по содержанию текстов.

«Монгольское правописание отражает, – писал Н.Н. Поппе, – не нынешнее, а древнее произношение. Приблизительно так же, как английское письмо, которым мы пользуемся сейчас, часто отражает древнее, а не современное произношение английского языка» [Поппе, 1966, с.63]. Впрочем, указание на то, что полифонность монгольской письменности была одной из главных причин создания «Ясного письма» имеется и в «Биографии...». Зая-Пандите удалось создать новую графическую систему, на основе четкого и последовательно логичного реформирования общемонгольской письменности, сформировать и новую орфографическую систему, составившую основу «Ясного письма». По этому поводу Н.Н.Поппе писал: « Я думаю, что он (Зая-Пандита) был гениальным лингвистом, потому что он сделал то, что сейчас является основным требованием лингвистической транскрипции» [Поппе, 1966, с. 65]. Кроме того, совершенно иные формы обрели в «Ясном письме» орфограммы слов и морфем, например, иные структуры имели уже аффиксальные морфемы, в частности, дательно-местного, орудного, исходного и других падежей, глагольные формы. Долгие гласные в «Ясном письме» передавались с помощью диакритического знака «удан», в некоторых случаях путем удвоения и сочетания букв. Зая-Пандита ввел еще лабиальную гармонию, как теперь уже установлено, с учетом языковых особенностей монгольского языка.

И все же ссылка на полифонность буквенных знаков монгольской письменности, которая фигурирует почти во всех источниках, в том числе и в научных трудах, могла быть только одной из причин, но не главной. Комплексный анализ лингвистических данных, социокультурных условий и политических ситуаций показывает, что ссылка на полифонность букв монгольской письменности была лишь удобной мотивацией для создания новой письменности, необходимость которой была требованием самой жизни. Полифонность буквенных знаков создавала на лексико-морфологическом уровне омоформы, которые распознавались в основном по контексту. С точки зрения современной лингвистической науки это не могло быть

достаточным основанием для реформы или создания новой письменности, поскольку они представляли собой письменные формы омонимов, а омонимов, как установлено в лингвистической науке, язык не боится. Омонимов немало в любом языке, естественно, много и омографов. Поэтому с точки зрения письменного отражения монгольских слов полифонность некоторых букв не могла быть серьезной причиной для создания новой письменной системы. Тем более, что общемонгольская письменность имела уже сложившуюся последовательно логичную графическую систему, которая адекватно отражала звуковой строй языка с учетом диалектального многообразия его произношения. Более убедительно звучит мотивировка необходимости устранения полифонности алфавита монгольской письменности, только в отношении более точной передачи на монгольский язык буддийских терминов и сакральных понятий, поскольку эти термины могли иметь в монгольском варианте произношения не совсем адекватные с оригиналом звучания, что считалось не допустимым отклонением с точки зрения религиозных канонов. Этот вопрос был тогда довольно актуальным в связи с интенсивным распространением буддизма среди широких масс и переводом на монгольский язык иноязычных текстов, в первую очередь религиозных произведений с тибетского и санскрита, поскольку полифонность букв старой монгольской письменности создавала определенные сложности при их транслитерационной передаче. Но для этой цели были специально изобретенны «галики» – транслитерационные буквенные знаки для передачи иноязычных слов, хотя они не всегда были удобны для практического пользования.

Других чисто лингвистических причин для создания новой письменности не было. Создание новой письменности было обусловлено иными мотивами.

Но в монголистике бытуют и другие точки зрения в отношении причин создания «Ясного письма» и его языковой основы. Одна из них базируется на представлении, что эта письменность носит сугубо ойратский характер, согласно которой она была предназначена только для ойратской части монголоязыч-

ного населения. Соответственно этой точки зрения, языковой основой послужил ойратский язык и даже еще уже – хошутский говор – родной говор создателя письменности, поскольку Зая-Пандита был по своему этническому происхождению ойратом, из племени хошут. Другим основанием для такой точки зрения явился тот факт, что сама письменность получила распространение в основном среди калмыков в России, ойратов Монголии и Китая,. В подтверждение этого тезиса обычно приводят и зафиксированный в исторических документах факт, что инициаторами создания новой письменности были ойратские предводители, о чем в грамматическом сочинении «Узгин найруллга» Зая-Пандита написал в стихах следующее:

«Чтобы легче было счастливцам –
монголоязычным народам,
Раздели порознь различные буквы.

Чтобы легко и безошибочно можно было различать буквы, совершенствуй монгольский алфавит, – так повелели (мне Очирту-тайджи и Аблай-тайджи)» [«Биография Зая-Пандиты»].

В пользу этого тезиса можно привести и тот факт, что «Ясное письмо» послужило основой для создания и нового письменного языка ойратов, в чем был убежден и акад. Б.Я. Владимирцов. «У ойратов в половине XVII в. делается, – писал акад. Б.Я. Владимирцов, – попытка создания нового письменного языка, напоминающая попытку Пагба-ламы. Зая-Пандита, хошут по происхождению, создал в 1648 году на основе монгольского, новый ойратский алфавит (todo)». [Владимирцов Б.Я., 1929, с.. 25]. И пояснил: «Зая-Пандита со своей задачей справился вполне: он создал действительно общий литературный ойратский язык на почве ойратских говоров» [Владимирцов Б.Я., 1929, с.25]. Такого же мнения и известный монголовед Дж. Кара. «Вместе с «Ясным письмом», где действительно все знаки ясны, однозначны, сложился, – пишет он, – и новый литературный язык. В его основе лежит, вероятно, родной, хошеутский говор Зая-Пандиты; и этот литературный

язык, несмотря на его случайные книжные элементы, отражал разговорную фонетику XVII в.» [Кара, 1972, с 82].

И с этим трудно не согласиться, достаточно взглянуть на тематическую направленность оригинальных и переводных произведений на «Ясном письме». Это различные по объему и содержанию книги – религиозные, философские, астрологические сочинения, художественные произведения, медицинские трактаты, сборники легенд и преданий, биографии ученых, просветителей и др., а благодаря усилиям В.Л.Котвича на «Ясном письме» был издан «Джангар» репертура известного рапсода Ээлэн Овла.

Дополнительно можно отметить и тот факт, что «Ясное письмо» использовалось в Калмыкии и в других ойратских ханствах в Центральной Азии в качестве государственной письменности.

Однако позже Н.Н.Поппе однозначно высказался в пользу монгольской языковой основы письменности Зая-Пандиты. «Что же касается языка созданной им письменности, то в основу его лег, – писал Поппе, – разговорный монгольский (т.е. восточный монгольский) язык, на котором говорят, между прочим, и халха-монголы, наиболее значительный народ в Монгольской Народной республике» [Поппе., 1966, с.191]. Правда, никаких аргументов в пользу своего положения он не привел. К такому же выводу пришли на основе всестороннего анализа письменных памятников и исторических событий и другие исследователи, в основном это ученые Монголии и автор настоящих строк.

Показательными в этом отношении были лингвистические факты, в частности, характерная для «Ясного письма» и для восточных монголов гармония гласных. В пользу этой точки зрения свидетельствует, правда, косвенно, и тот факт, что в «Биографии Зая-Пандиты», имеются указания о том, что письмо должно было быть предназначено для монголоязычного народа. Такое указание Зая-Пандита получил от Его Святейшества Далай-Ламы. «Ради меня ступай к говорящим по-монгольски счастливцам (верующим) и переводами священных книг принеси пользу религии и живым существам», – повелел Его Святейшество.

Таким образом, Зая-Пандита получил поручение вести свою деятельность среди всех «говорящих по-монгольски». Естественно, поскольку его деятельность связана была с письменными текстами, в первую очередь с религиозными, то и создание письменности должно было быть неразрывно связано с «говорящими по-монгольски», т.е. со всеми монгольскими народами.

Х. Лувсанбалдан справедливо отмечал, что в переводных произведениях на «Ясном письме» нет указаний о звучании их названий на ойратском языке» [Лувсанбалдан, 1975, с. 8]. Это замечание тем более уместно, что в «Биографии Зая-Пандиты» и других сочинениях того времени даются сведения о таких этнических группах ойратов, как дербеты, торгуты, хошуты, хойты и др.

Однако о причинах создания «Ясного письма» необходимо судить не только на основе лингвистического анализа письменности и языковой особенности ее памятников. Требуется всесторонний анализ условий, при которых создавалось «Ясное письмо», направленность и характер социально-политической, религиозной деятельности автора «Ясного письма», вся жизнь которого была подчинена распространению буддизма и консолидации всех монгольских народов на базе его новой идеологии, основанной на религиозной, этнической, духовной, интеллектуальной, патриотической платформах.

Такая общность, такое единство были необходимы тогда монгольским народам, всем народам Центральной Азии для борьбы за свою свободу и независимость в условиях, когда ойратам, монголам и другим народам этого региона открыто угрожало маньчжурское нашествие. Естественно, поэтому и «Ясное письмо» должно было служить целям и задачам, которые ставил перед собой Зая-Пандита. Судя по всему, эти цели и задачи полностью разделяли и поддерживали его учителя и покровители – руководители Тибета во главе с Далай-Ламой. По свидетельству автора «Биографии...», сам Зая-Пандита говорил, что Далай-Лама и Панчен-Лама напутствовали перед отъездом его на родину, «чтобы он создал письменность ради интересов верующих монголоязычных народов».

Таким образом, во всех источниках, касающихся «Ясного письма», речь идет о народах, говорящих на монгольском языке, исповедующих буддизм, что, естественно, связано с деятельностью автора письменности по примирению местных предволителей, предотвращению новых конфликтов и объединению сил народов региона на базе консолидации ойратов и восточных монголов для отражения агрессии извне. Поэтому, естественно, и «Ясное письмо» Зая-Пандиты, характеризуемое обычно как ойратское, было предназначено не только для ойратов, но и для восточных монголов. Оно было построено с учетом систем и структур не только ойратских говоров, но и других монгольских языков. Эта точка зрения находит подтверждение и в том, что Зая-Пандита был приглашен тремя ханами Восточной Монголии, признан ими ламою их владений, где пребывал он около двух лет. Согласно сообщению биографа Зая-Пандиты, после общемонгольского сейма или, как нередко пишут съезда, состоявшегося в 1640 году, Рабджамба Хутугта (Зая-Пандита» был приглашен в Восточную Монголию ее правителями. «Сначала был приглашен Дзасагту-ханом, затем Тушету-ханом и Маха Самди Цецен-ханом. Зая-Пандита стал ламою семи хошунов и трех великих ханов» [«Биография Зая-Пандиты»]. Там он пробыл, по сведениям его биографа, около двух лет. Деятельность Зая-Пандиты не ограничивалась только регионом Центральной Азии, он дважды нанес визит к калмыкам, ханская ставка которых находилась тогда на Волге.

Другой вопрос касается судьбы «Ясного письма». Тогда сложилась такая политическая ситуация, которая обусловила распространение «Ясного письма» в основном среди ойратов. «Совершенному «Ясному письму» не суждено было стать, – писал А. Лувсандэндэв, – общемонгольским в силу ряда факторов, среди которых определяющими были экстралингвистические. Западномонгольским феодалам не удалось объединить монголоязычные народы под своей эгидой. Тут сказалось то, что решающую роль сыграли не столько центробежные силы самой Монголии, сколько внешние силы в лице маньчжурских агрессоров» [Лувсандэндэв, 2004, с.29].

Таким образом, в споре о языковой основе «Ясного письма» более логичной и обоснованной является точка зрения, что письменность Зая-Пандиты была с самого начала предназначена для всех монгольских народов, в первую очередь восточных монголов и ойратов, которые территориально находились на пути расширения границ новой маньчжурской империи на север. Соответственно чему графико-орфографическая система «Ясного письма» была построена с учетом данных монгольского и ойратского языков, а также с учетом системы и особенностей монгольской письменности, на базе которой она и возникла. Поэтому «Ясное письмо» Зая-Пандиты было новой монголоязычной письменностью, предназначенной для всех монгольских народов, в первую очередь для восточных монголов и ойратов.

Правда, в монголистике существует точка зрения, которая ставит под сомнение графическое и орфографическое совершенство «Ясного письма». «Говорить об орфографических нормах ОЯП как о стандартных в строгом смысле этого слова чрезвычайно трудно», – писал Г.Д.Санжеев. [1977, с. 76]. Он практически утверждал, что в «Ясном письме» не было орфографии. При этом он привел оценки других исследователей, в частности, высказывание Б.Я.Владимирцова о «неистовой безграмотности новой ойратской письменности», его комментарий, суть которого состоял в том, что «Ясное письмо» было способно передавать живую речь, но оно было сковано этимологической орфографией. «Налицо были все возможности при помощи тех же ойратских букв, – писал Б.Я.Владимирцов, – изображать живую общедоступную речь. И речь эта начала стихийно вторгаться. Но так как ойратский язык был скован этимологической орфографией, то он оказался совершенно неспособным как-либо принять и устроить непрошенных гостей. Отсюда совершенно неистовая неграмотность новой ойратской письменности конца XIX в., которая, конечно, убийственно действовала на ее развитие и распространение». [Владимирцов, 1931, с.15]. Так, с досадой писал об этом Б.Я. Владимирцов. При этом причины ошибочных написаний он

видел в сложности языковых явлений, характерных самому языку. Так, анализируя, например, монгольские книги, Б.Я.Владимирцов обнаружил в них закономерно повторяющиеся однообразные орфографические ошибки, которые «сводятся к неумению выдержанно изображать гласные непервых слогов» [Владимирцов, 19929, с. 107].

Он отмечал также, что в рукописных текстах они встречаются чаще, чем в ксилографах, а в новых печатных книгах чаще, чем в старых ксилографах ХУ11 – ХУ111 вв. «Эти ошибки объясняются, – пояснял Б.Я.Владимирцов, – «исключительно тем, что в монгольском языке прошлых лет наблюдалось то же самое явление, что наблюдается и в настоящее время, а именно: гласные непервого слога, недолгие исторически, произносились кратко, они были редуцированные, следовательно, предоставляли большие затруднения для правильного их изображения на письме» [Владимирцов, 1929, с. 107-108].

Таким образом, ученый считал, что основной причиной нарушений орфографических норм написания, встречающиеся в монгольской письменности, является редукция гласных непервых слогов, которая обуславливает неясность их звучания. Это высказывание ученого, основанное на скрупулезном исследовании и прекрасном знании всех тонкостей языка, дает возможность представить основные причины, встречающихся в текстах «Ясного письма» ошибочных написаний. Таким образом, согласно Б.Я.Владимирцову, неграмотность, встречающейся в текстах, не имеет прямого отношения к совершенству орфографических норм письменных систем как «Ясного письма, так и монгольской письменности.

2. Общемонгольская письменность

Калмыки имели самое непосредственное отношение к письменности, которая называется монгольской или старомонгольс кой. В Монголии ее называют еще уйгуржин үсэг «уйгурское письмо». В Калмыкии называют ее худма бичиг «священное письмо».

Монгольская письменность является общей для монгольских народов, в том числе и для ойратов, в частности, калмыков на Волге. Эту письменность логично было бы называть общемонгольской письменностью.

1). Гипотезы о более раннем, чем XIII век, происхождении монгольской письменности

О времени возникновения этой письменности в монголистике утвердилось положение, согласно которому она появилась в начале XIII века и непременно связано с уйгурской письменностью. Такое мнение на первый взгляд кажется логичным, ибо для нормального функционирования новому могучему монгольскому государству нужна была и письменность. Основанием для утверждения того, что появление письменности у монголов связано с именем Чингис-хана, послужила легенда, согласно которой Чингис-хан после победы над найманами познакомился с принципами письма от одного уйгура, служившего канцлером у найманского государя, и ввел у себя для нужд своей державы письменность. Более обстоятельно этот эпизод, повествующий о начале введения уйгурской письменности, изложен в источниках следующим образом: Хранителя найманской государственной печати Тататонга, бежавшего при покорении найманов, схватил живым Батый, и за пазухой у него нашли печать найманского государя. Тататонга объяснил пользу печати, его пощадили, и он стал писцом-хранителем печати Хасара, брата Чингис-хана (по монгольской летописи «Алтан тобчи», а по китайским источникам, – самого Чингис-хана). Тататонга учил монголов уйгурской грамоте.

Существуют, как известно, и другие легенды о происхождении монгольской письменности. Одна из них повествует о том, что тибетский монах Сакья-пандита Гунгаджалцан создал монгольскую письменность по форме кожемялки, которую несла рано утром на плече монголка. Французский монголовед акад. П. Пеллио заметил, что это «именно легенда, а не исторические показания». «Легенда эта довольно прозрачна и, что касается происхождения монгольского письма, не имеет ничего общего

с действительностью», – констатировал известный монголовед Д. Кара [1972, 16-17].

Таким образом, основанное на легендах и отрывочных исторических данных положение о том, что монгольская письменность берет свое начало от уйгурской, возводит истоки монгольской письменности к тринадцатому веку. И положение это воспринято было как научной, так и широкой общественностью в качестве не требующей доказательств истины и утвердилось как аксиома. Поэтому в Монголии это письмо часто называют, как было уже отмечено, «уйгурским письмом». Во всех лингвистических справочниках и научной литературе по общему языкознанию указывается, что монгольская письменность происходит от уйгурской письменности. Временем заимствования письменности от уйгур считается начало XIII века. Самым ранним дошедшим до нас памятником монгольской письменности является, как известно, «Чингисов камень», называемый еще и как «Камень Есунке», текст которого составлен в 1225 году.

Однако исследователи, которые занимались ранней историей письменной культуры монголов и уйгур заметили расхождение между временем принятия письма и его графической и орфографической совершенностью. И заставило поставить под сомнение время возникновения монгольской письменности. У Г.И. Рамстедта не было сомнения в том, что у монголов письменность существовала еще до тринадцатого столетия. Он возражал против выводов акад. И.Я. Шмидта, который «допускал монголизацию уйгурского письма со времен Чингис-хана» [Шмидт, 1832, с.25, сноска]. «Что монгольская азбука была введена на севере Монголии Чингис-ханом, вовсе не доказывает,- писал Г.И.Рамстедт, – что до него она не употреблялась монголами нигде. Уже то обстоятельство, что, несмотря на существовавшую уже тогда разницу между языком северных монголов и письменным монгольским языком, правописание у них сохранилось довольно стойко до сих пор, хотя первые писцы монгольские были даже не из северных монголов, а из уйгуров, – уже одно это обстоятельство, говорим мы, достаточно, чтобы заставить нас думать, что имелся другой, лежавший юж-

нее, центр монгольского языка, который ко времени введения монгольской азбуки на севере Монголии уже закончил приспособление чужой азбуки и установил правила правописания в своих литературных произведениях» [Рамстедт, 1908, с. 3, сноска 1].

Акад. Б.Я. Владимирцов также был убежден, что у монголов письменность существовала еще до эпохи Чингис-хана. «Приходится констатировать, – писал он, – что монгольский письменный язык XIII века является перед нами уже вполне разработанным, со строго установленной орфографией. Факты заставляют нас думать, – продолжал он, – что монгольский письменный язык возник в более раннюю эпоху, во всяком случае, до поры Чингис-хана». [Владимирцов, 1931, с. 5].

2). Гипотеза акад. Б.Я. Владимирцова о торгутском (кереитском) происхождении монгольской письменности

В монголистике появилась, таким образом, весьма обоснованная точка зрения о том, что применение письменности в период возникновения монгольской империи могло быть лишь очередным этапом ее использования и распространения, а история возникновения монгольской письменности восходит к более раннему периоду истории народа. «Но где и когда?» – ставил вопрос акад. Б.Я. Владимирцов. Монголоведы продолжали поиски времени и истоков происхождения монгольской письменности. Когда были исчерпывающе рассмотрены легенды и косвенные исторические сведения, исследователи обратились к языковым особенностям монгольской письменности с тем, чтобы определить, язык какого монгольского племени лег в основу письменного языка. Инициатива исследований в этом направлении принадлежит акад. Б.Я. Владимирцову. Считая, что монгольский письменный язык «основывался на каком-либо одном или нескольких наречиях более древней стадии, на одном наречии, которое можно назвать «древнемонгольским», Б.Я. Владимирцов ставил вопрос: «Какое же это было наречие,

где говорили на нем, какое монгольское племя было его носителем?» [Владимирцов, 1931, с. 5]. Он попытался приблизиться к решению этого вопроса путем сравнительного лингвистического анализа старописьменного монгольского языка и данных современных ему монгольских языков, тем самым определить языковую основу письменности.

Б.Я.Владимирцов, выдвинул гипотезу, суть которой изложил следующим образом: «Монгольский письменный язык, во всех своих фазах развития приблизительно одинаково отличается от всех монгольских наречий. Но есть одна черта, которая сближает его с торгутским наречием, то есть одним из ойратских. Все монгольские современные наречия и говоры, помимо прочих явлений резко отличаются от монгольского письменного языка тем, что им свойственна прогрессивная лабиализация гласных, тогда как в монгольской письменности после «о» в первом слоге может стоять «а» в случаях дальнейших, после «ö» может появляться «е». В качестве примеров приведены различные формы произношения старописьменных написаний слов: noxai “собака”, orai “вершина, макушка, поздно”. Отсутствием прогрессивной лабиализации гласных характеризуются торгутское наречие и говоры, подверженные его влиянию, например, наречие астраханских дэрбэтов и т.д [Владимирцов, 1931, с.6].

Для подтверждения своей гипотезы Б.Я. Владимирцов обратился к фактам истории и традициям культуры монгольских народов. Он считал, вслед за акад. П.Пеллио, что «торгуты происходили от племени кереит и имя свое получили от названия пресловутого Ван-хана Кереитского». В 1007 году, еще задолго до эпохи образования монгольской державы при Чингисхане (начало XIII в.), они приняли христианство несторианского толка. Возможно, что среди кереитов распространение получил и буддизм; кереиты кочевали на древней родине уйгуров, находились в сношениях с ними, а также с тангутами и другими народами Восточного Туркестана и Семиречья. Все эти данные заставляют думать, – писал он, – что именно у кереитов и началась монгольская письменность, и образовался монгольский письменный язык на почве одного или нескольких кереит-

ских говоров. Впоследствии язык этот и письмо заимствованы были Чингис-ханом» [Владимирцов, 1931, с. 6]. Вслед за акад. Б. Я. Владимировым, языковую основу письменности возводил к кереитам и Н.Н. Поппе, а самую письменность – к уйгурской [Поппе, 1937, с.12-13].

Против этого положения, правда, по прошествии довольно значительного времени, возражал Г.Д. Санжеев. «Монголистика не может утверждать, – писал он, – что в XIII веке отсутствие прогрессивной лабиализации было присуще только торгутскому диалекту или ойратским диалектам вообще. Многочисленные данные говорят как раз о том, что это было характерно тогда для всех монгольских диалектов» [Санжеев, 1964, с.7]. Это возражение известного ученого базируется, надо полагать, на установленных им этапах эволюционного развития монгольских языков, согласно которым возникновение лабиальной гармонии связано с образованием долгах гласных, а последние стали появляться, как он считал, примерно с XIV века [Санжеев, 1953, с. 77-78].

Однако эта точка зрения становится уязвимой, если учесть, что в монголистике уже имеются обоснованные положения, свидетельствующие о гораздо более раннем, если не сказать, о древнейшем происхождении долгих гласных в монгольских языках, в частности, и в торгутском говоре и ойратских языках и говорах в целом. Результаты исследований ряда известных ученых, наоборот, дают основание полагать, что лабиальная гармония была свойственна гораздо более раннему состоянию монгольских и других алтайских языков. В.Л. Котвич, который провел скрупулезное исследование лабиальной гармонии гласных в алтайских языках, в первую очередь в монгольских, практически подтвердил заключение акад. В. Радлова о том, что лабиальная гармония гласных была свойственна тюркским языкам изначально. «Следует признать, – писал В.Л. Котвич, – что мнение В.Радлова о давнем происхождении лабиальной ассимиляции очень правдоподобно и его, во всяком случае, не следует считать опровергнутым. Данные других алтайских языков тоже не содержат ничего противоречащего этому мнению». [Котвич, 1962, с. 102].

Вместе с тем сам Г.Д.Санжеев тоже не отрицал, что лексические параллели в старописьменном монгольском языке и в калмыцком языке действительно существуют. По этому поводу читаем следующее: «В пользу торгутского или вообще ойратского диалектного характера старописьменного языка, – писал Г.Д.Санжеев, – несколько слов этого языка, фонетический облик которых несомненно является только ойратским: дебел «шуба», оберни «свой» хамiга «где» и орлïге «утро» (ср. соответственно современные калмыцкие девл, эврэни, хама и халх. дэзл, өөрийн, хаа и өглөө [Санжеев, 1953, с. 15]. Из грамматических фактов им приведены только две формы – -луга – аффикс соединительного падежа и –хула – аффикс условного деепричастия. [Санжеев, 1953, с. 15]. Однако он считал, правда, без доказательств и аргументов, что эти ойратские языковые «черты, которые действительно имеются в старописьменном монгольском языке, могли быть свойственными тогда и прочим монгольским диалектам» [Санжеев, 1953, с.15]. Последняя часть высказывания вызывает серьезное сомнение. В отношении же кереитов, которые упоминаются Б.Я.Владимирцовым в его кереитско-торгутской теории происхождения монгольской письменности, он писал: «Принадлежность кереитов к ойратам не может считаться доказанным, ибо эти кереиты, разгромленные Чингис-ханом, были рассеяны повсеместно, в том числе и среди предков современных казахов» [Санжеев, 1953, с.15].

Теперь же можно с полным на то основанием утверждать, что совпадения грамматических фактов старописьменного монгольского и калмыцкого языков не ограничиваются упомянутыми выше данными.

Сомнения Г.Д.Санжеева в отношении принадлежности кереитов к ойратам на основании того, что они «рассеяны повсеместно» не убедительны, поскольку этот процесс расселения народов произошел позже, только в тринадцатом веке, а возникновение монгольской письменности произошло гораздо раньше.

Таким образом, языковые данные, которые дали Б.Я. Владимирцову основание для гипотезы о торгутско-

кереитской гипотезе возникновения монгольской письменности, как и его ссылки на этническую основу, остались не опровергнутыми. Гипотеза Б.Я. Владимирцова убедительна и при других вариантах суждения о языковой основе монгольской письменности и времени ее возникновения. Можно представить, что монгольская письменность возникла за много веков до рождения монгольской империи и в формировании и развитии письменности принимали активное участие и предки калмыков.

В результате научных поисков в монголистике появились новые теоретические посылки и предположения. Во второй половине двадцатого столетия исследования многих монголистов были направлены на установление более раннего, чем XIII в. или даже X в., времени появления письменности у монголов. К числу таких исследований относятся и труды монгольского ученого Ц.Шагдарсурэна. Его точка зрения о гораздо более раннем, чем XIII в., происхождении монгольской письменности изложены в ряде его работ.

Он опроверг бытующие в монголистике утверждения, что монгольская письменность была перенята от уйгур, конкретно от Тататонго, соответственно и гипотезу о принятии монгольской письменности в XIII веке. Исследователь аргументирует свою точку зрения не только лингвистическими фактами, но и анализом исторических событий и социокультурных традиций. На основе анализа исторических фактов он считает не состоятельным утверждение о том, что уйгуры в X-XI вв. переняли письменность у согдийцев. Этого не могло случиться, поскольку в этот период согдийцы не пользовались своей письменностью. Они были завоеваны задолго до этого арабами, поэтому утратили свою письменность и пользовались уже арабской письменностью. Кроме того, согласно сложившимся социокультурным традициям монголов, завоеватель не мог принять письменность у побежденного народа.

Весьма логично сомнение Ц. Шагдарсурэна и в отношении гипотезы о заимствовании монголами в XIII веке письменности у уйгур, поскольку уйгуры сошли с исторической сцены,

как известно, еще в 840 году под натиском кыргызов. Сомнения Ц.Шагдарсурэна оправданы еще и потому, что у уйгур в XIII веке практически невозможно было и взять письменность на согдийской основе – ее просто не было у них.

Поиски подтверждаемой историческими и письменными источниками другой монголоязычной базы, на основе которой могла возникнуть монгольская письменность, не прекращались. Надо признать, что со времени, когда акад. Б.Я. Владимирцов выдвинул свою кереитско-торгутскую гипотезу происхождения монгольской письменности, монголистика обогатилась новыми данными научных исследований, лингвистическими и историческими фактами.

Ц. Шагдарсурэн обращает внимание на приведенные в работе А. Махмутова данные о том, что уйгуры, обитавшие возле Бишбалыка, заимствовали письменность в V веке у согдийцев. [Шагдарсүрэн, 2001, с. 116].. Эти сведения он соотносит с другими фактами исторического прошлого, в частности, с выводами акад. Б.Я. Владимирцова о том, что санскритского происхождения религиозные термины попали в монгольский язык непосредственно из согдийского языка. Кроме того, в своей работе он цитирует отрывки из текста «Ухэр уулын судар» на тибетском языке. В свое время этот текст был включен Г.И. Рамстедтом в сборник по истории уйгурского народа. В цитате говорится о том, что согдийские учителя обучали уйгур и монголов письму, показывали принципы перевода на их родные языки религиозных учений, шастр, нравоучений. Ц.Шагдарсурэн приходит к весьма логичной гипотезе, согласно которой «Предки монголов не могли заимствовать в XIII веке согдийское письмо от уйгур. В VI-VII в.в. и монголы, и уйгуры одновременно переняли письменность у согдийцев. Если же учесть обобщение А. Махмудова о том, что уйгуры переняли письменность у согдийцев в V веке, то датировка возникновения монгольской письменности отодвигается вглубь веков еще на сто лет». Изложенные выше обобщения Шагдарсурэна логичны и с учетом приведенных им же исторических фактов приобретает убедительную форму.

Следовательно, время возникновения монгольской письменности, которая является письменностью всех монгольских народов (в том числе, естественно, и калмыцкого народа и его предков-ойратов), можно отнести к V веку. Это история только одной монгольской письменной системы, которой монголоязычные народы, в том числе и предки калмыков, пользовались на протяжении более полутора тысяч лет, и продолжают пользоваться и сегодня.

К этому следует добавить, что мировая монголоведная наука располагает данными о том, что монгольские племена имели письменности еще в более ранние времена, например, племенной союз Тоба, куда входили в первую очередь монголы и тюрки, имел сильное государство Тоба-вэй в IV-VI в.в. По данным китайских источников, государственным языком у Тоба был «сяньбийский диалект» древнемонгольского языка, а «другой сяньбийский монголоязычный народ III-VIII в.в. переселившийся в Северо-Восточный Тибет (тибетцы называли его –«ажа», а китайцы – «туюхунь») имел, – пишет Д.Кара, ссылаясь на Т.Д. Каррол, – письмо, похожее, по китайским сведениям, на письмо Тоба» [Кара, 1972, с. 7].

Таким образом, традиция письменной культуры монгольских народов имеет почти двухтысячелетнюю историю. Особое место в ней занимает общемонгольская письменность, благодаря тому, что она обслуживает монголоязычные народы более пятнадцати веков. Калмыки и их далекие предки пользовались этой письменностью со времени ее возникновения до начала двадцатого века. На этой письменности составлено и сохранилось большое количество художественной и религиозной, исторической и другой литературы, многие из которых представляют собой уникальные, а порой и единственные в мире экземпляры.

Другие письменные системы – сяньбийское, киданьское иероглифическое, квадратное письмо, «Ясное письмо» – являются памятниками письменной культуры монгольских народов независимо от того, восходит ли тот или иной монголоязычный этнос непосредственно к табгачам, сяньбийцам, киданям или

другим монгольским народам. В этой связи уместно процитировать высказывание известного монголоведа Д.Кара, который писал: «Монголы, буряты и калмыки наших дней – читатели и писатели моря новых книг – могут гордиться богатством письменной культуры своих кочевых предков» [Кара, 1972, с.15].

3. Киданьские письменные системы

При изложении истории монголоязычных письменных систем упускались до недавнего времени киданьские письменные системы, которые довольно долго оставались неопределенными в отношении их языковой основы, хотя некоторые высказывания, правда, без достаточно полного обследования письменных данных, уже были. И они указывали на монголоязычную основу киданьской письменности. Начиная с середины прошлого столетия, активизировалось исследование киданьского языка и его письменности силами многих зарубежных и российских ученых. Если раньше были какие-то сомнения в отношении языковой базы киданьской письменности, то сегодня совершенно очевидно, что кидании были монгольским народом. Кидани создали сильное государство, которое вошло в историю под названием Империи Ляо, территория которой простиралась от Алтайских хребтов на западе до Тихого океана на востоке. Эта могущественная держава имела огромную территорию и на протяжении всего времени своего существования – более двухсот лет (906 – 1125 гг.) поддерживала тесные связи со многими странами, в том числе и с Россией. Она играла большую роль в истории Дальнего Востока, Центральной, Средней Азии и Китая. Историки отмечают высокий уровень государственной и культурной организации киданей, например, функционировали научные и образовательные учреждения, культурные центры. Для получения образования и профессиональной подготовки к ним приезжали учиться из других стран. В империи Ляо издавались сто лучших стихов за сто прошедших лет.

Государственным языком Ляо был киданьский язык, который и после завоевания страны чжурчженями в 1125 году, сохранился в качестве второго государственного языка и функционировал в этом качестве до времени завоевания их монголами в начале XIII в. Кидании имели две письменные системы, которые назывались «Малое письмо» и «Большое письмо». В основе своей это иероглифические письменности, составленные по образцу старокитайского письма, но сгруппированные иначе, построенные по слоговому принципу. Писались иероглифы сверху вниз и слева направо. Профессор Д. Кара называет это линейным письмом. Отличались киданьские письменности наличием особых знаков для формантов. «Большое письмо» было составлено в 920 году и насчитывало несколько тысяч знаков, а через пять лет было составлено «Малое письмо», которое насчитывало более четыресот иероглифических знаков. Хотя еще не удается расшифровать полностью тексты, большинство иероглифических знаков малого киданьского письма, точнее, 378 иероглифических слоговых знаков расшифрованы.

Кидане проявляли заботу о сохранении и развитии своего языка, о чем могут свидетельствовать не только две государственные письменные системы, культурные и образовательные учреждения.

Исследованием киданьских письменных систем занимались многие ученые разных стран, например, известный китайский монголовед Чингэлтэй. Они отмечают фонолого-силлабический характер иероглифических знаков, агглютинативный строй киданьского языка.

Общий обзор киданьской письменности представлен здесь в связи с тем, что анализ исторических событий позволяет считать, что именно эти западные кидани, точнее кара-кидани, и составили позже основное ядро ойратов, предков калмыков. Л.Л. Викторова обстоятельно проанализировала исторические события, связанные с киданями, которые после разгрома Империи Ляо в 1125 году отказались подчиниться победителям чжурчженям и во главе с Елюй Даши двинулись на запад, чтобы восстановить империю. Кидани завоевали земли Карахонидов

в Восточном Туркестане, Маверанка, земли к северо-востоку от Енисея и Хорезм. Центром их государства стало Семиречье, куда еще, по данным акад. В.В. Бартольда, в первой трети XI века для охраны северо-западных земель Империи Ляо были переселены 16 тысяч семей киданей. Западных киданей называли кара-киданями, а их довольно мощное государство – государством кара-киданей.

Изложенные выше данные позволяют предположить, что киданьский язык, возможно, имеет непосредственное отношение к ойратскому языку – предку современного калмыцкого языка, следовательно, и киданьские письменные системы, воплощенные в формах «Малого письма» и «Большого письма», имели отношение к ойратскому языку того времени. В этом был убежден известный алтаист-монголовед В.М. Наделяев, который исследовал грамматическую структуру киданьского языка по памятникам «Малого письма» в сравнительном плане с языковыми данными «Сокровенного сказания монголов».

Надо сказать, независимо от того, к какой конкретной разновидности монгольских языков ни относились киданьский язык, его письменности, называемые «Малое письмо», «Большое письмо» и их памятники, они имеют прямое отношение ко всем монгольским языкам и наречиям и представляют собой уникальные памятники в системе мировой письменной культуры.

4. Квадратная письменность

Известно и немало других монголоязычных письменных систем, к которым калмыки и их далекие предки имели опосредственное отношение, а к другим, пожалуй, не имели никакого отношения. К числу таких письменностей, к которым предки калмыков имели опосредственное отношение, можно назвать государственную письменность Юаньской империи, введенную в 1269 году указом Хубилай-хана – внуком Чингисхана. Эту письменность называют «Квадратное письмо» – по

форме ее букв, или «Письмо Пагба-ламы» – по имени содателя письменности.

Причина создания новой письменности ясна. Основатель Юаньской империи мудрый Хубилай-хан проводил в стране большие преобразования, естественно, и в сфере образования, культуры, государственной идеологии. В связи с этим была необходимость введения новой государственной письменности. Тем более, что этого требовала восточная традиция, которая была свойственна и монголам, согласно которой великий правитель обычно вводил новую национальную письменность, которая именуется как династийная письменность. Она не только служила управлению государством, но и была символом государственной самостоятельности страны, символом государственной власти. По приказу императора тибетец Пагба-лама Лодойджалцан создал новую письменность на основе букв тибетского алфавита, которые подверглись определенным изменениям, а в ряде случаев дополнительно использованы были и буквы индийских письменностей. Автор придал письменности квадратную форму, а в основу орфографии положил силлабический принцип, согласно которому каждый слог имел слитное написание, отдельное от смежных слогов.

Квадратная письменность была предназначена для монгольского языка, который был государственным языком Юаньской империи. Но вместе с тем она носила интернациональный характер – была рассчитана для пользования на других языках империи.

Другие монгольские народы не вводили на своей территории эту письменность. Она явилась выражением традиции письменной культуры монгольских народов, сохраняя преемственную связь с другими монголоязычными письменностями, в том числе с письменностями, которыми пользовались предки калмыков.

5. Другие монголоязычные письменные системы

Калмыки, как и другие монгольские народы, пользовались в разное время различными письменными системами. К их числу можно отнести, например, *санскритскую и тибетскую письменности.* Особенно активно пользовались тибетской письменностью и тибетским языком, особенно в сфере религиозной деятельности, духовной культуры в связи с распространением буддизма среди широких слоев населения.

Имеются косвенные данные, свидетельствующие о том, что монгольские народы пользовались и *древнетюркским руническим письмом орхонской письменностью.* Одним из наглядных, хотя и косвенных, свидетельств чего может служить факт пользования монголами до наших дней буквами алфавита орхонской письменности в качестве клейма для скота и других случаев жизни.

Калмыки не имели прямого отношения к маньчжурской письменности, хотя она и была создана, чтобы привить ее всем монгольским народам.

Однако и были другие, в том числе и монголоязычные письменные системы, к которым калмыки и их предки – ойраты практически никакого отношения не имели. К ним относится, например, письменность *«Саморожденный алфавит»* или *«Сойомбо»,* которая была создана в 1686 году монгольским Ундер Гэгэном («Высокий святой»), но она не нашла применения на практике как письменная система в основном из-за своей громоздкости, неудобства для пользования. Буквенные знаки ее использовались больше в качестве орнаментальных изображений. И все же это памятник в истории монголоязычных письменных систем.

Письменность *Али-гали* была создана Аюши-гуши в конце XVI в. Ее называют обычно алфавитом, надо полагать, не случайно, поскольку это была по существу транскрипционная система, предназначенная в первую очередь для точной передачи на письме буддийских мантр, терминов, имен святых. При этом ссылались на полифонность монгольской письменности

как на основную причину создания Али-гали. «Буквы уйгуро-монгольского письма не могли точно передать, – пишет Д.Кара, – правильное произношение собственных имен, столь важных для буддийских писаний, и, что было еще важнее, точное произношение магических формул, заклинаний, неправильное чтение одной буквы которых уже могло – по вере ламаистов – не дать желаемого результата» [Кара, 1972, с. 72].

Другая письменность, которой калмыки совсем не пользовались, – это *письменность Вагиндры.* Она была составлена известным религиозным и общественным деятелем Агван Доржиевым в 1905 году с учетом некоторых важных принципов «Ясного письма». В ней нашли применение средства передачи долгих гласных, мягких согласных фонем. Письменность эта была составлена только применительно к бурятскому языку. К сожалению, она не нашла ожидаемого применения и в Бурятии в основном из-за отсутствия тогда необходимых для распространения письменности социальных условий. Тем не менее, это важный аспект истории монголоязычных письменных систем.

Наши предки создавали и пользовались разновидностями форм монгольских письменностей, которые представляли определенные письменные системы, например, орнаментальные разновидности общемонгольской письменности, горизонтальное квадратное письмо, курсивное письмо и др.

6. Калмыцкие письменности XX в.

Издания 20 – 30-х годов – наглядный образец неустойчивого характера графики и орфографии калмыцкой письменности, соответственно и разнобоя написания слов и морфем. Для анализа письменностей тех лет здесь использованы издания на калмыцком языке тех лет, также учебники и учебные пособия, в частности, издание известного монголоведа Дж. Кара, который опубликовал в США в качестве хрестоматийного пособия по истории калмыцкой письменности по учебной про-

грамме «Монгольские письменности» книгу, куда вошли букварь «Сарул мöр» (Хальмык узгин дэктэр), М., 1925) Нармин Лиджи, «Тоогин эсвэ» («Арифметика») для начального класса Ланкова А.В., «Улан тег» («Красная степь»), автор Косин Хонин и «Mana škol» (Книга для чтения в первом классе). М., 1930, автор Пюрвэн Бадм. Последняя из этих книг была издана уже на латинском алфавите, ознаменовала переход калмыцкой письменности на латинскую основу. Это хрестоматийное пособие издано под общим названием «The Mongolia society special Papers» в Блумингтоне (Индианский университет). Изданию предпослано в качестве вводной части книги краткая характеристика каждой книги, вошедшей в хрестоматию.

Естественно, что авторы книг в 20-х – начала 30-х годов испытывали массу трудностей при составлении алфавита, графической передаче многих фонем языка, в создании орфографической нормы формировавшихся письменностей. Это очевидно при чтении книг 20-х годах, в которых встречаются разные начертания слов и грамматических форм на одной и той странице книги. Поэтому самым наглядным образом обнаруживается в анализируемых учебных пособиях графические и орфографические противоречия в форме нелогичных графем и отсутствия последовательно системной орфографии и др.

Главными причинами чего были: 1. Слабая изученность калмыцкого языка, особенно его звукового строя. 2. Игнорирование оправдавших себя на протяжении многих веков монголоязычных письменных традиций, в том числе и «Ясного письма». 3. Отсутствие собственного опыта создания письменности и профессиональная неподготовленность авторов письменностей.

4. Политизированный характер подхода, который был главным аргументом в решении вопросов письменности, нередко в ущерб реальным фактам языка.

5. Стихийный характер составления графических и орфографических норм письменностей, необоснованная ориентированность на данные письменности других языков, естественно, без учета системы калмыцкого языка.

Итак, состояние письменных систем калмыцкого языка времен 20-х и начала 30-х годов можно проанализировать по изданным тогда книгам и учебным пособиям, из которых наиболее показательные переизданы Д. Кара.

В букваре Л. Нармаева алфавит построен следующим образом: Гласные – это гласные буквы русского алфавита плюс три буквы типа ä, ö. ӱ с диакритическим знаком «двоеточие» над этими буквами, например, сäвӱр, ширä, ӱкртä, кӱн, сӱке, ӱр, ӱкр, öвгн, ö, мöрн. Согласные буквы также состояли из букв алфавита письменности русского языка и плюс согласные с диакритическими знаками. Для передачи аффрикаты дж (транскрипционно [ђz'] используется буква ӝ с «двоеточием» над ней ӝ, например, Анӝа, ӝанӝа. Для заднеязычного носового согласного использован «козырек» справа вверху, например, öнтэ, шодын, Басын.

В алфавите отсутствует буква ъ – «твердый знак», также нет букв е и ё, хотя в тексте в одном случае буква е использована, например, тавьбе, но через несколько строк то же самое слово дано в форме тавьбэ. Скорее всего, это технического характера ошибка. Широко использовался ь – «мягкий знак» для передачи мягких согласных путем сочетания с соответствующей согласной буквой, например, хальмык, альвлва, как и в русской письменности. Вместе с тем встречаются в тексте случаи, когда мягкий знак использовался для обозначения слегка смягченных твердых согласных в мягкорядных словах, например, äмьдäр, ӱзьчкäд, хäрьнь. Это объясняется, по-видимому, тем, что тогда еще не была установлена подсистема согласных фонем калмыцкого языка, поэтому не всегда различали составители письменности аллофоны от сходных по звучанию других фонем. Согласный ч обозначался путем сочетания согласной буквы ч с мягким знаком чь, например, ачьнран, бичьӝи, бучьлэӝи, хотя буква ч, по традиции русской графики, обозначает мягкую согласную фонему без мягкого знака. Случаи же написания слов типа дочь, ночь, печь, дичь обусловлены, как известно, совсем другой причиной, а именно, морфологическим принципом орфографии, используемой для передачи того, что в данном слу-

чае слова относятся к категории слов женского рода. Отсутствие мягкого знака после ч, например, в *луч, бич, сыч, калач, палач* означает, что эти слова относятся к категории мужского рода. В букваре мягкость согласных передается также и с помощью йотированных гласных букв *я, ю,* как и в русской письменности, например, *угатя, маля, аняд, соляд, халюн.* Однако буква ю использовалась в ряде случаев и для передачи мягкорядного гласного у, хотя такая буква была в алфавите, например, *харюд, бäрюлнэ,* здесь *ю* использована вместо *у.*

Сочетания согласного й плюс гласные а или у передавались без использования йотированных гласных букв я, ю, например, *йаман, йарм, хойурн, йу, йанза* (ср. в ныне действующей орфографии: *яман, яарм, ю, янз)* .

Необъяснимым остается факт, что автор букваря не проводит различия в графике между краткими и долгими гласными. Краткие и долгие гласные обозначены одинаково одинарными буквами кратких гласных. Примеры: *хучин* «старый» (ср. реальное произношение: *хуучън), дэрэ* «вверху» (вм. *дээре), йармда* «на ярмарке» (вм. *йааръмдъ), уляд* «плача» (вм. *ууляд), кэрэ* «в степи» (вм. *кээре), килэк* «рубашка» (вм. киилег), *дэсэн* «веревка» (вм. *дээсен), хучьта* «имеющий хроническую болезнь» (вм. *хуучта), тодык* «дрофа» (вм. *тоодъг), аг* «чашка» (вм. *аагъ).*

Вместе с тем редуцированные гласные, которые в научной литературе и в педагогической практике получили названия «неясные гласные», «мутные гласные», обозначались также одинарными буквами кратких гласных: *а, о, у, э, ы, и.* Примеры: *чоно* «волк», Очир – личное имя, *ховдык* «жадный», *утха* «нож», *хальмык* «калмык», *Бэмбэ* – личное имя, *адык* «крайний», *эрдэм* «образование», *йовачи* «имеющий склонность к ходьбе», *экче* «старшая сестра», *багтхиш* «не вмещается», *биши* «нет, не», *Балтык* – личное имя, *гидэк* «называемый», *сэргэк* «чуткий, смышленый», *онис* «замок», *мэдэгдхиш* «не понятно», *одхошив* «не пойду», *доторко* «внутренний», *талмыш* «знание чужого языка». Реальное произношение этих слов можно передать как *чонъ, Очер, ховдъг, утхъ, хальмъг, Бэмбе, адъг, эрдем, йова:че, экчи, бактхъш, Балтъг, гидег, сэргег, оньс, мэдегдхеш,*

одхъшъв, дотъркъ, талмъш. Таким образом, долгие, краткие и неясные гласные калмыцкого языка на письме получили совершенно однотипное отражение, без различия их фонологических качеств по их дифференциальным признакам.

Правда, обозначение неясных гласных носило непоследовательный характер, буквы этих гласных писались, как видно из сравнительного анализа приведенных примеров, не везде, где они произносились, например, *адгм* «спешка» (произн.: адгъм), *хойр* «два» (произн.: *хойер), тавн* «пять» (произн.: *тавън), цохр* «пестрый» (произн.: *цоохър), гэсн* «сказавший» (произн.: *гэсен*), *гурвн* «три» (произн.: *гурвън*), *арвн* «десять» (произн.: *арвън*), *хурдлдык* «бегающий» (произн.: *хурдълдъг*), *нэвчкн* «немного» (*нэвчкен*).

Таким образом, в начальный период формирования письменности на кириллической основе неясные гласные обозначались обычными краткими гласными буквами. Поскольку в графике этой письменности не проводилось различие между краткими и долгими гласными, то буквы неясных гласных были такими же, как и буквы, которыми обозначались краткие и долгие гласные.

Неустойчивый, стихийный характер письменности на начальном этапе, в 20-х годах нетрудно заметить при сравнительном рассмотрении букваря Нармаева Л. и учебника по арифметике для первого класса Ланкова А.В. на калмыцком языке, изданного в том же 1925 году. Казалось бы, алфавит, графические и орфографические приемы должны были быть одинаковыми в упомянутых учебниках. Но сразу бросаются в глаза расхождения. В учебнике Л.Нармаева не представлена буква е. Во всех позициях слова используется только буква э, например, *экэ* «мать», *дэктэр* «книга», *имэ* «»метка», в учебнике же А.В.Ланкова, наоборот, фигурирует во многих случаях *е*, например, *гер бюлде* «семье», *цевр* «чистый», *керктä* «нужно» *теденä* «их», но используется и буква э только в начале слова и нередко и в непервых слогах слова, например, *эсвэ* «сообразительность», *экэ* «мать», *эцкэ* «отец», *экчэ* «старшая сестра», *бергэн* «невестка», *кехдэ* «когда сделали». Однако в обоих учеб-

никах не передаются долгие гласные. Они проигнорированы как самостоятельные языковые единицы, поэтому не получили отражения на письме.

Йотированные буквы *я, ю* используются и для передачи сочетаний *й + а = я, й + у = ю,* например, *яман* «коза», *ямаран* «куда», *ю* «что», *юнгед* «зачем».

Заднеязычный носовой согласный передается такой же буквой, что и переднеязычный носовой согласный – буквой *н*. Возможно, это обусловлено и техническими условиями. Заднеязычные и увулярные согласные передаются в учебнике Ланкова, как и в учебнике Нармаева, одной буквой *г*. Неясные гласные обозначаются также не всегда последовательно. Об орфографических нормах говорить не приходится, нередко одно и то же слова имеет разные орфограммы на смежных страницах, иногда на одной странице.

Отношение к долгим гласным в учебнике по математике двоякое. С одной стороны, они как будто бы проигнорированы, с другой, – встречаются случаи спорадического их обозначения удвоенными гласными буквами. Примеры: *аав – ав* «дедушка», *шкоолд* «в школе», *муурад* «устав», *заагт* «между», *кюкд* «дети», *баахн* «небольшой», *юрмюд* «товарищи», *буув* «спустился», *боолст* «волость».

Письменность, представленная в учебнике для 2-го класса «Улан тег» Косин Хонин, изданного в 1928 году, довольно сильно отличается от рассмотренных выше вариантов. Алфавит отличается тем, что в нем практически отсутствуют буквы с диакритическими знаками. Мягкорядные огубленные гласные *ö, ӥ* обозначаются уже буквами *v, ю,* что следует считать крайне неудачными вариантами, поскольку *v* – это согласная буква из латинского алфавита, а буква *ю* не соответствует природе калмыцкого мягкорядного гласного *ӥ,* тем более в начале слова, где в русской письменности, откуда она заимствована, буква *ю* в позиции начала слова всегда читается как сочетание *й + у*. Также неудачны передачи и некоторых гласных мягкого ряда. Примеры: *кvвюн* «сын, мальчик», *vдр* «день», *сюл* «хвост, последний», *хюрм* «свадьба, пир», *юг* «слово», *vрюн* «утро».

В анализируемой книге отсутствует буква э. Вместо нее во всех позициях слова употребляется гласная буква *е*. Примеры: *енг* «ковш», *ерт* «рано», *гер* «юрта, дом».

Написание этой буквы в начале слова вступало в противоречие с правилами русской графики, где она читается в этой позиции слова как сочетание *й* + э. В учебнике Ланкова не используется и русская буква ы, ее заменила везде буква и. Йотированные буквы я, ю не использовались для передачи мягких согласных, употреблялись только как гласные, поэтому сочетания типа *й + а, й + у* передаются соответственно *йа=я, йу=ю*. Примеры: *йу* «что», *йумн* «что-то, нечто», *йамаран* «какой», *йаhдж* «как», *байачуд* «богатые», что является в определенной степени отступлением от традиционных принципов русской графики.

Сочетанием согласных букв *д* и *ж* передавалась слабая аффриката. Примеры: *джил* «год», *гюдж* «бежал», *теджадж* «кормил». Заднеязычный носовой согласный также передавался сочетанием букв *н* + *г*. Примеры: *шангас* «от государства, от казны», *арслнг* «рубль», *мvнгhäр* «деньгами (ор.п.)».

Увулярные согласные стали обозначаться специальной буквой латинского алфавита, а именно: буквой *h*. Надо сказать, совсем не удачно, поскольку она в западных письменных системах используется для передачи фарингальных согласных, то есть согласных звуков совсем иного уклада произношения, которые совершенно не свойственны калмыцкому языку. Примеры: *hаруд* «огород», *аhурцг* «огурец», *hу* «дыня», *гер авлhн* «женитьба», *hаря* – личное имя. Этот не удачный для калмыцкой письменности способ обозначения увулярных согласных был, к сожалению, восстановлен при очередной реформе письменности в начале шестидесятых годов. аиӣø

В 1930 году вышел в свет учебник для 1-го класса Пюрвеева Бадм, но уже на латинице. Это была уже новая письменность. В алфавите 31 буква, естественно, в нем нет йотированных букв *я, ю, е,* соответственно нет и твердого знака, который используется в письменной системе русского языка в качестве разделительного знака. Употребление диакритических знаков сведено

к минимуму, но используются только две разновидности – диакритический знак «хвостик» применительно к согласным *ş*, *č*, *ŋ*, для передачи согласных ш, ч, заднеязычного носового ң. В отдельных случаях использована «черточка» посредине буквы ƶ для передачи слабой аффрикаты [дж]. Примеры: *bişnь* «сами», *şkolinь* «их школа», *haxulь* «удочка», *alьvlad* «забавляясь», cucad «испугавшись», şilvr «кнут», ƶil «год», Liƶ – собственное имя, *čingnvr* «весы».

Для передачи увулярных согласных сохранилась прежняя не удачная практика. Для обозначения так называемых специфических калмыцких гласных в учебнике введены буквы *ә*, *ө*. Для передачи мягкорядного гласного *ү* использована буква *y*. Примеры: *bәnә* «есть, имеется», *kөvәd* «плавая», *әmn* «душа», *өrk* «труба, семья», *kөvytә bәnә* «находится с сыном».

Отражение долгих гласных носит в этом учебнике спорадический характер. В тексте встречаются написания типа *aav* «дедушка», *uudg* «пьющий», *cuuv* «плащ», *kyykd* «девочки». Однако долгие гласные в целом ряде слов обозначены одинарными гласными буквами: eƶ «бабушка», (вм. ожидаемого eeƶ), *nosan* « свою шерсть», (вм. noosan), *način* «играет» (вм. *naačana*), *erč* «прядет», (вм. *eerč*), *nyny* «кочует» (вм. ожидаемого *nyyny*), *Kemä* – собственное имя (вм. Keemä).

В учебнике Пюрвеева Б. впервые в калмыцкой письменности не получили отражения неясные гласные. Таким образом, если краткие, долгие гласные получили в письменности на латинской основе более или менее адекватное отражение, то неясные гласные были окончательно изгнаны из письменности. Пожалуй, тогда и было положено начало ныне действующей «консонантной» калмыцкой орфографии, по которой многие слова обрели на письме формы, где в первом слоге содержится только один гласный и множество сочетающихся согласных в непервых слогах слова. И в последующих реформах, например, при переходе с латиницы на новую письменность на кириллической основе неясные гласные ни разу уже не обозначались, за исключением случаев произвольного обозначения их в поэтических произведений некоторых писателей.

Надо отметить, что согласные на стыке морфем и в исходе слова получили в учебнике Пюрвеева Б. более адекватное отражение, чем в учебниках Нармаева Л. И Ланкаева, хотя правила их обоснования отсутствуют.

Нормативы новой только что формирующейся письменности представляли тогда очень важную проблему, связанной с острыми социально-лингвистическими аспектами жизни калмыцкого общества и монголоведной науки. Практическое калмыковедение только начинала складываться. Ощущалась слабая изученность калмыцкого языка, малочисленность подготовленных кадров, что затрудняло возможность решения вопросов письменности на должном теоретическом уровне, с учетом грамматической системы языка. Мало того, о теоретических аспектах языковых явлений даже не вспоминали. Основным руководством при решении графических и орфографических вопросов были рекомендации и указания центральной комиссии по письменности народов страны. Правда, при этом ориентировались на письменность русского языка, но без сколько-нибудь серьезной корректировки сообразно данным системы калмыцкого языка. Наглядным свидетельством чего являются попытки обозначать долгие гласные по образцу ударенных гласных русского языка одинарной гласной буквой, что, естественно, противоречит самой природе калмыцкого языка. Надо сказать, было много положительных аспектов и в механических переложениях правил графики и орфографии русской письменности на почве калмыцкой языка, например, способы передачи мягких согласных фонем на письме путем сочетания согласного и мягкого знака: *ть, дь, нь, ль;* путем сочетания их с так называемыми йотированными гласными буквами: *тя, тю, дя, ля, лю, ня, ню* и в какой-то мере и путем сочетания с гласными *и, е: ти, ли, ни, де, те, ле, не.*

Одной из труднейших проблем калмыцкой письменности нового времени представлял собой вопрос об обозначении на письме неясных гласных. Он создал проблемы, которые особо остро стали ощущаться при последующих изменениях языковой ситуации.

Многие считали тогда, да и гораздо позже, даже в наши дни, что неясные гласные не имеют никакого значения для языка. На такое убеждение наталкивали, с одной стороны, свойства самых неясных гласных, а именно, их частое исчезновение, перемещение, резкое сокращение их длительности, соответственно их акустическая нечеткость, трудность их идентификации с другими гласными, например, с краткими гласными первого слога слова. Все это создавало впечатление, что неясные гласные в калмыцком языке и есть то отсталое и отживающее, от которого надо отказаться. Иными словами, многим это давало основание полагать, что неясные гласные относятся к таким явлениям языка, которые исторически обречены на исчезновение. Согласно господствующей тогда в обществе идеологии, аналогичные явления расценивались не иначе, как «пережиток прошлого», не совместимый с современностью, тем более с будущим. Но самое главное состояло все же в том, что неясные гласные были не опознаваемы на слух, не поддавались тогда лингвистической дефиниции. Не были установлены ни фонетическая природа, ни функциональная роль, ни фонологическая сущность неясных гласных калмыцкого языка. На слух далеко не все их улавливали, а если кто-то слышал их, то не во всех позициях слова и то не очень четко.

К сожалению, сыграло негативную роль и то, что авторами калмыцкой письменности на кириллической основе были проигнорированы и богатые многовековые письменные традиции, которым были характерны полногласие и силлабичность. Другим фактором, оказавшим определенное влияние на сложение графики и орфографии калмыцкой письменности 30-х годов, было механическое перенесение чисто внешних явлений русской письменности без учета системы и структуры калмыцкого языка.

И, наконец, принципы графики и орфографии, как и правила правописания и другие важные решения по калмыцкой письменности, принимались тогда «революционным способом» – путем простого голосования, а не на основе научно обоснованных доводов. Известный монголовед и алтаист Ц.-Д.

Номинханов говорил по этому поводу: «Орфографические вопросы утверждались в 30-х годах путем голосования».

В результате такого подхода к решению важнейших вопросов письменности создавались основы калмыцкой орфографии, передающей далеко не адекватно формы живого языка. Поэтому с самого начала введения ныне действующей орфографии возникло противоречие между двумя формами существования языка – устной и письменной.

Надо сказать, на начальном этапе своего функционирования в 30-х до начала 40-х годов (до 1943 года), эти противоречия не ощущались столь остро благодаря тому, что тогда не было калмыка, который не владел бы родным языком. Поэтому большие и малые погрешности в графике и орфографии оставались не столь заметными. И это нетрудно представить, если учесть, что существуют, например, иероглифические письменные системы, где нет побуквенного прочтения слов. Такое восприятие письменности допустимо с учетом того, что калмыцкое население было тогда в большинстве своем одноязычным, сравнивать и сопоставлять было не с чем. Кроме того, новая письменность, точнее, новые письменности воспринимались тогдашними носителями языка как самое последнее слово передовой мысли о языке, как лучшая письменная форма языка. Этому способствовали условия. При тогдашнем очень жестком режиме власти люди могли выражать только одобрение и в отношении письменности, поскольку критика расценивалась тогда, как действие, направленное против власти, была чревата нежелательными последствиями. Можно к этому добавить, что критиковать тогда, в конце 30-х годов, было практически некому.

Но ситуация довольно резко изменилась к середине 50-х годов, после длительного перерыва отсутствия практики обучения родному языку, в результате сибирской ссылки калмыков: заметно убавилось число носителей калмыцкого языка, появилось и немало людей, которые совершенно не владели материнским языком, например, те, которые воспитывались в сибирских детских домах и приютах. Уровень владения род-

ным языком у большинства населения был заметно сниженным. Характерной чертой калмыков после сибирской ссылки было двуязычие. Кроме того, выросло целое поколение людей, составляющее большинство калмыцкого населения, которое не имело совершенно никакого представления о калмыцкой письменности, ее орфографии. Естественно, они не знали калмыцкую литературу, имели слабое представление о культурных ценностях своего народа. Вот тогда-то всплыли на поверхность социокультурной жизни общества недостатки и противоречия калмыцкой письменности. Этому способствовал незаметно изменившийся социальный статус калмыцкого языка в худшую сторону, что отразилось в первую очередь на систему обучения родному языку в школах республики. Уроки калмыцкого языка и литературы как будто бы и были обязательными, но оказались практически на положении факультатива. И национальные предметы в системе школьного обучения оказались в положении золушки. Такая ситуация объективно выступала препятствием в процессе обучения родному языку. Учителям было трудно переориентироваться в сложившихся условиях. Попытки перестроить учебный материал натолкнулись на целый ряд трудностей, в частности, связанных с несовершенством калмыцкой письменности.

Расхождения между двумя формами существования языка породили трудности в чтении. Практически сложно, а иногда и невозможно, прочитать слова, передаваемые на письме по модели: первый слог с гласной буквой + сочетания согласных букв, число которых иногда достигает десяти – одиннадцати, например, *усн* «вода», *худл* «ло́жь», *мергн* «меткий, мудрый», *унтрх* «гаснуть», *тогтнх* «успокоиться», *өвдг* «колено», *өндгн* «яйцо», Босхмљ – собственное имя, кґтлвр «путеводитель», *заһрмг* «волосы на висках», тоњєлзх «наклоняться низко», љивртн «пернатые», *өндглх* «снести яйцо», *түңгрцг* «кисет, сумочка», *көглҗрһн* «голубь», *әкрмдлһн* «задыхание», *арһмҗллһн* «заарканивание», *һанзһлгдхмн* «будет прикреплено к тороке», *көдлмшчнртднь* «его рабочим» и т.п. Причем учебники и нередко научного характера грамматические сочинения отрицали

наличие неясных гласных в этих и подобных им словах, содержащих многочисленные сочетания согласных букв. Поэтому на вопрос: – Сколько слогов в слове? Учащиеся отвечали: – Один слог. Отвечали они так по числу гласных букв, содержащихся в слове. Однако такое представление не совпадало с реальным произношением подобных слов, которые содержали неясные гласные и соответственно имели в своем составе не один, а несколько слогов. Сравните те же слова, но с соответствующими неясными гласными и разделенными на слоги: *у-сън, ху-дъл, мэр-ген, ун-тър-хъ, тог-тън-хъ, өв-дег, өн-дген, Бос-хъм-җе, кө-тел-вер, за-һър-мъг, тоң-һъл-зхъ, җи-вер-тен, өн-дгел-хе, түң-гер-цег, кө-гел- җер-һен, ар-һъм-җел-ле-һен, ә-крем-дел-ле-һен, һан-зһъ-лъг-дъх-мън, кө-дел-меш-чнер-тдень.*

Однако трудности для правильного чтения были связаны не только со словами, которые имели множество согласных после первого слога, но и со словами на первый взгляд более простыми, типа: *эн* «этот», *эк* «мать», *ах* «старший брат», *ут* «длинный», *аав* «дедушка», *уул* «гора», являющихся в реальном произношении двухсложными – *эне, эке, ахъ, утъ, аавъ, уулъ.* Провоцируют на неправильное произношение слова типа: темн «большая игла», *күрн* «хорек», *өмн* «впереди», *бахн* «столб», *берн* «лады», которые могут быть прочтены слабо владеющими языком двояко как *тэмен* – тэмне (правильный вариант), *бахън* – *бахнъ* (правильный вариант), *күрен* – *күрне* (правильный вариант), *өмен* – *өмне* (правильный вариант).

Кроме того, встречаются немало слов, которые имеют двоякое произношение, но орфограммы их скрывают реальное звучание, например, *гөлм* «паутина» имеет два варианта произношение: *гөлем –гөлме, толъв – толвъ, терем – тэрме, харъм – хармъ, селем –сэлме, ирег – ирге* и др.

Словоформа *күрәд* представляет собой омоним двух разных слов с разными значениями *күрәд* (разделительное деепричастие) от күрх «дойти», *күрәд* (в произношении күрә:де) «в монастыре (дат.-местн. пад.)», *манад* – разделительное деепричастие от *манх* «сторожить, караулить», *манад* (в произношении *манна:дъ*) «у нас (дат.-местн. пад.)».

Поэтому вопросы, связанные с несовершенством письменности, обрели в конце 50-х и в начале 60-х годов особую остроту. Учителя калмыцкого языка сталкивались на практике с большими трудностями, испытывали сложности, когда нужно было объяснять учащимся, что собой представляют неясные гласные, почему они не обозначаются на письме, как следует их произносить и другие вопросы. Многие учителя выступали на страницах местных газет и на школьных конференциях. Они писали, что неясные гласные нужны на письме и пытались даже обосновать это, приводили примеры, когда неясные гласные произносятся более четко, например, в конце слова, когда читают стихи, когда поют песни. Другие придерживались иного мнения, утверждали, что неясные гласные не играют никакой роли в языке, поэтому они считали, что нет необходимости их обозначать на письме. Третьи полагали, что наличие неясных гласных может быть признано только в абсолютном конце слова и то не всегда. Научных обоснований и доказательств в этих суждениях не было. Необходимость научного изучения неясных гласных была очевидна. Естественно, необходимо было исследовать и определить характер артикуляционного образования неясных гласных во всех позициях слова, акустические их качества, функциональную роль, количество и место этих гласных в подсистеме гласных фонем калмыцкого языка. Результаты исследования должны были дать ответ на важные для практики вопросы: какими качественными характеристиками они обладают по сравнению с другими гласными языка, сколько их в количественном отношении, какова необходимость обозначения их на письме, то есть какое значение неясные гласные имеют в системе языка и какое место занимают они на фонологическом уровне. При позитивных результатах в отношении необходимости их обозначения на письме, нужно было изучить и установить и научно обоснованные принципы, руководствуясь которыми можно было бы легко и безошибочно писать буквы неясных гласных.

Однако вскоре выяснилось, что для решения перечисленных выше вопросов необходимо исследовать и другие аспекты системы калмыцкого языка, в первую очередь его фонетический

строй в целом, включая сюда и дифференциальные признаки гласных и согласных фонем, характер их функционирования в отдельно произнесенных словах и потоке речи, типы калмыцких слогов и принципы слогоделения, морфологические структуры слов и др.

Исследования фонологической системы калмыцкого языка и графики, орфографии его письменности показали, что помимо вопросов, связанных с неясными гласными и не обозначением их на письме, были и другие проблемы, создавшие расхождение между устной и письменной формами существования языка.

7. Языковая и литературная основы формирования калмыцкого литературного языка в XX веке

Литературный язык как высшая форма существования языка формируется, как известно, на протяжении довольно длительного времени. Основными компонентами в процессе становления литературного языка обычно являются: языковая база и традиции литературного наследия.

В отношении первого компонента, можно сказать, что вопросов возникало при формировании литературных языков немало. Но специально созданный комитет по созданию письменностей и литературного языка оказывал на местах организационную, методическую помощь в форме рекомендаций, например, об унифицированных способах обозначения долгих, неясных и других отличительных фонем национального языка. Вскоре, после реализации языковой политики, было объявлено, что многие письменные системы, в том числе и калмыцкая письменность, построены на «фонетико-морфологическом принципе орфографии».

Литературный язык создается вместе с тем на базе живого языка. Если же литературная традиция утрачена или ее не было, то основой литературного языка могут быть один или более (обычно не более двух) диалекта или говора. Выбор диалектной базы для калмыцкого литературного языка был облегчен тем, что, во-

первых, число калмыцких говоров оказалось минимальным, всего два говора – дербетский и торгутский говоры. Во-вторых, различия между ними были тоже минимальными. Они оказались очень близкими как по своим структурным данным, так и по лексическому, морфологическому составу и звуковому строю. К тому же они уже были взаимно адаптированы в результате совместной их деятельности и тесных контактактов на протяжении тысячелетий.

Диалектную классификацию калмыцкого языка сделал еще акад. Б.Я.Владимирцов и поместил в своей «Сравнительной грамматике …», где он выделил дербетский говор, с подговорами: большедербетский и бузавинский, и торгутский говор с подговорами: уральский и оренбургский. В поздних диалектологических работах обычно перечисляется немало различий этих говоров на фонетическом, лексическом и морфологическом уровнях. Однако при более детальном их изучении становится очевидным, что этих различий совсем немного и они не существенны. Так, к числу фонетических расхождений калмыцких говоров обычно относят употребления огубленных гласных [о, у, ө, ү], в транскрипции по УУФТ

[ɔ, u, œ, ү] в некоторых калмыцких словах.

Дербет.	торгут.	Орфогрмма	Значение
цомърха	цумърха	цумрха	«проваливающийся»
хомха	хумха	хумха	«высохший»
һорвън	һурвън	һурвн	«три»
омъш	умъш	умш	«крупица»
өвел	үвел	үвл	«зима»
өмкә	үмкә	үмкә	«протухший, вонючий»
төвед	түвед	төвд	«Тибет»
хөмхе	хүмхе	хүмх	«подтягивать (подол)»
хөве	хүве	хүв	«доля, счастье»

Подобные расхождения в произношении слов не имели никакого существенного значения. Во-первых, семантика слова была очевидной для всех при любом из этих форм произношений. Во- вторых, таких слов в калмыцком языке немного. В-третьих, эти расхождения в произношении представителей обоих говоров носят фонетически обусловленный характер, они зависят от соседних согласных периферийной артикуляции. Но в ряде случаев и в таких фонетических условиях разнобоя в произношении не бывает. В-четвертых, в некоторых случаях эти варианты произношения возможны вне зависимости от принадлежности говорящего к тому или иному говору, например, дербет может произнести не только как горвън, но и как гурвън.

Расхождения в употреблении огубленных гласных среднего и высокого подъемов артикуляции были свойственны монгольским языкам всегда в позиции не только с губными согласными. Но и иногда и после согласных занеязычной и увулярной артикуляции, о чем свидетельствуют и написания в «Ясном письме» неопределенного характера огубленного гласного после согласных [ǫ], [x], например, огубленный гласный после согласного [ǫ] в словах типа gurban «три», gulamta «домашний очаг, печь» передавался знаком, похожим по форме и корпусу на огубленный [u], но без черточки вперед и вниз, то есть этот знак, которого не было в алфавите, использовался для передачи различной степени подъема огубленных гласных твердого ряда. Носители языка в зависимости от того, произносят ли они в таких случаях гласные [o] или [u], имели право выбора.

То же самое можно сказать и в отношении огубленных гласных мягкого ряда ö, ü в аналогичных фонетических условиях, например, гласный первого слога в ЯП в словах типа öböl «зима», gübekü «встряхивать», где гласные первого слога передавались буквами, похожими на [ö] но без поперечной черточки вверху, направо – вверх. В этом тоже обнаруживаются расхождения в реальном произношении и универсальный характер форм их передачи на письме.

Аналогичные расхождения в произношении были характерны разным монгольским языкам всегда и в письменной практике могла быть закреплена любая из форм произношения, например, в монгольской письменности закреплены правилами правописания формы: *өвөл* «зима», *гурав* «три», *Түвэд* «Тибет».

Таким образом, этот тип расхождения в произношении отдельных слов в двух основных говорах калмыцкого языка был преодолен при становлении новой калмыцкой письменности совершенно безболезненно и разумно. Тем более, что очень много примеров, когда в аналогичных фонетических условиях не возникают расхождения в произношении огубленных гласных, например, *сүмсн* «душа», *томх* «плести», *хов* «сплетня».

Другое диалектального характера расхождение связано с нарушением закономерности употребления гласных в словах твердого ряда в произношении представителей отдельных дербетских подговоров в результате монофтонгизации дифтонга *ai*, который в непервых слогах слова переходил в гласные [ә:] и [ә], в точной транскрипции [æ:, æ].

ЯП	дербетское	торгутское	орфограмма	значение
Dalai	дала –далә	дала	дала	«океан»
manai	мана – манә	мана	мана	«наш»
noxoi	ноха – нохә	ноха	ноха	«собака»
toxoi	тоха – тохә	тоха	тоха	«локоть»

В данном случае гласные [ә, ә:] в непервых слогах многосложных слов были результатом монофтонгизации дифтонгов. Процесс дифтонгизации в двух говорах завершился двояким результатом: в торгутском говоре – гласными [а:] и [а], а в дербетсом говоре тоже – монофтонгами [а:, а], но чаще гласными [ә:,ә], при этом слово сохранялось как твердорядное. По-видимому, В.Л. Котвич не случайно назвал гласные [ә:,ә] гласными нейтрального ряда. Однако употребление [ә:, э] в словах твердого ряда характерно не всем подговорам дербетского говора.

Поэтому совершенно справедливо, что в этом случае при формировании графико-орфографических норм калмыцкой письменности выбор пал на вариант торгутского говора, который обеспечивает сингармоническую целостность слова.

Первый вопрос, который тогда возникал – это: какие различия имеются в подсистемах согласных фонем обоих говоров, какие варианты из них использовать в качестве лингвистической основы литературного калмыцкого языка. Другим был вопрос о том, какие способы передачи фонем на письме использовать.

Подсистемы согласных фонем дербетского и торгутского говоров в целом очень близки, совпадают практически во всем, за исключением мягких согласных, которые характерны для дербетского говора и многие из них отсутствуют в торгутском говоре. По этой причине многие слова, содержащие согласные в дербетском говоре, остаются твердорядными, а в торгутском говоре – мягкорядными. Это отчетливо видно на следующей таблице.

ЯП	дербетский	торгутский	орфограммы	значения
salikin	салькън	сэлкен	салькн	«ветер»
soliku	сольхъ	сөлхе	сольх	«менять»
patira	патьр	пэтер	патьр	«квартира»
matixar	матьхър	мэтхер	матьхър	« кривой»
budia	бу:д̀а	бү:дэ	будя	«зерно»
modiruun	модьрун	мөдрүн	модьрун	«грубый»
tanixu	таньхъ	тэнхе	таньх	«узнать»
sonin	соньн	сөнен	соньн	«новость»
unin	уньн	үнен	уньн	«жердь»

Как видно из таблицы мягкие согласные фонемы были характерны для калмыцкого литературного языка XVII века. Благодаря мягким согласным сохраняется твердорядность слова, что свойственно и другим монгольским языкам.

Иными словами, в годы становления нового литературного калмыцкого языка стоял вопрос писать *хальмг* или *хэлмг* «кал-

мык», *сольх* или *сөлх* «менять», *бодь* или *бөд* «святость», *хатяр* или *хәтәр* «редкий». Эти различия вызывали в первое время функционирования письменности психологического характера реакцию. Однако к таким формам слов в устной речи и на письме привыкают. Тем более, что некоторые мягкие согласные, например, *нь, ль* не чужды и торгутскому говору, особенно в конце слова, где нь выступает в качестве показателя принадлежности третьему лицу, выполняя тем самым морфологическую функцию. Правда, количество слов с такими мягкими согласными незначительно.

Вне поля зрения исследователей остается в калмыцком языке диалектальное расхождение по признаку открытости и закрытости конечного слога слова. Дербетскому говору свойственно произносить слова с конечным закрытым слогом, а торгутскому – с открытым конечным слогом. Эта произносительная особенность калмыцких говоров является древнейшей их различительной чертой. В устной форме общения, как для говорящего, так и для слушающего это различие не существенно, даже остается не заметным, поскольку оно никакой смысловой нагрузки не несет, а носители обоих говоров адаптировались. Однако ее значение существенно меняется, когда речь идет о письменном отражении этого различия.

Для наглядности приведем некоторые примеры.

Дербетский говор	торгутский говор	орфограммы	ЯП	значения
оньс	өнсе	оньс	onis	«замок»
тэрем	тэрме	терм'	terem	«стена»
зәрем	зәрме	зәрм	jarim	«некоторые»
күмсег	күмскҿ	күмсг	kümüseg	«брови»
хүрем	хүрме	хүрм	свадьба, пир	«пир, свадьба»
кэвес	кэвсе	кевс	kebes	«ковер»

өрем	ормс	өрм	öröme	«сметана»
буръм	бурмъ	бурм	buram	« д и к и й мед»
дэл	дэле	дел	del	«грива»

Однако тенденция к открытости конечного слога слова дает о себе знать и при сегодняшней консонантной орфографии, особенно когда последним согласным слова является заднеязычный носовой согласный. Примеры:

Дербетский	торгутский	орфограммы	ЯП	значения
аң	аңгъ	аң	aŋgi	«зверь»
заң	заңгъ	заң	jaŋ	«нрав, характер»
дүң	дүңге	дүң .	düŋgi	«итог, результат»
дөң	дөңге	дөң	döŋ	«помощь»

Надо сказать, что тенденция к открытым слогам в конце слова, которая является характерной закономерностью для монгольских языков древнейших времен, используется в алтаистической науке как один из важнейших критериев определения принадлежности слов к монгольской или тюркской группам языков.

Один из основоположников алтаистики В.Л.Котвич писал: «В тюркских языках существует большое количество односложных слов, главным образом корней имен существительных и корней с конечным согласным, имеющих в монгольском одинаково звучащие параллели, удлиненные, однако, присоединенные в конце гласным звуком, в результате чего в этих языках образуются односложные и двусложные основы или слова» [Котвич, 1962, с. 36]. При этом, ссылаясь на высказывания и положения ряда известных ученых, Котвич В.Л. приходит к следующему выводу: «Таким образом, в монгольском языке, видимо, существовала тенденция удлинять как односложные, так и

двусложные основы не только путем прибавления гласных, но также и другими способами» [Котвич, 1962, с.42].

Исследуя ранние тюрко-монгольские языковые связи, известный алтаист А.М.Щербак также отмечал предрасположенность монгольских языков к открытым слогам и охарактеризовал ее как «затухающее» явление. «В большой группе слов приходится иметь дело, – пишет он, – с особенностью, которую следует рассматривать как явление затухающей тенденции к открытости слова в монгольских языках» [Щербак, 1997, с.172].

Это положение в определенной мере применимо и калмыцкому языку, точнее, к его дербетскому говору. В торгутском же говоре явление, которое получило в науке название «тенденция слов к открытому слогу» весьма устойчиво.

Остальные расхождения между двумя основными говорами калмыцкого языка незначительны и обусловлены больше особенностями дистрибутивных отношений при сочетании фонем и носит в основном частный характер.

К счастью, оказались незначительными и морфологические различия. К ним можно отнести, например, форму повелительно – пожелательного наклонения, которая в дербетском говоре имеет аффикс *-ый* – *-ий*, а в торгутском – *-йа* – *-йә*. Для иллюстрации приведем следующую таблицу.

Дерб.	торгут.	Орфограмма	ЯП	значение
йовий	йовйа	йовий	jobiya	«пойдем»
олый	олйа	олый	oliya	«найдем»
бәрий	бәрийә	бәрий	bariya	«поймаем»
урълдый	урълдйа	урлдый	uraldya	«давай состязаться»

Аналогичным образом выглядят в произношении обоих говоров и форма прошедшего времени на *–в*.

Дерб.	торгут.	Орфограмма	ЯП	значение
ирев – ирве	ирвә	ирв	irebe	«пришел»

су:въ	су:ва	суув	souba – soubai	«сел»
ташъв(ъ)	ташва	ташв	tasiba	«ударил»

Изложенные выше диалектального характера расхождения в произношении отдельных грамматических форм являются в семантическом отношении индифферентными. Такие различия обычно не замечают, особенно если они уже адаптировались. Они создают некоторые проблемы при формировании орфографических норм письменности и соблюдении правил правописания. Однако здесь «помог» консонантный принцип калмыцкой орфографии, который скрывает имеющиеся в произношении расхождения, но в ущерб орфоэпии.

Таким образом, близость говоров в языковом отношении значительно облегчило решение проблем формирование новой калмыцкой письменности в 20 – 30-х годах.

Другим важнейшим фактором при создании новой письменности является литературная традиция, если она была и ею решили воспользоваться. Калмыки имели солидную литературу на общемонгольской письменности и на «Ясном письме». Однако в годы становления нового литературного языка вынуждены были отказаться от ранних литературных традиций, поскольку она, как тогда казалось, не может быть полезна для нужд нового времени. Новая калмыцкая литература в те годы только- только зарождалась. И в таких условиях был использован в качестве исходной основы язык произведений устного народного творчества – сказок, пословиц, поговорок, рассказов, преданий, язык устных форм произведений национальной и особенно переводной художественной литературы, которые в письменной форме не смогли сохраниться в силу неблагоприятных для хранения книг условий кочевой жизни. Надо сказать, что содержания многих литературных произведений были в калмыцкой среде часто практически тождественны устным формам их существования. Видимо, поэтому Б. Я. Владимирцов не без основания называл устной литературой многие произведения, записанные из уст сказителей.

В этой связи необходимо подчеркнуть, что подлинной основой складывающегося в начале XX в. нового литературного языка калмыков послужил язык шедевра эпического творения – героического эпоса «Джангар». Этому содействовало и то обстоятельство, что к тому времени были известны песни «Джангара», записанные от рапсода Элэн Овла в начале прошлого века Номто Очировым и акад. В.Л.Котвичем (10 песен). Они были изданы В.Л. Котвичем на «Ясном письме» в 1910 году, затем они издавались на новых письменных системах, особенно в связи с подготовкой к 500-летию эпоса «Джангар». К ним были добавлены еще две песни эпоса, записанные в 1865 году и несколько раз издававшиеся на «Ясном письме» в «Хрестоматии калмыцкой литературы» А.М.Позднеева. Поэтому ко времени формирования калмыцкой литературы и литературного языка нового времени тексты эпоса «Джангара», которые отличались высоким художественным стилем сами по себе, прошли еще и стадию литературной обработки с учетом читателей. Тексты «Джангара» печатались на страницах газет и журналов, учебников и учебных пособий, передавались по радио. Учащиеся знали наизусть многие песни эпоса. Язык «Джангара» был понятен представителям всех этнических групп калмыцкого народа.

Таким образом, богатый выразительными средствами, изящный и колоритный язык эпоса «Джангар» послужил основой формирования нового литературного калмыцкого языка. На базе «Джангара» и произведений устного народного творчества выросли целые поколения замечательных калмыцких писателей, творческое наследие которых представляет собой целую эпоху зарождения и развития калмыцкой литературы и калмыцкого литературного языка.

Заключение

Эпистемологический сравнительный анализ систем калмыцкого языка XVII в. и современного его состояния позволяет сделать ряд выводов и обобщений об основных закономерностях его развития за последние 400 лет функционирования.

Система калмыцкого языка сохранила свои фундаментальные основы. Однако произошли определенные изменения, как в самой системе, так и на уровне ее реализации при функционировании языка. Наиболее существенными из них являются:

1.Редукция кратких гласных в непервых слогах слова и образование неясных гласных фонем [ʌ̀, ə̀, ì], противопоставленных всем гласным полного образования (кратким и долгим) очень слабой напряженностью артикулирующих органов при их образовании. В результате в подсистеме гласных фонем возникло противопоставление гласных по признакам «напряженность// ненапряженность» (V > V̀).

2. Во многих случаях произошла и полная редукция кратких гласных непервых слогов. Она повлекла за собой ряд других изменений в структурах слоговых, лексических и морфологических единиц.

2.1. Полная редукция кратких гласных непервых слогов повлияла на слоговую структуру слова. Типы слогов калмыцкого языка в целом сохранились, их можно представить в виде моделей V, VC, CV, CVC, где V- гласные, а С – согласные. Однако произошли изменения в составе консонантных элементов структуры слога, точнее, консонантно-начальный элемент Сн слога, расположенный в середине многосложного слова, прежде состоял, как правило, из одной согласной фонемы и очень редко двух согласных. В результате полной редукции краткого гласного увеличилось число сочетающихся согласных в середине слова. Поэтому в слоговых структурах типа СнV (VC) , СнVСк (CVC) Сн мог состоять из одной согласной фонемы и нередко из сочетания двух, трех согласных фонем.

2.2. Редукция кратких гласных в непервых слогах слова повлияла на фонологические структуры различных морфем, особенно аффиксальных морфем. Во многом они подверглись редукции и стали многовариантными по форме.

3. В результате монофтонгизации дифтонги стали долгими монофтонгами (простыми долгими гласными). При этом качество образовавшихся монофтонгов было различным в зависимости от позиции их употребления в слове.

3.1. В позиции непервого слога твердорядного слова дифтонги монофтонгизировались, за редким исключением, по первому элементу и сохранили твердорядный характер своего произношения. Естественно, при таком варианте монофтонгизации дифтонга слово сохранило твердорядную артикуляцию.

3.2. В первом слоге твердорядного слова дифтонги обрели облик мягкорядного долгого монофтонга. В результате чего произошла сингармоническая трансформация слова и оно стало мягкорядным.

3.3. Дальнейшее развитие дифтонгов, как и исконно долгих монофтонгов, дало в калмыцком языке следующие результаты: Все долгие гласные в односложных словах, в конце, а иногда и в середине, многосложного слова, в том числе и долгие гласные, образованные в результате монофтонгизации дифтонгов, подверглись количественной редукции и стали в фонологическом отношении краткими гласными фонемами, что можно представить обобщенно в виде модели $\bar{V} > V$. Однако в подсистеме гласных фонем это не сказалось, ибо и краткие, и долгие гласные в языке были до этого. Эти изменения коснулись лишь звуковой оболочки слов.

4. Существенным для фонологической системы языка явилось возникновение новых гласных фонем [æ, æ:], которые стали противопоставляться гласным [a] и [a:] по ступени подъема артикуляции и сингармонической рядности их употребления в слове.

Долгая фонема [æ:] явилась рефлексом монофтонгизации дифтонгов, а краткая гласная фонема [æ] образовалась во многих случаях в результате редукции долгой фонемы [æ:], а также в результате корреляции мягких согласных в слове.

5. Подсистема согласных фонем калмыцкого языка также претерпела ряд изменений. К ним относится возникновение новых согласных фонем, например, [v, ɑ] в результате расщепления согласных фонем [b, g]. Другие изменения согласных оказали влияние больше на звуковую структуру слов и морфем, не затрагивая подсистему согласных фонем.

6. Свойственный калмыцкому языку палатальный сингармонизм также подвергся изменениям, но сохранил свои основные черты.

6.1. К бросающимся в глаза изменениям относится сингармоническая трансформация слов из твердого ряда в мягкий. Она свидетельствует о некоторых произошедших в системе калмыцкого сингармонизма изменениях. В результате чего многие слова твердого ряда перешли в группу слов мягкого ряда.

6.2. Наиболее значительным явлением для системы калмыцкого сингармонизма было возникновение компактностного сингармонизма, суть которого состоит в формировании тембровой структуры слов двух сингармонических рядов, что предполагает характер употребительности в непервых слогах слова гласных по признаку ширины раствора их артикуляции. В непервых слогах калмыцкого слова могут употребляться гласные нижнего и высокого подъемов, а употребительность гласных среднего подъема типа [ɔ, ɔ:, œ, œ:, ε, ε:] ограничена только первым слогом слова.

7. В лексическом составе языка также произошли заметные изменения. Многие из них вызвали изменение в лекической системе языка.

7.1. Многие слова стали архаизмами или вышли из употребления. Немало случаев, когда слова сохранились, но их семантика подверглась частичному или полному преобразованию как, например, слова типа *хаалh* исконное значение «ворота, дверь», а в современном калмыцком языке употребляется в значении «путь, дорога», *альчур* «платок», прежде обозначало «полотенце». Произошли изменения значений слов в связи с изменением функций обозначаемых ими предметов.

7.2. Лексика калмыцкого языка пополнилась и за счет новых слов, образованных на основе калмыцкого материала – это слова типа боднцг «картофель», хустг «спички», хавст «капуста», а также путем образования сложных слов и сращений.

7.3. Заимствование – один из распространенных способов пополнения лексики любого языка. Естественно, оно характерно и для калмыцкого языка. Больше всего в калмыцком языке заимствований из тибетского, санскрита, тюркских и русского языков.

8. Произошли в калмыцком языке и морфологические изменения. Во многих случаях служебные слова и частицы перешли в аффиксальные морфемы, появились новые грамматические формы - лично предикативные аффиксы, которые участвуют и в системе спряжения глаголов, возникли специальные аффиксы порядковых числительных, новые падежные формы и др.

9. Утвердившейся представление, что истоки калмыцкой письменности восходят к «Ясному письму» Зая-Пандиты, надо признать мнимым. Письменность эта была одним из промежуточных этапов в многовековой письменной традиции калмыцкого народа, предки которого пользовались киданьскими и другими письменными системами.

9.1. Особое место в истории письменной культуры калмыков занимает общемонгольская письменность, которой калмыки и их предки ойраты пользовались с самого ее зарождения до 1924 года, наряду с «Ясным письмом».

9.2. Калмыки пользовались в XX в письменностями на латинской и кириллической основах. И письменная традиция продолжается теперь на кириллической основе. На ней создан калмыцкий литературный язык и современная калмыцкая литература.

Литература

1. Аврорин В.А.Сингармонизм гласных орочского языка // Языки и фольклор народов Сибирского Севера. М., Наука, 1966. С. 174 – 183.

2. Аврорин В.А. Проблемы изучения функциональной стороны языка. Наука, Л., 1975, 276 с.

3. Алпатов В.М. 150 языков и политика – 1917-2000. Социолингвистические проблемы СССР и постсоветского пространства. М., 2000. 224 с.

4. Бадмаев Б.В. Проблема служебных слов в калмыцком языке: послелоги. // Вопросы теоретической грамматики калмыцкого языка. Москва-Элиста, 2002. С.90-112.

5. Бертагаев Т.А. Чередование фонем и сингармонизм // Морфологическая типология и проблемы классификации монгольских языков. М.-Л., 1965. С. 131-140.

6. Бертагаев Т.А. Морфологическая структура слова в монгольских языках. М., 1969

7. Бертагаев Т.А. Лексика современных монгольских литературных языков. М., 1974, 381 с.

8. Биткеева Г.С. Роль эвфемизмов в историческом развитии языка. // Проблемы исторического развития монгольских языков. СПб., 2007. С.32-35.

9. Биткеев П.Ц. Согласные фонемы калмыцкого языка. Улан-Удэ, 1965. 70 с.

10. Биткеев П.Ц. Фонетические причины сингармонической трансформации слов в монгольских языках. // Извести Сибирского отделения Академии наук СССР, №11, вып. 3, Новосибирск, 1968. С. 123 – 129.

11. Биткеев П.Ц. Проблемы фонетики калмыцкого языка. (Квантитативные и квалитативные изменения гласных). Элиста, 1975. 164 с.

12. Биткеев П.Ц. Проблема долготности в фонологической системе ойратского языка.// ВЯ, 1985, №5. С. 111-120.

13. Биткеев П.Ц. Теоретические проблемы монголистики и функционирование современных монгольских языков.// Живой язык (Теоретические и социокультурные аспекты функциони-

рования и развития современных монгольских языков). Элиста, 2007. С. 12-14.

14. Биткеев П.Ц. Долготные комплексы. // Проблемы исторического развития монгольских языков. СПб, 2007. С.25-31.

15. Биткеев П.Ц. Закон корреляционной модификации и долгие гласные в монгольских языках // IX Международный конгресс монголоведов. М., 2006. С. 222-229.

16. Бобровников А.А. Грамматика монгольско-калмыцкого языка. Казань, 1849.

17. Болд Л. Орхон бичиг. // Төв Азийн нүүдэлчдийн бичиг үсгийн товчоон. Улаанбаатар, 2001. С. 7- 76.

18. Будаев. Акцентуация бурятского языка. М., 1981, 110 с.

19. Бураев И.Д. Звуковой строй бурятского языка. Улан-Удэ, 1960, 195 с.

20. Бурыкин А.А. Язык малочисленного народа в его письменной форме. СПб., 2004, 373 с.

21. Вербицкая Л.А.. Давайте говорить правильно. М., 1993, 144 с.

22. Викторова Л.Л. Монголы. Происхождение народа и истоки культуры. М.,1980. 224 с.

23. Виноградов .В. А. Сингармонизм // Лингвистический энциклопедический словарь.М., 1990. С. 445.

24. Владимирцов Б.Я. Сравнительная грамматика монгольского письменного языка и халхаского наречия. Л, 1929. 450 с.

25. Владимирцов Б.Я. Монгольские литературные языки (К латинизации монгольской и калмыцкой письменности) // Записки ИВ АН СССР. Т.1, М., 1932. С. 1-17.

26. Выдрина А.В. К вопросу о фонологическом статусе неясного гласного в калмыцком языке // Проблемы исторического развития монгольских языков. СПб., 2007. С. 36-43.

27. Гантогтох Г. Соёмбо үсэг. // Төв Азийн нүүдэлчдийн бичиг үсгийн товчоон. Улаанбаатар, 2001. С. 261-288.

28. Гантогтох Г. Вагиндра үсэг. // Төв Азийн нүүдэлчдийн бичиг үсгийн товчоон. Улаанбаатар, 2001. С. 305- 328.

29. Герасимович Л.К. К вопросу о характере ударения в монгольском языке // Монголын судлал. T.VIII. Улан-Батор, 1971. С. 183-190.

30. Грамматика бурятского языка. Улан-Удэ, 1962, с.340.
31. Грамматика калмыцкого языка. Элиста, 1983. 336 с.
32. Дарбеева А.А. Историко-сопоставительные исследования по грамматике монгольских языков. Фонетика. М., 1996, 168 с.
33. Есенова Т.С. Русский язык в Калмыкии. Элиста, 2003, 208 с.
34. Жамьян Г. Обозначение долгих гласных в ойратском письме // Народы Азии и Африки, №5. М.,1970. С. 150-152.
35. Жамьян Г. «Ясное письмо» в сравнительном освещении. АКД. Улан-Батор, 1988.
36. Зиндер Л.Р. Общая фонетика. Л., 1979. 333 с.
37. Зиндер Л.Р., Маслов Ю.С. Л.В. Щерба - лингвист-теоретик, педагог. Л., 1982,104.
38. Зиндер Л.Р. Теоретический курс фонетики современного немецкого языка. СПб., 1997, 184 с.
39. Золхоев В.И. Ударение в монгольском языке // Материалы по истории и филологии Центральной Азии. Вып.V. Улан-Удэ, 1970. С. 59-63.
40. Иванов В.В. Историческая фонология русского языка. М., 1968, 355 с.
41. Кара Д. Книги монгольских кочевников. М.-Л., 1972. 220 с.
42. Кара Д. The Mongolia society special papers. Earli kalmyk primers and other schoolbooks Samples from Textbooks 1925 – 1930. Bloomington, 1997, 133 с.
43. Касевич В.Б. Фонологические проблемы общего и восточного языкознания. М., 1983. 292 с.
44. Кичиков А.Ш. Дербетский говор. Элиста, 1963, с. 87.
45. Котвич В.Л. Опыт грамматики калмыцкого разговорного языка. СПб, 1915
46. Котвич В.Л. Опыт грамматики калмыцкого разговорного языка. Издание второе. Прага, 1929.
47. Котвич В.Л. Исследования по алтайским языкам. М., 1962. 371 с.
48. Кузьменков Е.А. Первичные долгие гласные в среднемонгольском языке. // Звуковой строй монгольских языков. Улан-Удэ, 1989, с. 43 - 49.

49. Кузьменков Е.А. Фонологическая система современного монгольского языка. СПб 2004. 208 с.

50. Крылов С.А.Теоретическая грамматика современного монгольского языка и смежные проблемы общей лингвистики. М., 2004. 479 с.

51. Лигети Л., Г.Д.Санжеев. Сравнительная грамматика монгольских языков. Т.1. // ВЯ, 1955, №6. С. 133-140.

52. Лувсанбалдан Х. Ясное письмо и его памятники. АКД. Улаанбаатар, 1974, 19 с.

53. Лувсанбалдан Х. Тод үсэг, түүний дурсгалууд. Улаанбаатар, 1975, с.356.

54. Лувсанвандан Ш. Монгол хэлний авиа зохицох тухай асуудал.. // Монголын судлал. Улаанбаатар. 10-11 боть. 2-р дэвтэр, 1975. С. 9-14.

55. Лувсандэндэв А. Еще раз о значении «Ясного письма». // «Джангар» и проблемы эпического творчества. Элиста, 2004. С. 25-31.

56. Мартине А. Принцип экономии в фонетических изменениях. М., 1965, 260 с.

57. Матусевич М.И. Современный русский язык. Фонетика. М., 1976, 288 с.

58. Матхеев Б.В. Некоторые особенности модификации фонем в говоре тункинских бурят. // Вопросы бурятской филологии. Вып. 1, Улан –Удэ, 1972.

59. Мельников Г.П. Монгольский вокализм как система и алтайская гипотеза. // Проблема общности алтайских языков. Л., 1971. С. 293-307.

60. Мельников Г.П. О взаимоотношении агглютинации и сингармонизма. // Морфологическая типология и проблема классификации языков. М.-Л., 1965. С. 293-315.

61. Мөөмөө С. Монгол хэлний авиан зүй. Улаанбаатар, 1979. 306 с.

62. Наделяев В.М. Состав фонем в звуковой системе современного монгольского языка.// Вестник Ленинградского университета. №8. вып.2. Л.,1957. с 123-131.

63. Наделяев В.М. Проект универсальной унифицированной фонетической транскрипции (УУФТ). М.-Л.,1957, 66 с.

64. Павлов Д. А. Современный калмыцкий язык (Фонетика и орфография). Элиста, 1968, 237 с.

65. Попов А.В. Грамматика калмыцкого языка. Казань, 1847, 390 с.

66. Поппе Н.Н. Строй халха-монгольского языка. Л., 1936, 23 с.

67. Поппе Н.Н. Грамматика письменно-монгольского языка. М.-Л., 1937, 196 с.

68. Poppe N. Introduction to Mongolian Comparative Studies. Helsinki, 1987.

69. Пюрбеев Г.Ц. Функциональное чередование звуков в монгольских языках. //ВЯ., М., 1971, №8. С. 89-93.

70. Рамстедт Г.И. Сравнительная фонетика монгольского письменного языка и халха-ургинского говора. СПб.,1908, 61 с.

71. Ramstedt G.I. Kalmücrisches Wörterbuch. Helsinki, 1935, 560 с.

72. Рамстедт Г.И. Введение в алтайское языкознание. М., 1957. 254 с.

73. Рассадин В.И. Очерки по исторической фонетике бурятского языка. М., 1982, 198 с.

74. Рассадин В.И. Очерки по морфологии и словообразованию монгольских языков. Элиста, 2008, 232 с.

75. Руднев А.Д. Материалы по говорам Восточной Монголии. СПб., 1911.

76. Руднев А.Д. Хори-бурятский говор. Вып.1.Опыт исследования. Петроград, 1913-1914.

77. Самбуудорж О. Монгол хэлний ойрад аялгууны фонемийн тогтолцоо. Улаанбаатар, 2002, 175 с.

78. Санжеев Г.Д. Грамматика калмыцкого языка. М., 1940

79. Санжеев Г.Д. Сравнительная грамматика монгольских языков. М. 1953, 240 с.

80. Санжеев Г.Д. Современный монгольский язык. М., 1959, 97 с.

81. Санжеев Г.Д. Старописьменный монгольский язык. М., 1964, 91 с.

82. Санжеев Г.Д. От переводчика (статьи Г.Жамьяна). // Азия и Африка. М., 1970. С. 152-153.

83. Санжеев Г.Д. Лингвистическое введение в изучение истории письменности монгольских народов. Улан-Удэ, 1977, 160 с.

84. Svantesson J. Tsendina A. ... The Phonology of Mongolian. Oxford, 2005, 116 s.

85. Содмон Н. «Ясное письмо» ойратов Синьцзяна КНР. АКД. Элиста, 2004, 18 с.

86. Стариков В.С., Наделяев В.М. Предварительное сообщение о дешифровке киданьского письма. М., 1964.

87. Старостин С.А. Проблемы реконструкции древнекитайской фонологической системы. АКД. М., 1979, 16 с.

88. Степанов Ю.С. Основы общего языкознания. М., 1975, 270 с.

89. Сусеева Д.А. Способы словообразования в калмыцком языке. // Вопросы теоретической грамматики калмыцкого языка. Элиста, 2002. С. 113-126.

90. Street J.C. Kalmycin shwa.// American Studies in Altaic Linguitics. Uralic and Altaic series 13. Bloomington. 1962. S. 263-291.

91. Тодаева Б.Х. Монгольские языки и диалекты Китая. М., 1960, 157 с.

92. Төмөртогоо Д. Монгол хэлний түүхэн хэлзүй. Улаанбаатар, 1992, 216 с.

93. Төмөртогоо Д. Монгол хэл шинжилэлийн онол, түүхийн асуудлууд. Улаанбаатар, 2002, 549 с.

94. Төмөрцэрэн Ж. Халхын аялгууны уужимших зохицол. // Монголын судлал. VIII боть. Улаанбаатар, 1970. С. 243-256.

95. Трубецкой С.Н. Основы фонологии. М., 1960, 372 с.

96. Тувшинтогс Б. Историко-сопоставительный анализ глагольной лексики в монгольском и маньчжурском языках. Улан-Батор, 2009, 168 с.

97. Убушаев Н.Н. Фонетика торгутского говора. АКД. М. 1974, 16 с.

98. Hattori Sh.. The length of Vowels in Proto-Mongol. // Олон улсын монгол хэл бичгийн эрдэмтний анхдугаар их хурал. Т.II. Улаанбаатар, 1961. С. 456-462.

99. Цэндээ Ю. Дөрвөд аялгууны язгуурлаг үгс. Улаанбаатар, 2001, 400 с.

100.Цолоо Ж. Орчин цагийн монгол хэлний авиазүй. Улаанбаатар, 2008, 416 с.

101. Цыдендамбаев Ц.Б. Бурятские исторические хроники и родословные. Улан-Удэ, 1972, 667 с.

102.Чареков С.Л. Функционально-семантическая эволюция суффиксов в алтайских языках. СПб., 2000, 191 с.

103.Черкасский М.А. Тюркский вокализм и сингармонизм. М., 1965, 142 с.

104.Чингэлтэй Одоо үейин монгол хэлний зүй. Хөх-хот, 1984, 600 с.

105.Чойжинжав Ойрад аялгууны үг хэлэлгийн материал. Хөх –хот. 1986, 486 с.

106.Чой Лувсанжав. Сопоставительный анализ морфологической структуры слова. АДД. М., 1971, 38 с.

107. Шагдарсүрэн Ц. Хятан бичиг. // Төв Азийн нүүдэлчдийн бичиг үсгийн товчоон. Улаанбаатар, 2001. С. 77- 108.

108. Шагдарсүрэн Ц. Монгол бичиг. // Төв Азийн нүүдэлчдийн бичиг үсгийн товчоон. Улаанбаатар, 2001. С. 109-154.

109. Шурунгова Б.А. Русские заимствования в калмыцком языке. АКД. Элиста, 2004, 18 с.

110. Щерба Л.В. Языковая система и речевая деятельность.. Л., 1974, 428 с.

111. Щербак А.М. Ранние тюрко-монгольские языковые связи (VIII-XIV вв.). СПб, 1997, 297 с.

112. Щербак А.М. Тюрко-монгольские языковые контакты в истории монгольских языков. СПб., 2005, 195 с.

113. Щербак А.М. Предварительные суждения о возможности реконструкции тунгусо-маньчжурского праязыка.// «Живой язык»: Теоретические и социокультурные аспекты функционирования и развития современных монгольских языков. Элиста, 2007. С. 62-65.

114. Якобсон Р. и Халле М. Фонология и ее отношение к фонетике. // Новое в лингвистике. Вып. 2. М.,1962. С.231- 278.

115. Яхонтова Н.С. Ойратский литературный язык XVII века. 1996, 150 с.

Оглавление